

АБАЗЖМР

№ 1 (76)
2009

ТРЫМАЙСЯ ПРАУДЫ!

Што будзе пасля года зебры?

Цяпер мы назіраем амаль што ідылічны перыяд, калі беларускія і еўразвязаўскія чыноўнікі дэманструюць вербальнае братанне. Але варта чорнаму кату праскочыць між Мінскам і Бруселем — і ў нас можа пачацца ранейшая душылаўка.

2

Апалітычныя гісторыі з P. S.

Ён, седзячы на шконцы, падклаўшы пад аркуш дошчачку, пісаў па 10—12 гадзін штодзённа месяц за месяцам свае дзевяць авантурных аповесцей.

55

Генадзь Бураўкін: «Адна справа адчуваць сябе беларусамі, іншая — даказаць гэта»

Калі б у нас на дзяржаўным узроўні гучала беларуская мова, не давялося б таму-сяму даказаць, што ў нас беларуская дзяржава, а не, скажам, Смаленская вобласць.

26

Гендэрнае раўнапраўе праз прызму беларускіх масмедыя

Тэксты, якія мы пішам (прамаўляем), з'яўляюцца не толькі адлюстраваннем навін, падзей (фактаў), але здольны змяніць альбо, наадварот, «закансерваваць» тую ці іншую сітуацыю, напрыклад, стаўленне ў грамадстве да мужчыны і жанчыны.

45

Вынікі конкурсу «Журналісты за гістарычную спадчыну»

Вызначаны пераможцы конкурсу, які праходзіў у межах медыякампаніі БАЖ «Журналісты за гістарычную спадчыну».

Журы ацэньвала каля трох дзесяткаў артыкулаў амаль з усіх рэгіёнаў Беларусі. Большасць аўтараў — нашы калегі, шмат хто не першы год вядзе ў сваіх выданнях адмысловыя рубрыкі, рэалізуе праекты, якія тычацца гісторыі роднага краю.

Пераможцам творчага конкурсу ў намінацыі «Помнікі паміраюць стоячы» прызнаны журналіст Уладзімір Іваноў з газеты «Інфа-кур'ер». Журы адзначыла яго артыкул «Слуцк, который мы утратили».

У намінацыі «145-я ўгодкі паўстання пад кіраўніцтвам Кастуся Каліноўскага» лепшай названая праца «Кастуся Калиновского на самом деле звали Викентий» Глеба Лабадзенкі («Комсомольская правда» в Белоруссии).

У намінацыі «Вандроўка па Беларусі» найвышэйшую адзнаку ўсіх сябраў журы атрымалі рэдактар газеты «Вольнае Глыбокае» Уладзімір Скрабатун (за распрацоўку турыстычнага маршруту «Палацы і сядзібы на шляху Язэпа Драздовіча») і журналіст «Газеты Слонімскай» Сяргей Чыгрын (за артыкул «Пуслоўскія і Альбярцін»).

Спецыяльнымі ўзнагародамі вырашана адзначыць журналістаў газеты «Intex-press» Алеся Гізуна і Людмілу Пракопаву за спецпраект «Сляды спадчыны», а таксама журналіста тэлеканала «Лад» Алеся Матафонава за цыкл перадач «Лабірынты».

У склад журы ўваходзілі: мастацкі рэдактар газеты «Наша Ніва» Сяргей Харэўскі, рэдактар рэсурсу «Заўтра тваёй краіны» і журналіст інтэрнет-газеты «Салідарнасць» Марына Загорская, старшыня ГА «Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры» Антон Астаповіч, старшыня аргкамітэта медыякампаніі «Журналісты за гістарычную спадчыну» Яніна Мельнікава.

Выдавец:

ГА «Беларуская асацыяцыя
журналістаў»

Перыядычнасць 1 раз у 2 месяцы

Выдаецца са снежня 2000 г.

№ 1 (76)

Галоўны рэдактар

Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота

Дзмітрый Майскі,

Photo.bymedia.net

Выданне зарэгістравана

ў Дзяржаўным камітэце

Рэспублікі Беларусь па друку,

рэгістрацыйны № 1553

ад 12.12.2000 г.

Падпісана да друку 5.03.2009 г.

Дата выхаду 25.03.2009 г.

Фармат 60x84 / 8.

Папера афсетная.

Друк афсетны. Ум. друк. арк. 7,4.

Наклад 500 асобнікаў.

Заказ № _____

Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:

220030, г. Мінск,

пл. Свабоды, 17 – 304.

Тэл./факс: (017) 203-63-66,

(029) 126-70-98

e-mail: abajur@baj.by,

baj@baj.by

http://www.baj.by

Друкарня СТАА «МЕДИСОНТ»

ЛП № 02330 / 0056748 ад 22.01.04 г.

Адрас:

220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.

Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,

8-029-623-74-10

office@medisont.com

www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку

аўтары нясуць адказнасць

за падбор і дакладнасць фактаў,

прыведзеных у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць

матэрыялы ў парадку

абмеркавання, не падзяляючы

пункту гледжання аўтараў.

Што будзе пасля года зебры? 2

А. Класкоўскі

**Інтэрнет: рэгуляванне, самарэгуляванне
ці адсутнасць рэгулявання?** 6

А. Бастунец

Не крадзі! 7

А. Класкоўскі

**Адказнасць інтэрнет-бізнесу
за чысціню Байнета** 8

Ю. Зісер

Блогасфера і этыка 10

П. Быкоўскі

Будзьма разам! 11

Т. Гусева

**Гаварыла і паказвала:
былі часы, калі беларускае тэлебачанне глядзелі.....** 13

В. Чаркасава

**Пра старшага сяржанта Жору,
Еўрапейскі суд па правах чалавека
і свабоду слова ў Рэспубліцы Малдова** 21

А. Пырцак, Я. Рыбка

**Генадзь Бураўкін:
«Адна справа адчуваць сябе беларусамі,
іншая — даказаць гэта»** 26

Два лёсы сцэнарыста 30

Я. Казюкін

Сцежкі дзяцінства 36

А. Кажэра

Фальстарт лібералізацыі 39

Я. Раманчук

Зямныя карані філасофскай праблемы 42

А. Раманенка

**Гендэрнае раўнапраўе
праз прызму беларускіх масмедыя** 45

Ю. Міцкевіч

Хто каго мае? 48

М. Коктыш

Літаратурнае майстэрства журналіста 50

Э. Мельнікаў

Апалітычныя гісторыі з Р. С. 55

Л. Міндлін

Аляксандр КЛАСКОЎСКІ,
аналітык інфармацыйнай
кампаніі БелаПАН

Што будзе пасля года зебры

2008-ы для
нашай медыйнай
супольнасці стаў
годам зебры.
Палоска чорная,
палоска светлая...
У сакавіку былі
ператрусы і
канфіскацыі, пры
канцы ж года
нашы бязмежна
велікадушныя
ўлады вярнулі
ў распаўсюд
два брэндны
незалежнай
прэсы. Радуйся,
народ! Да новай
душылаўкі.

Першы акт марлезонскага балета

Праблема ў тым, што ніводзін рэпрэсіўны механізм не зламаны. Увесь арсенал здушэння вольнага слова, незалежных СМІ можа быць элементарна прыведзены ў дзеянне, варта толькі сапсавацца кволаму дыялогу Мінска з Еўропай. І будзе вам тады другі акт марлезонскага балета.

Між тым дыялог Захаду з тутэйшай уладай надта празрыстым не назавеш. Адно што Еўропа «зліла» змест прапановы афіцыйнага Мінска — таго хатняга задання, што ён гатовы выканаць, каб 13 красавіка 2009 года Брусель не размарозіў візавыя санкцыі супраць высокага чынавенства.

Такім чынам, з Мінска ў еўрапейскія структуры 19 лістапада, калі памятаеце, пайшла папера з абяцаннямі, два з якіх тычацца менавіта медыйнай сферы:

- вярнуць у распаўсюд «Народную волю» ды «Нашу ніву»;
- узяць пад увагу вынікі «круглага стала» пад эгідай Міністэрства інфармацыі і АБСЕ, прысвечанага пытанням заканадаўчага рэгулявання дзейнасці інтэрнет-СМІ.

Лёд крануўся. Дзве ашчасліўленыя рэдакцыі (якія пасля «выкіндэсу» незалежнай прэсы з падпісных каталогаў ды кіёскаў перад выбарамі-2006 амаль тры гады мусілі ладзіць распаўсюд саматужна) падпісалі дамовы з поштай і «Саюздрукам». Умовы манапалістаў — асобная песня. Як лічаць у рэдакцыі «НН», адбіраць у яе 55% ад продажнай цаны асобніка — гэта чысты грабеж.

Дарэчы, калі тыя газеты «вычышчалі», то ўсё падавалася як «стасункі гаспадарчых суб'ектаў»: маўляў, эканамічна нявыгадна...

Цяпер, калі ўсё адкруцілі назад па загадзе з самага верху, мы бачым, хто ў нас вырашае, быць ці не быць незалежнай прэсе ў нацыянальных сетках распаўсюду.

Зрэшты, дзеля свабоды СМІ дозу такога «валюнтарызму адлігі» можна ператрываць. Іншая

рэч, што рашэнне палавіністае. Мінск у палітычным гандлі з Бруселем хоча абмежавацца мінімумам саступак. За бортам застаюцца яшчэ многія выданні — ад леваапазіцыйнага «Товарища» да рэгіянальных грамадска-палітычных газет.

Аўтар гэтых радкоў не так даўно меў магчымасць асабіста запытацца ў галоўнага ідэолага дзяржавы сп. Янчэўскага пра лёс астатніх рэпрэсаваных медыяў. Адказ быў: «Пабачым!»

Ну што ж, пабачым.

Чыноўнікі плятуць сваё сеціва

Мой дыялог з кіраўніком ідэалагічнай управы прэзідэнцкай адміністрацыі адбыўся ў кулуарах таго самага «круглага стала», вынікі якога афіцыйны Мінск абяцае ўлічыць.

Як высветлілася, і самі чыноўнікі ўсімі фібрамі за свабоду слова. А калі і хочучы каліва прыструніць інтэрнет-вольніцу, дык выключна дзеля таго, каб паставіць заслон усякім кіберзлачынцам: педафілам, тэрарыстам і да т. п. Цягам мінулагадня канферэнцыі «Інтэрнет-медыі: выклікі XXI стагоддзя» маньякам не аднойчы ікалася. Гэтак часта згадвалі пра іх дзяржаўныя людзі, даводзячы, што толькі супраць гэтай навалы і рыхтуецца нейкі таямнічы дакумент аб парадку дзяржаўнай рэгістрацыі інтэрнет-СМІ.

Вожыку зразумела, што гэтая рэгістрацыя дапаможа барацьбе супраць педафілаў ды бамбістаў як хваробе кашаль. З іншага боку, удумайцеся: якая розніца, дзе адбылося злачынства: у рэале ці віртуале? Ёсць куча ўсялякіх законаў — ад Крымінальнага кодэкса да тых, што ахоўваюць аўтарскае права. Болей чым дастатковы інструментарый, цалкам прыдатны і супраць кіберзлодзеяў. Ёсць і адпаведныя адмыслоўцы ў родным МУС. Так што, далібог, пакінулі б вы ў спакоі сумленных працаўнікоў вэб-журналістыкі!

Большыня экспертаў, на мой погляд, аргументавана давяла, што чыноўніцкі сверб

«зарэгістраваць інтэрнет» — справа шкодная і безнадзейная. Юрый Зісер, кульгавая фігура Байнету, параўнаў высідкі заканадаўцаў у гэтым пытанні з намерам меліярацыйнай канторы асушыць частку Сусветнага акіяну. Грубае адміністраванне хіба што папсуе крыві вэб-журналістам, вышцісне сеціўныя медыі з дамену «.by» у іншыя (шукай ветру ў полі!) ды яшчэ болей азмрочыць імідж афіцыйнага Мінска як «ворага інтэрнету».

Цяпер слова за ўладай. Чыноўнікі далі зразумець, што могуць пайсці на заяўляльны, то бок добраахвотны, прыцып рэгістрацыі інтэрнет-СМІ. Гэта ўжо прагрэс, бо раней казалі пра татальнае ліцэнзаванне. Найлепей жа было б увогуле не прымаць ніякай «пастановы пра інтэрнет». Сп. Янчэўскі намякнуў на магчымасць такога варыянта.

Крок наперад, два крокі назад

Але радавацца рана. Нават калі і не будзе той пастановы, то сам свежаспечаны закон аб СМІ не адпавядае стандартам АБСЕ. У ім багата пастак для свабоды слова і друку (напрыклад, механізм акрэдытацыі журналістаў, які развязвае рукі чыноўніцкаму самаўпраўству і дазваляе адсякаць неўпадабаных). Паводле еўрадэпутата Яцэка Пратасевіча, гэты медыйны закон — адзін з самых жорсткіх у Старым Свеце.

Сёлета ў лютым ён пачаў дзейнічаць, і, на думку незалежных экспертаў СМІ, атрымалася класічнае: крок наперад, два крокі назад. На добры лад варта было б скасаваць шэраг яго рэпрэсіўных артыкулаў. Бюро прадстаўніка АБСЕ ў пытаннях свабоды СМІ гатовае за мілую душу кансультаваць тут беларускую ўладу. Падкрэсліваюць: задарма! Але, магчыма, нашым чыноўнікам гэта акурат і задарма не патрэбна.

Ну скажыце, чаму б падобныя «круглыя сталы» не зладзіць было год таму, калі толькі рыхтаваўся той закон аб СМІ? Хто гнаў у шыю, хто змушаў прымаць яго ў рэжыме абваранай кошкі? А

зараз нават калі ў чым і саступілі ўлады, дык палёгка атрымалася такая ж умоўная, як у старым анекдотце: купі казу — прадай казу!

Цяпер мы назіраем амаль што ідылічны перыяд, калі беларускія і еўразвязаўскія чыноўнікі дэманструюць вербальнае брантанне. Але варта чорнаму кату праскочыць між Мінскам і Бруселем — і ў нас можа пачацца ранейшая душылаўка. Таму звышзадача — дамагацца мінімальна прыстойных рамковых умоў для палітычнага, медыйнага плюралізму, развіцця грамадзянскай супольнасці.

Між тым высветлілася, што дарожнай карты, пра якую было столькі звону, у Еўропы няма. Са слоў сп. Хальцапфеля, кіраўніка мінскага офіса Еўракамісіі, Брусель вырашыў скарыстаць «гнуткі інструмент для дыялога». Мы, маўляў, наўмысна не складалі пакрокавай стратэгіі, каб мець абсяг для маневру. І да 13 красавіка 2009 года, калі заканчваецца тэрмін замарозкі санкцый, Мінск мусіць прадэманстраваць прагрэс у выкананні 12 ранейшых умоў Бруселя, з якіх вылучаныя пяць ключавых.

Зразумела, Еўропа дзьме на ваду. Яна ўжо апыклася на выбарах. Заходнікі дзяўблі: гэтая кампанія стане для беларускіх уладаў тэстам на жаданне... і г. д. У выніку атрымалі анучай па твары: «стэрыйная палата»! А між тым ужо ўзялі кірунак на нармалізацыю, і так неахвота зноў у аковы вайны з «апошняй дыктатурай»! Давялося глытаць пілюлю. І цяпер вось Еўрасаюз страхуецца гумавым паняткам «прагрэс».

Дыялог ЕС з Мінскам мусіць стаць болей празрыстым. Каб у Бруселя не было спакусы «зліваць» балючыя для беларускай дэмакратычнай грамадскасці пытанні, ставячы фармальныя птушкі ў адпаведных графах. Кшталту: «круглы стол»

праведзены — птушка, паехалі далей.

Бо на адных прыгожых словах нашага начальства, прапановаў лордам Бэлам на прадмет максімальнага ўжывання ліберальнай лексікі, далёка не ад'едзем.

І тут важную ролю можа выканаць прынцыповы маніторынг Беларускай асацыяцыі журналістаў.

БАЖаўская праграма-мінімум цывілізаваных рамковых умоў медыйнай працы пракамавалася не аднойчы, паўтараць не буду. Вось па гэтых канкрэтных пунктах, а не па рыторыцы, і трэба адсочваць, ці ёсць нейкі рэальны прагрэс.

Крыхі галоснасці з панскага стала

Пры канцы лістапада 2008 г. аўтару гэтых радкоў давялося ўдзельнічаць у віленскай канферэнцыі дэмакратычных сіл. Партыйныя лідэры шмат разважалі пра неабходнасць прыцягнуць пад свае сцяг як мага болей прыхільнікаў перамен. Але як? Чулася знаёмае з камуністычных часоў «пашырыць», «паглыбіць», «узмацніць», «стварыць адмысловую камісію». Згадва-

лася пра тэхналогію «ад дзвярэй да дзвярэй», пра ўлёткі. (У дні, калі такая прадукцыя трапляе ў паштовыя скрынкі, яе асобнікамі заўжды засмечаны мой пад'езд: ладная частка абываталёў выкідвае агіткі не чытаючы.)

Хіба што Віктар Івашкевіч з БНФ вылучыў нестандартную прапанову. Маўляў, паколькі

ніякіх электаральных кампаній пакуль не прадбачыцца, трэба камунікаваць з насельніцтвам цераз прамоцыю незалежнай прэсы. Балазе «Народная воля» і «Наша ніва» якраз вярнуліся ў шапікі ды каталогі.

Але яго прапанова патанула, як камень у багне.

Хтосьці палічыў справу дробнай. Хтосьці наўпрост сказаў: а мяне «НВ» крытыкавала, чаго я буду дзеля яе жылы рваць (тут ноў комэнт)! Камусьці такая кампанія падалася незразумелым альтруізмам.

Але ж гэта б сто разоў акупілася! Досвед паказвае: толькі праз незалежныя медыі палітычная апазіцыя можа нармальна пракамаваць свае погляды.

Глядзіце, не адзін год яе лідэры дзяўблі пра доступ да дзяржаўных СМІ. Ну і што ў выніку? Мінулай восенню ўлады прадэманстравалі атракцыён нечуванай шчодрасці: далі кожнаму кандыдату па 3 000 знакаў газетнай плошчы, пяць хвілін на радыё і ТБ, а потым яшчэ і прадублявалі эфiрныя выступы.

Але ад гэтага разгулу галоснасці неба на зямлю не звалілася. Па-першае, час паказу быў не самы зручны. Па-другое, фармат гаваркіх галоў сам па сабе не надта эфектны. Дарэчы,

і ў газетах стандартныя брусочки тэкстаў-праграм — апрыёры не самае прыцягальнае чытво.

Ну і, нарэшце, скажам наўпрост: за рэдкім выключэннем, самі выступоўцы не ўразілі свежасцю думак і стылю. Відаць, ізноў вырашылі зэканоміць на паслугах прафесійных журналістаў і піяршчыкаў.

Шэраг дэмакратаў, не перанепружваючы мазгі, проста

падублявалі тое, што звычайна пішацца ва ўлётках. Але ж гэта ілюзія, нібыта варта толькі выгукнуць прагрэсіўныя лозунгі на аўдыторыю ці гучна заклеімаваць рэжым — і мы перавернем свет.

Нічога падобнага. Думкі трэба яшчэ і ўмець адшліфаваць, упакаваць, падаць смачна, эфектна, нестандартна. Выбраць аптымальны жанр, фармат. Толькі тады можна зачапіць нерв паўсядзённых інтарэсаў аўдыторыі.

Гэтая задача вырашаецца не эпізядычнымі прарывамі ў дзяржаўныя медыі, а толькі на грунце шчыльнай супрацы з незалежнымі СМІ. Якія, у сваю чаргу, мусяць мець хаця б мінімальна прыстойныя ўмовы існавання. Гаворка пра больш-менш цывілізаванае

заканадаўства, яго карэктнае выкарыстанне, роўныя правы (у тым ліку і гаспадарчыя) з дзяржаўнымі СМІ. Наступны крок — пытанне дэманалізацыі медыйнай сферы, потым — стварэнне паўнавартаснага медыйнага рынку. Але ў такія ружовыя далягяды пакуль што сягаць не будзьма.

Карацей, выдавочна: крыхі галоснасці з панскага стала — гэта толькі грубая імітацыя свабоды слова. Такая паказуха не пагражае асновам рэжыму, яго медыйнай манаполіі. Не вырашае задачы бесперапыннага ўсебаковага інфармавання насельніцтва, рэгулярнай прэзентацыі ўсяго спектра грамадска-палітычнай думкі.

Але некаторыя змагары за светлую будучыню зацыкліліся на гэтых эфірных квотах, на доступе да дзяржаўных медыяў. Далёка не кожны апазіцыйны палітык улучае ў лік першачарговых лозунг свабоды СМІ (а некаторыя дык і ўвогуле мысляць у духу бальшавіцкага кіравання прэсай). Між тым на добры лад пасля вызвалення палітвязняў менавіта пытанне свабоды СМІ мусяць выйсці на першы план у патрабаваннях да кіроўнай вярхоўкі.

Зразумела, так яна і разгоніцца... Але ж кропля камень точыць.

Моцная сістэма незалежных СМІ уплывала б на стан грамадства непараўнальна больш, чым усе віртуальныя «кааліцый дэмакратыі». Гэта быў бы ўжо не калейдаскоп гаваркіх галоў гады ў рады, а перманентны інфармацыйны прэсінг на ўладу, артыкуляванне альтэрнатыўных поглядаў на развіццё краіны, прычым не ў дубовым фармаце, а дыскусійна, кідка, цераз прафесійны падыход, журналісцкі крэатыў.

Зрэшты, не варта ўсё зводзіць да праблемы змагання з рэжымам.

Цывілізаваная медыйная сістэма проста жыццёва неабходная нашай краіне, каб мы не апынуліся ў трэцім свеце, адстаўшы ад эпохі інфармацыйнага грамадства.

За творчы апгрэйд!

Слабенькая медыйная адліга змушае і нас, журналістаў, задумацца над якасцю свайго прадукту. У нашай палітычна выроўлівай рэчаіснасці вялікая спакуса стаць на бок адной з сіл, узброіцца просценькай чорна-белай схемай. Але не трэба бытаць газету з барыкадай.

Ад эксплуатавання ў медыйнай прасторы біпалярнага падыходу ў абываталю застаецца ўражанне, што кіроўная каманда і яе палітычныя праціўнікі б'юцца за пусты мех, паліваючы адзін аднаго па поўнай праграме. У медыях бракуе культурнай, інтэлектуальнай дыскусіі, асэнсавання шляхоў змены сітуацыі. Асэнсоўваць цяжэй, чым выгукваць лозунгі. Між тым варта даводзіць паспалітаму люду простыя ісціны. Напрыклад: праблема не ў тым, што менавіта Лебедзьку з Вячоркам не пускаюць у парламент, — гэта ж найперш вас, шаноўныя, пазбаўляюць права выбару!

Трэба дапамагаць безгалосаму насельніцтву станавіцца грамадзянскай супольнасцю.

Карацей, незалежная прэса не выедзе на прымітыўныя агітках. Трэба варушыць глаздамі: як зрабіць моцны, крэатыўны прадукт? Бо інакш праз нейкі час улада скажа: ну вось, вярнулі ў шапікі, а накладкі амаль што тыя самыя!

Глядзіце, як выхад з андэрграўнду падхліснуў рэдакцыю «Нашай нівы». За беларушчыну, за духоўнасць таксама варта змагацца ўмеючы. Сталі шукаць маркетынгавыя хады. Выданне перайшло на колер і — не збаяўшыся гневу адэптаў тарашкевіцы — на акадэмічны правапіс.

Не будзем тут абмяркоўваць, удалы гэта ход ці не надта.

Факт тое, што, каб быць цікавым чытачу (гледачу, слухачу, юзеру), журналіст мусяць трохі варушыць звільнай. Перыядычна ладзіць сабе апгрэйд, кажучы камп'ютэрнай мовай.

Зрэшты, годзе вас грузіць. Самы час узняць тост.

Ну, за творчы апгрэйд!

Напрыканцы студзеня ў Мінску адбыўся «круглы стол» на тэму «Самарэгуляванне ў Байнеце». Пільная ўвага да Сеціва з боку журналісцкай супольнасці тлумачыцца леташнімі ініцыятывамі некаторых дзяржаўных структур, скіраванымі на тальны кантроль, прадрыктаванымі жаданнем зацугляць стракатую віртуальную прастору.

Наколькі гэта магчыма і ці патрэбна ўвогуле, разважаюць як стваральнікі інтэрнет-рэсурсаў, так і тыя, хто імі штодня карыстаецца.

Андрэй БАСТУНЕЦ,
журналіст, юрыст

ІНТЭРНЕТ:

рэгуляванне, самарэгуляванне ці адсутнасць рэгулявання?

Прыхільнікаў той ідэі, што ніякае рэгуляванне ў інтэрнеце наогул не патрэбнае, даволі шмат. Некаторыя яго карыстальнікі негатывна ставяцца да мадэрацыі і (тым больш) прэмадэрацыі допісаў на форумах і ў каментарых, а паведамленні наконт правілаў вядзення дыскусіі выклікаюць у іх шквал адмоўных эмоцый.

Паказальна, што і стаўленне прыхільнікаў «анархіі» ў інтэрнеце, і заклікі службовых асобаў хутчэй яго «адрэгуляваць» — гэта наступствы зыходнага тэзіса пра сённашнюю быццам бы непадкантрольнасць Сеціва.

Але такое наіўнае ўяўленне пра інтэрнет як абсалютна свабодную прастору паціху адыходзіць у мінулае.

Хаця спецыялізаванага нарматыўнага акта, які б тычыўся менавіта дзейнасці ў інтэрнеце, у Беларусі пакуль няма, але на ўсіх, хто распаўсюджае сваю інфармацыю праз Сеціва (як, дарэчы, і на тых, хто займаецца камерцыйнай), пашыраюцца агульныя нормы заканадаўства. Напрыклад, закон «Аб аўтарскім праве і сумежных правах», Крымінальны і Грамадзянскі кодэксы, Кодэкс аб адміністрацыйных правапарушэннях, законы аб дзяржаўных сакрэтах і г. д. Напрыклад, толькі ў Крымінальным кодэксе можна знайсці шэсць артыкулаў аб

адказнасці за паклёп і абразу, артыкулы пра дыскрэдытацыю краіны, парушэнне аўтарскага права, распаўсюд канфідэнцыйнай інфармацыі, парнаграфіі, заклікаў да змены ўлады, умяшанне ў прыватнае жыццё... Яны могуць тычыцца і тых, хто працуе ў інтэрнеце.

«Маладое віно ў старыя мяхі»

Спробы стварыць «спецыялізаваны» нарматыўны акт у гэтай сферы сутыкаюцца з некалькімі праблемамі. Напрыклад, з пагрозай выкарыстання традыцыйных падыходаў да новых выклікаў часу (іншымі словамі — «улівання маладога віна ў старыя мяхі»). Яшчэ адна праблема — трансгранічны характар інтэрнету.

Напрыклад, у Сеціве з'яўляецца інфармацыя, якая ў нейкай дзяржаве лічыцца незаконнай. Ці могуць тут прыцягнуць да адказнасці чалавека, які размясціў гэтую інфармацыю ў іншай краіне, дзе яна цалкам правамерная?

Тут нават еўрапейскія суды дэманструюць розныя падыходы. Былі выпадкі, калі аўтараў прыцягвалі да адказнасці ў той краіне, куды трапляла «незаконная» інфармацыя, выкарыстоўваючы такія ж самы

падыход, які звычайна ўжываюць пры разглядзе спраў аб друкаваных выданнях. То бок, калі выдавец ці рэдактар ведалі, што пэўная інфармацыя трапіць у краіну, дзе лічыцца незаконнай (напрыклад, друкаванае выданне распаўсюджаецца там па падпісцы), то яны могуць несці адказнасць паводле заканадаўства менавіта гэтай краіны.

Але ж размяшчэнне інфармацыі ў Сеціве адрозніваецца ад даступнай для многіх, незалежна ад дзяржаўных межаў. І калі рухацца па гэтай сцежцы далей, то мы прыйдзем да таго, што мяжу свабоды слова ў інтэрнеце будзе ўсталёўваць дзяржава з найбольш таталітарным заканадаўствам...

Розныя падыходы еўрапейскіх структур

Праблема рэгулявання і самарэгулявання дзейнасці ў інтэрнеце абмяркоўвалася рознымі еўрапейскімі структурамі. Цікава, што яны дэманструюць розныя падыходы. Напрыклад, Камітэт Міністраў Рады Еўропы рэкамендуе рэгуляваць свабоду выказвання ў Сеціве не больш жорстка, чым у дачыненні да ўсіх іншых сродкаў масавай інфармацыі. А Прадстаўнік АБСЕ па пытаннях свабоды СМІ (дарэчы,

прыхільнік самых ліберальных падыходаў) заклікае абмяжоўваць рэгуляванне толькі тымі галінамі, дзе яно непазбежнае, а ў ідэале разглядаць інтэрнет як аўтаномную прастору.

У якасці альтэрнатывы рэгуляванню Еўразвяз разглядае класіфікацыю і фільтрацыю інтэрнету (калі праграмы фільтрацыі правяраюць вэб-дакументы для блакавання шкоднага кантэнту, перш чым яны з'яўяцца на маніторы камп'ютэра).

Рада Еўропы таксама не выключае ўстаноўкі фільтраў — напрыклад, для абароны непаўналетніх. Прапагандуецца выкарыстанне праграм фільтрацыі і на сямейным узроўні — напрыклад, бацькамі, якія хочуць прадухіліць прагляд дзецьмі «шкодных» сайтаў. А класіфікацыя прадугледжвае выкарыстанне падыходу накшталт таго, які існуе ў кіно (адна, дзве, пяць зорчак у залежнасці ад таго, чаго чакаць ад фільма і каму рэкамендуецца яго глядзець).

Тым часам Прадстаўнік АБСЕ выступае супраць фільтрацыі і класіфікацыі, заўважаючы, што такая практыка можа абмежаваць доступ і да цалкам законнай інфармацыі. Бо тыя робаты, што праводзяць фільтрацыю, часам робяць гэта не зусім карэктна. Ёсць прыклады, калі пошукавыя

сістэмы блакавалі ўсе п'есы Шэкспіра, кнігу «Мобі Дзік» і нават Дэкларацыю незалежнасці.

Тое ж самае тычыцца і праграм, якія выкарыстоўваюцца на ўзроўні сям'і, калі бацькі жадаюць абмежаваць доступ дзяцей да пэўных рэсурсаў. Можа стацца, што распрацоўшчыкі праграм, скіраваных на блакаванне гэтых рэсурсаў, маюць зусім іншы погляд на тое, да чаго варта абмежаваць доступ. Што да класіфікацыі, то яе крытыкі заўважаюць, што яна ў інтэрнеце проста немагчымая з прычыны колькасці рэсурсаў і бесперапыннага з'яўлення новых.

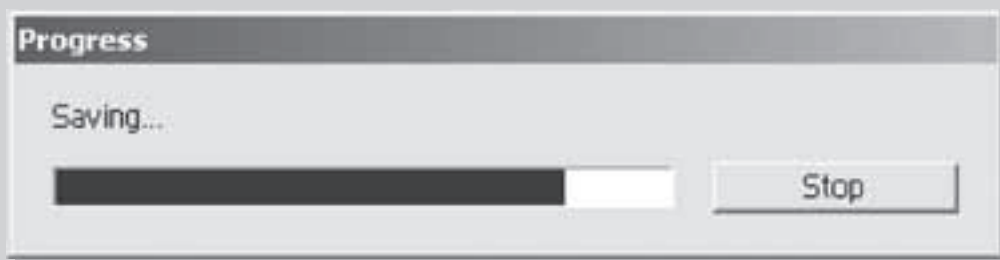
Калі ж інфармацыя патрапіла ў краіну, дзе яе могуць палічыць незаконнай, то тут прапануваецца карыстацца крытэрам адказнасці па месцы «запампоўвання» інфармацыі ў інтэрнет. Калі ў краіне, дзе пэўныя звесткі былі змешчаныя ў Сеціва, яны не з'яўляліся забароненымі, то ні ў якой іншай дзяржаве аўтары ці крыніцы інфармацыі не павінныя несці адказнасці, незалежна ад патрабаванняў заканадаўства краіны, дзе гэтая інфармацыя дайшла да карыстальнікаў.

Еўрапейскія структуры прапануюць адсочваць незаконны кантэнт з дапамогай «гарачых ліній», куды можна звярнуцца са скаргай на тую

ці іншую інфармацыю, размешчаную ў Сеціве. Маецца на ўвазе, што пры з'яўленні на сайце матэрыялу, які размешчаны не рэдактарамі сайта, а тымі ж карыстальнікамі (як у нядаўнім інцыдэнце з газетай «Прессбол»), прыцягваць да адказнасці можна толькі ў двух выпадках: калі рэсурс адпачатку ведаў пра незаконнасць матэрыялу і ўсё ж размясціў яго, альбо калі інфармацыя не была хутка знятая з сайта пасля таго, як яго ўладальнікам паведамлілі пра яе незаконны характар.

Але і ў гэтай прапанове ёсць шмат крытыкаў, якія бачаць тут магчымасць самацэнзуры. Яны лічаць, што здымаць інфармацыю будуць, хутчэй за ўсё, без парадаў юрыстаў і не на падставе судовых рашэнняў, і гэта можа прывесці да абмежавання свабоды выказвання ў Сеціве.

І нават у пытаннях самарэгулявання падыходы еўрапейскіх структур адрозніваюцца. Усе яны рэкамендуюць развіваць і папулярызаваць самарэгуляванне, але пры гэтым Прадстаўнік АБСЕ па пытаннях свабоды СМІ звяртае ўвагу на тое, што яно можа мець тэндэнцыю да непразрыстасці, быць выкарыстана ў камерцыйных мэтах, прывесці да аслаблення прадугледжаных законам фундаментальных правоў.

Аляксандр КЛАСКОЎСКИ

Не крадзі!

Парадыгма інтэрнету — гэта самарэгуляванне. І лепей нам самім дамовіцца, чым нехта прыйдзе з бізуном і скажа: калі вы такія несвядомыя, дык зараз мы тут будзем рэгламентаваць і рэгуляваць.

Выкарыстанне чужога кантэнту — гэта адна з самых балючых праблем. Прычым, як ні парадаксальна, крадуць інфармацыю менавіта профі.

Блогерам чужыя лаўры не патрэбныя. Увогуле, класічны блог — гэта гіперспасылка і маленькі камент, маленькая рэмарка. Я часам праглядаю,

як блогеры каментуюць нейкія мае артыкулы. Ён, канешне, можа змяшаць мяне з гразцю, але напачатку абавязкова зазначыць: «Як піша спадар Класкоўскі на naviny.by...» — і зробіць гэта акуртаненька, з наўпростай гіперспасылкай.

А вось у профі спакуса скрасці значна мацнейшая. Таму што ён атрымлівае «аклад жалавання», яму трэба выдаваць нейкі ўласны прадукт. А кадраў, рэсурсаў мала, нестae крэатыву, а то і жадання. Навошта, маўляў, напружвацца, бегаць недзе,

калі можна гатовенькае акуртаненька ўзяць у іншых і выдаць за свой кантэнт?

Прадстаўнікоў некаторых рэсурсаў (прычым даволі раскручаных, якіх цытуюць замежныя СМІ) я ніколі не бачыў ні на адным мерапрыемстве, ні на адной акцыі. Як дурні туды прuccа журналісты БелаПАНу, рызкуючы іншым разам і гумавым дручком па хрыбце атрымаць... Яны цягаюць каштаны з агню, а хто-кольвек бярэ і «элегантна» прысабечвае вынікі гэтай працы.

Ёсць, канешне, такая рэч, як апэратыўная аналітыка — гэта адна з «фішак» «Беларускіх навінаў». Мы можам узяць інфармацыю БелТА, «Інтэрфаксу», але толькі як штуршок, базу для ўласнай аналітыкі. Гэта не проста кампіляцыя — узялі, перапісалі два словы і падалі як свой уласны матэрыял.

Так што адна рэч — калі робіцца сумленны дайджэст альбо апэратыўная аналітыка, а зусім іншая — калі за кошт паразітавання на чымсьці прадукце нейкі рэсурс робіць сабе імідж, раскручваецца і г. д.

Пры гэтым трэба адзначыць, што эпоха грубага плагіяту ўжо паціху адыходзіць у мінулае. Цяпер ужо рэдка цалкам прысабечваюць нейкія артыкулы — пайшлі больш тонкія метады.

Самае пашыранае — гэта маскіроўка спасылкі. То бок — не скажаш, што «садралі». Спасылка на крыніцу ёсць, але яна, па-першае, хітра ўвярстаная ў сярэдзіну тэксту, і трэба тры разы прачытаць, перш чым заўважыш, што гэта інфармацыя pavnu.by ці БелаПАН. І яна не аформленая як «гіпер». Гіперспасылка адразу заўважная, яна вылучаецца ў тэксце.

Яшчэ адзін хітры прыём — калі цалкам бярэцца нейкі матэрыял, але спасылка ставіцца не зверху і не знізу (тады зразумела, што гэты артыкул цалкам узяты аднекуль), а ў сярэдзіне. «ВВП, як паведамляе БелаПАН, вырасце на столькі і столькі адсоткаў...» І ўражанне такое, што БелаПАН спрычыніўся толькі да інфармацыі пра ВВП, хаця насамрэч яму належыць увесь артыкул.

Я сфармуляваў некалькі правілаў сеціўнай этыкі, як мне падаецца, вельмі простых. Не трэба нейкі вялікі кодэкс пісаць, дастаткова дамовіцца пра некалькі элементарных пастулатаў, і гэта будзе зусім іншы ўзровень сеціўнай культуры.

1. **Гіперспасылка на першакрыніцу** — гэта святое. Прычым менавіта «гіпер-» і менавіта на канкрэтную публікацыю, а не проста на сайт. На жаль, гэта рэдка робяць нават рэсурсы, якія ў іншым паказваюць прыклады этычнай працы. Так, гэта вымагае трохі большых затратаў часу, але затое не раздражняе карыстальніка, які і без таго ведае адрас галоўнай старонкі рэсурсу, але хоча праглядзець першакрыніцу.

2. **Перадрук ёсць перадрук.** Калі мае месца перадрук, то **гіперспасылку вярта не тапіць недзе ў глыбіні тэксту, а ставіць пад ці над матэрыялам.** (Бо іншым разам спасылку на першакрыніцу можна ўбачыць прыхаванай недзе ў сярэдзіне нататкі. І невядома, тычыцца спасылка нейкай канкрэтнай фразы, лічбы ці ўсёй нататкі.)

3. Цытата ёсць цытата. Пры даслоўным **выкарыстанні фрагментаў чужога тэксту трэба афармяць іх паводле ўсіх правілаў** цытавання — то бок браць у двукоссе і г. д. Не афармяць прымітыўную нарэзку з чужых тэкстаў як уласны прадукт.

4. Пры перадруку арыгінальных тэкстаў **падпісваць іх прозвішчам аўтара, а не толькі назвай СМІ.** Асабліва гэта важна, калі перадрукоўваецца не інфармацыйная нататка, а каментар, меркаванне. Іначым аўтару, які стараўся зрабіць адметны, нестандартны твор,

вядома ж, крыўдна. Ды і некарэктна выдаваць яго погляд за пазіцыю пэўнага рэсурсу, кшталту: «Як мяркуюць pavnu.by». Бо на тых Навінах.бай выступаюць і Зімоўскі, і Класкоўскі...

5. **Не скажаць сэнс перадрукаваных матэрыялаў занадта экспрэсіўнымі, хуліганскімі загаловамі** дзеля таго, каб стварыць ілюзію сенсацыйнасці ды злавіць чытача на кручок. Скажам, ідзе парламенцкі карэспандэнт БелаПАН у Нацыянальны сход, піша нататку пра пасяджэнне нейкай камісіі, а потым на ультрарэвалюцыйным рэсурсе даюць: «Чарговае ганебнае рашэнне «палаткі»...» Потым гэтага карэспандэнта і на парог не пусцяць, не акрэдытуюць! І даводзь пасля, што ты не вярблюд, што гэта не ты прыдумаў такі заглавак... Часам, канечне, мяняць трэба, таму што, напрыклад, агенцтвы найчасцей даюць сухія разгорнутыя загаловкі, якія не ўлісваюцца ў стыль канкрэтнага рэсурсу. Але трэба мець пачуццё такту, густу і не «падстаўляць» аўтару.

І яшчэ адзін спосаб павышэння сеціўнай культуры — гэта сістэмная адукацыя. У Байнеце на 99% працуюць самавучкі. Так, яны маюць дыпломы журфака і г. д. Але патрэбная сістэмная адукацыя менавіта ў галіне вэб-журналістыкі. Трэба фармалізаваць пэўныя правілы. Па-першае, на ўзроўні асобных рэсурсаў — бо, калі тыя самі прапішучь свае правілы, будзе прасцей змагацца з плагіятарамі. Па-другое — на ўзроўні айчынай вэб-супольнасці таксама павінен быць нейкі «маральны кодэкс». Нешта простае і грунтоўнае.

Ответственность интернет-бизнеса за чистоту Байнета

Определение «**социальная ответственность бизнеса**» объясняется как ответственность тех, кто принимает бизнес-решения, перед теми, на кого прямо или косвенно эти решения влияют. То есть это добровольный вклад бизнеса в

развитие общества, напрямую связанной с основной деятельностью компании.

Но это только социальная ответственность. Вообще же ответственность бизнеса не ограничивается социальной сферой. Бизнес в конечном

итоге отвечает за все, как и все мы за все перед всеми в ответе.

Бизнес не существует в вакууме. Он работает в среде, и от среды зависит, признают этот бизнес или нет, будет ли он успешным. Среда — это органы государственной власти, управления,

Юрий ЗИССЕР

субъекты хозяйствования, общественные организации и, собственно говоря, общество, в том числе и пользователи интернета.

К чему сводится ответственность белорусского интернет-бизнеса? Я бы не ограничивал вопрос только авторским правом. Это важная проблема, но это лишь один из аспектов.

Конечно же, ответственность интернет-бизнеса, прежде всего, заключается в **соблюдении законодательства**, в том числе и закона об авторских правах. Нередко заходит речь о том, что в интернете «пионеры» информацию, и звучат реплики, что TUT.BY это сходит с рук. Да, но не потому что он позиционирует себя как дайджест, а потому что TUT.BY со всеми источниками информации договаривается — то есть имеет, как правило, письменные договоры. Какую-то информацию мы покупаем за деньги, какую-то — приобретаем по бартеру, где-то на сайтах написано, что информацию можно брать. Но просто так никто ничего не берет. И мы вправе надеяться, что так будут делать все.

В сферу ответственности бизнеса входит также **разъяснительная и просветительская работа** по распространению интернета среди населения и организаций. Любой бизнес должен не просто что-то делать. «Правильный» бизнес обязан объяснять, почему он это делает. (Это только наше государство может себе позволить ничего толком не объяснять.)

Кроме того, в сферу ответственности белорусского интернет-бизнеса входит и **организация модерирования** своих ресурсов. Это и печальный, и радостный опыт, без которого, как показывает практика TUT.BY, диалоги между пользователями рискуют погрязнуть в разборках, взаимных оскорблениях и т. д. Необходимо устанавливать правила игры и добиваться их соблюдения. Мы знаем, что контент на том или ином ресурсе создают не только профессионалы, но и пользователи, которые имеют низкий уровень ответственности за то, что делают. Именно поэтому нужно модерировать контент, проводить разъяснительную работу и даже создавать судебные прецеденты. Этим должны заниматься само интернет-сообщество и, конечно же, БАЖ.

Еще один аспект — **создание новых общественных организаций и участие в уже существующих организациях** для отстаивания интересов нашей интернет-отрасли. В Беларуси такой организацией является, например, общественное объединение «Белорусская ассоциация журналистов» и, как видим, новая инициатива «Чистый Вунет», которая может стать виртуальным подобществом внутри самого общества.

Безусловно, в сферу ответственности интернет-бизнеса входит **помощь государственным органам, обществу и бизнесу** в решении их задач. И это не только социальная реклама, но и помощь в подготовке законопроектов, в просветительской работе, обсуждение важных и острых проблем, которых много.

Приходится заниматься и самоцензурой, чтобы избежать «наездов». Хорошо это или плохо, но приходится считаться с тем, что у каждого ресурса есть недоброжелатели, поскольку их пользователями являются сотни тысяч людей. Понятно, что какая-то часть из них тебя ненавидит. Они устраивают провокации, ставят палки в колеса. И это неизбежно, потому приходится с этим считаться.

Не могу не отметить и такое явление, как **киберпреступность**. Потому что в понятие чистоты Вунет входит также противодействие торговле людьми, вымогательству, сведению счетов, ограничение политически мотивированных атак на ресурсы. Киберпреступники нередко прибегают к DoS-атакам, используют спам, воруют информацию и деньги со счетов в банках... Ну и, безусловно, все мы слышали о хакерах.

Конечно, с одной стороны, киберпреступность — это забота правоохранительных органов, которую нельзя подменять лицензированием или общественным порицанием. Но и мы не можем оставаться в стороне.

Еще один очень важный аспект — **открытое для специалистов и общества обсуждение проектов новых нормативных документов**, касающихся интернета. Никто не требует, чтобы они сразу оказывались в открытом доступе. Потому что опыт показывает, что это малопродуктивно: появляется много оскорблений и комментариев не по существу.

Но выложить проекты документов там, куда будут иметь доступ специалисты, было бы крайне полезно. Потому что общественное обсуждение проекта после его принятия не имеет смысла. Госчиновники признавались мне: «Мы выпускаем постановления и смотрим, если много «вони», то переделываем, а если мало, то оставляем». Я считаю, что лучше сделать так, чтобы «вони» вообще не было. Минимизировать ее изначально. И тут важно учитывать мнение специалистов в этой области. Слава богу, в последнее время какие-то изменения в этой сфере происходят, и это радостно.

Хотелось бы надеяться на то, что государство воздержится от всяких бессмысленных акций, создающих имидж Беларуси как врага интернета. Я имею в виду недоступность новостных сайтов во время крупных политических событий и тотальное лицензирование. Лицензируется даже такая безобидная вещь, как продажа доменных имен в зоне BY. В большинстве стран не лицензируется деятельность интернет-провайдеров. А лицензирование сайтов знакомств — это белорусское ноу-хау.

Блогасфера і этыка

Паўлюк БЫКОЎСКИ

Што такое блог? Паводле вызначэння, гэта персанальны сайт, змест якога складаецца ў парадку, супрацьлеглым храналагічнаму. Апошняя дапаўненне не ёсць догмай, але 90% блогаў робяць менавіта такім чынам: новыя запісы, ці «пасты», трапляюць на верх старонкі, што дазваляе лёгка адсочваць змены. У большасці выпадкаў наведвальнікі сайтаў могуць даведацца прозвішча аўтара, але гэта можа быць як рэальнае імя, так і сталы псеўданім — «нікнэйм». У блогасферы нават нікнэймы маюць (альбо не маюць) свайго аўтарытэта.

Зазвычай наведвальнікі могуць пакінуць свае каментары, якія будуць даступныя ўсім. Праўда, ёсць і выключэнні, бо часам блогі вядуцца ў нейкіх закрытых прасторах, дзе пакінуць каментары ці проста нешта прачытаць могуць толькі сябры.

Што такое блогасфера? Блогі вольна злучаюцца паміж сабой з дапамогай гіперспасылак. У выніку кожны блогер з'яўляецца часткай глабальнай сеткі — блогасферы. «New-York Times» сцвярджае, што кожную секунду ў свеце адкрываецца новы блог.

Паводле маёй любімай кнігі Роберта Скобла і Шэла Израэла «Размова даражэйшая за грошы. Як блогінг змяняе зносіны бізнесу і спажывцоў» (Robert Scoble, Shel Israel. Naked Conversations. How Blogs Are Changing the Way Businesses Talk with Customers), існуе шэсць «кітоў» блогінгу:

1. Лёгкасць публікацыі. Блог можа апублікаваць кожны. Гэта каштуе не дарага і дае магчымасць пісаць там часта. Кожны пост будзе імгненна дасягальны ўсю свету.

2. Даступнасць. З дапамогай пошукавых сістэм людзі могуць шукаць блогі па тэмах, аўтарах або па тым і тым. Чым больш вы поціце, тым больш даступнымі робіцеся.

3. Сацыяльны характар. Блогасфера — адна вялікая размова. Цікавыя актуальныя гутаркі пераходзяць з сайта на сайт і спасылаюцца адна на адну. З дапамогай блогаў людзі з агульнымі інтарэсамі будуць сяброўскія зносіны і пераадоляюць геаграфічныя межы.

4. Вірулентнасць. Інфармацыя часта распаўсюджваецца па блогах хутчэй, чым праз інфармагенцтвы. Ніводная форма віруснага маркетынгу не мае хуткасці і эфектыўнасці блогу.

5. Магчымасць сіндыцыравання. RSS дае магчымасць даведацца аб абнаўленнях блогу, на які вы падпісаны.

6. Узаемазвязанасць. Кожны блог можа быць звязаны з любой колькасцю блогаў з дапамогай спасылак, таму кожнаму блогеру даступныя мільёны яго калег.

Некалькі словаў пра карысць, якую могуць атрымаць стваральнікі блогаў. Гэта можа быць зарабленне грошай, але я на сёння ведаю ў Беларусі літаральна аднаго чалавека, які зарабляе на блогу. На апошнім конкурсе кантэнт-праектаў гэта быў блогер з Гродна, які робіць «Медыцинский блог врача скорой помощи». Аўтар блогу Андрэй казаў, што ў якасці ўрача хуткай дапамогі зарабляе менш, чым на сваім блогу.

Калі браць агулам, то блогер заводзіць свой блог таму, што яму ёсць што сказаць. Ён хоча мець зносіны з аднадумцамі ў блогасферы, што вельмі лёгка зрабіць. Ён хоча распаўсюдзіць

свае погляды на больш шырокую аўдыторыю. Жадае прыцягнуць увагу СМІ да нейкай сваёй праблемы. Прыкладам можа быць публікацыя ў «Комсомольской правде» в Беларусі» фотаздымкаў блогераў, якія былі затрыманыя пасля разгону намётавага лагера на Кастрычніцкай плошчы ў сакавіку 2006 года. Блогер можа імкнуцца ўплываць на фармаванне грамадскай думкі ці лабіраваць свае інтарэсы.

Першая парада, якую даюць новым блогерам, калі тыя пытаюцца, як сябе паводзіць у блогасферы, — пачытаць чужыя блогі, паглядзець, як людзі пазіцыянуюць там сябе. Але падобным чынам мы паводзім сябе, калі трапляем у новую кампанію... Часам узнікае пытанне, пра што пісаць блог. Пра што нельга пісаць? І як сябе паводзіць, каб не быць прыцягнутым да адказнасці?

Для вядомых асобаў (палітыкаў, журналістаў, «зорак»), якія вядуць свае блогі, істотным таксама з'яўляецца пытанне аховы прыватнага жыцця. Бо ў сваіх дзённіках яны могуць даць мажлівасць іншым перайсці пэўную мяжу. Бывае і гэтак, што сам чалавек не жадае нічога паведамляць пра сябе, але ягоныя сябры выкладаюць, напрыклад, у «Одноклассниках» фотаздымкі з лазні ці іншых прыватных месцаў. Пакуль што ў журналістаў няма выпрацаванай сістэмы, як з гэтым абыходзіцца з пункту гледжання этыкі. Зазвычай журналісты не адмаўляюцца ад той інфармацыі, што да іх трапляе. Тым больш што няма практыкі, як змагацца з пераходам мяжы прыватнасці, асабліва тады, калі не ты сам, а нехта іншы размясціў інфармацыю.

Некалькі словаў пра пытанне самарэгулявання ў блогерскай прасторы. Калі нехта хоча пісаць у нейкую суполку, то ён мусіць падпарадкоўвацца яе правілам. Зразумела, што ў суполках звычайна забароненыя ненаармагаваныя лексіка, допісы не па тэме (off topic). Разам з тым, у блогасферы ёсць яшчэ такія панятак, як «лытдыбр» — прыватны дзённік, у якім чалавек піша пра сябе, што хоча. І гэты блог — ужо не частка супольнасці.

Блогеры з дастатковай павагай ставяцца да чужога аўтарскага прадукту і ставяць спасылкі на тое, адкуль узяты запазычаны тэкст ці фотаздымак. Калі новы чалавек з'яўляецца ў блогасферы і не ведае гэтых правілаў, яму пра гэта кажуць. Калі ён не выконвае гэтыя правілы, то звычайна да яго ставяцца горш і выказваюць сваю непавагу.

Але ў свядомасці блогераў ёсць прыватная ўласнасць, і ёсць, так бы мовіць, «калгасная» ўласнасць, якую можна «прысвечыць» нейкім спосабам. Гэта тычыцца тых медыяструктураў, што маюць свой медыяпрадукт, які блогерам вельмі хочацца атрымаць, і яны знаходзяць спосабы, як абысці законы аб аўтарскім праве.

Усе, напэўна, памятаюць ажыятаж, які быў напярэдадні выхаду сёмай кнігі пра Гары Потэра. Яшчэ за 5 дзён да афіцыйнага выхаду кнігі нехта невядомы сфатаграфавалі кожную старонку і выклаў яе ў файлаабменную сетку Bittorent, пасля чаго яна была перакладзеная на некалькі моў. У ЖЖ паўстала кам'юніці pereskaz, у якім ахвотнікі падзялілі раздзелы кнігі і сталі перакладаць на рускую мову. У рэжыме рэальнага часу можна было назіраць, як з'яўляліся тэксты, вычыталіся, карэктаваліся, а фаны тут жа дзяліліся ўражаннямі.

Праўда, народная творчасць саступіла ў канкурэнцыю па якасці перакладу некамерцыйнаму праекту Potter's Army.

Ахвотнікі перакладалі тэкст па кавалачках і казалі, што гэта простае «цытаванне», хоць гэтыя кавалачкі хутка склаліся ў адну кнігу, якая стала даступнай у інтэрнеце раней, чым друкаванае выданне з'явілася ў крамах.

Такім чынам, мы падышлі да высноваў:

- Блогеры паважаюць аўтарскія правы іншых блогераў;
- Блогеры часам паважаюць аўтарскія правы медыяў;
- Блогеры вельмі часта не паважаюць аўтарскія правы «калгаснай маёмасці».

Ёсць у БАЖ суполкі, якія не чакаюць ад цэнтра нейкіх выгодаў, а самі прыходзяць і ўсё бяруць. Напрыклад, дыпламы і падарункі па выніках працы ў 2008 годзе.

Таццяна Гусева

Будзьма разам!

Алег Супрунюк, старшыня Брэсцкай філіі БАЖ, адзначанай па выніках 2008 года дыпламам «За актыўнасць і крэатыўнасць»:

— Мы не стрымлівалі ініцыятывы моладзі, дазвалялі тым сябрам БАЖ, якіх пакуль мала ведаюць у Беларусі, рэалізаваць свае праекты. У Брэсце шырокі спектр як дзяржаўных, гэтак і незалежных СМІ, якія жорстка канкуруюць паміж сабой. Сярод сябраў Брэсцкай філіі БАЖ — журналісты гэтых выданняў, і іх сумесная плённая праца — заслуга людзей, што жывуць журналістыкай, яе ідэаламі і прынцыпамі, якія прапагандуе БАЖ. Дзякуючы такім журналістам з'явіўся ўнікальны праект «Праз Брэст — у Еўропу», галоўная ідэя якога — пазнаёміць моладзь з якаснай журналістыкай.

Паводле Жанны Сідарук, намесніка старшыні Брэсцкай філіі БАЖ, гэты праект нарадзіўся дзякуючы праграме «Маладыя лідэры БАЖ»:

— Павел Белавус падтрымаў мае ідэі і дапамог іх рэалізаваць. У кастрычніку 2008-га праект «Праз Брэст — у Еўропу» стартаваў. На першым этапе мы анансавалі ў мясцовай прэсе творчы конкурс для маладых людзей, якія жадаюць паспрабаваць сябе ў журналістыцы. Атрымалі дзесяткі фатаграфій, эсэ, вершаў пра тое, чаму брэстаўчане лічаць сябе еўрапейцамі. Журны выбрала лепшыя працы, для аўтараў якіх мы правялі адукацыйныя семінары з удзелам экспертаў. Пасля мы арганізавалі для ўдзельнікаў праекта прэс-тур па гісторыка-культурных месцах Брэстчыны. У гэтым годзе праект працягнуецца. Запланавана выданне брашуры, у якой будуць апублікаваныя лепшыя артыкулы і фатаграфіі ўдзельнікаў.

Сакрэт поспеху Брэсцкай філіі, на думку Жанны Сідарук, — у тым, што новыя сябры БАЖ прыходзяць у арганізацыю, маючы дакладнае ўяўленне пра тое, што яны могуць для яе зрабіць.

Анатоль Гатоўчыц, старшыня Гомельскай філіі БАЖ:

— Трэба варушыцца крыху, і ў гэтым увесць сакрэт. Перад Новым годам моладзь прапанавала правесці дабрачынную акцыю — мы падтрымалі. Хто ж мог ведаць, што пяць школ-інтэрнатаў адмовяцца ад

дапамогі і з гуманітарнай справа ператворыцца ў «ідэалагічную»! З нашай ініцыятывы, падхопленай сябрамі БАЖ з іншых рэгіёнаў, у Мінску адбыўся флэш-моб «Станем за журналістыку», падчас якога грамадскія актывісты заклікалі мінакоў падтрымліваць незалежныя СМІ. Мы імкнемся, каб гомельскія сябры БАЖ бралі актыўны ўдзел у семінарах, у мерапрыемствах філіі і ўсёй арганізацыі. Зараз хочам правесці конкурс «За адданасць прафесіі» памяці выдаўца Уладзіміра Вербавікова, якога, на жаль, ужо няма з намi. Запланавана вандроўка ў Чарнобыльскую зону, да якой могуць далучыцца сябры іншых філій БАЖ.

Генадзь Суднік, старшыня Магілёўскай філіі БАЖ:

— У Магілёўскай вобласці выходзіць каля дваццаці газет, якія можна залічыць да малой прэсы. На жаль, я не магу ўсе бюлетэні назваць якаснай журналістыкай, але крок за крокам яны да гэтага рухаюцца. У тых, хто абраў прафесію журналіста, ёсць разуменне, што слова мусіць быць вольным і праўдзівым. Наша арганізацыя дапамагае ім удасканальваць прафесійны ўзровень шляхам удзелу ў адукацыйных праграмах. Адзначу, што ў нашай

суполцы больш жывой прафесійнай працы, чым грамадскага складніка.

Алена Сцяпанавы, сябра Віцебскай суполкі БАЖ:

— Нашай філіі 2008 год запомніўся ператрусамі ў кватэрах журналістаў. Некаторыя з нас на сабе адчулі, што такое журналісцкая салідарнасць і падтрымка калегаў. Дыплом, якім нас адзначыла праўленне БАЖ, сведчыць аб гэтым.

На 2009-ы мы запланавалі адкрыццё грамадскай прыёмнай БАЖа ў Віцебску з удзелам праваабаронцаў і журналістаў. Гэта будзе штосьці накшталт «гарачай лініі» для калегаў і для жыхароў вобласці.

Анжэла Белуш, кіраўнік Баранавіцкай філіі БАЖ, пераможцы ў намінацыі «За адказнасць і добрасумленнасць»:

— Самая важная нашая сапраўды, на мой погляд, — гэта тое, што сваёй штодзённай працай (а большасць баранавіцкіх сябраў БАЖ — журналісты газеты «Інтэкс-прэс») мы абараняем высокія прафесійныя стандарты. Гэта галоўны наш унёсак. Мы заўсёды гатовыя займацца самаадукацыяй — з удзячнасцю карыстацца шчодрасцю калег, а таксама ахвотна

дзяліцца ўласным паспяховым досведам.

Лепшым жа мерапрыемствам баранавіцкіх сябраў ГА «БАЖ» мінулага года, на маю думку, стала навагодняя акцыя дапамогі Ляснянскаму дому-інтэрнату для састарэлых і інвалідаў.

Мы спыталі ў кіраўніцтва дома-інтэрната, у чым яго насельнікі маюць патрэбу, і даведаліся ў саміх жыхароў, што б яны хацелі атрымаць на Новы год. Гэта былі надзвычай кранальныя просьбы. Хтосьці без асаблівай надзеі сказаў пра DVD-ROM, хтосьці прасіў сабе сябра — цацканага мішку, хтосьці хацеў падпіску на газету, а хтосьці — торт. У гэтай сітуацыі мы зрабілі адзінае, што маглі, — папрасілі дапа-

могі ў нашых чытачоў. Іх водгук пераўзышоў усе нашыя чаканні. Дзякуючы нашым чытачам чалавек, які прасіў некалькі кніг, атрымаў сапраўдную бібліятэку, а той, хто хацеў мішку, — плюшавы запарк. Акрамя таго, мы звярнуліся да школ горада з просьбай павіншаваць з Новым годам кожнага жыхара дома-інтэрната персанальна. Намаганнямі вучняў і настаўнікаў шасці школ горада мы зрабілі гэта. Кожны з трохсот жыхароў дома-інтэрната, нават той, у каго зусім няма сваякоў, той, каму даўным-даўно ніхто не пісаў ніякіх лістоў, атрымаў віншаванні.

Арганізаваць святочны канцэрт пасля гэткага рэзанансу ўжо не ўяўляла ніякай складанасці. Нават 31 снежня (а мы павезлі віншаванні і падарункі менавіта ў гэты дзень) знайшліся артысты, якія жадалі ахвяраваць свае сілы і час.

Вероника ЧЕРКАСОВА,
«Белорусская газета»,
2002 год

12 января нашей коллеге Веронике Черкасовой исполнилось бы 50 лет. Но 20 октября 2004 года ее зверски убили. Это преступление, как и целый ряд аналогичных громких дел, белорусская правоохранительная система до сих пор не раскрыла. Вероника была человеком с обостренным чувством справедливости, внешне хрупкой и вместе с тем сильной женщиной. Писала глубоко, проникновенно и убедительно. Потому что все пропускала через свою душу. Иначе она не могла, иначе не раскрылся бы ее яркий талант рассказчика, собеседника, журналиста...

Говорило и показывало:

были времена, когда белорусское телевидение смотрели

Кто не ругал белорусское телевидение? Тот, кто его не смотрел. Между тем у БТ есть своя история, и поверьте, она интереснее многих и многих телепередач. А еще у телевидения есть своя магия, волшебство, превращающее дурнушку в королеву красоты, старую тряпку — в дорогую парчу, а дурака — в авторитетного и грамотного политика.

Все только начиналось

История сохранила слова, с которыми 1 января 1956 г. диктор белорусского телевидения Тамара Бастун впервые обратилась к зрителям: «Добры вечар, таварышы! Віншруем вас з Новым годам! Пачынаем нашы пробныя перадачы. Сёння вы ўбачыце кіначасопіс «Навіны дня» і ў 19 гадзін 40 мінут — мастацкі фільм «Пакаленне пераможцаў».

Стены первой телестудии, располагавшейся по адресу: Минск, Коммунистическая, 6, для звукоизоляции были завешаны коврами. Сотрудникам купили тапочки на войлочной подошве, чтобы они тихо передвигались по помещению во время трансляции программ. Видеозаписи не было, все передачи шли в прямом эфире. Студия была маленькой, и кроме огромной телекамеры там с трудом помещалось три человека.

Единственная камера, за которой стоял первый оператор БТ Михаил Юревич, была

стационарно закреплена, и ведущие программ входили в кадр и выходили из него прямо на глазах у зрителей. Телевидение тогда работало три дня в неделю — в пятницу, субботу, воскресенье, иногда по четвергам шли художественные фильмы. Собственное вещание минской студии телевидения в 1956 г. составляло 130 часов и состояло из концертных программ и телеспектаклей на киноплёнке, которые получали из Москвы, а также демонстрации художественных фильмов и киножурналов из местного проката. К сожалению, в те годы был уничтожен уникальный архив, который мог бы здорово разнообразить программу БТ.

Во время Великой Отечественной войны в Белорусском государственном театре оперы и балета находился пункт обмена фильмов, которые показывали солдатам на фронте. Когда после войны в театр пришел новый директор, то, осматривая доставшееся ему хозяйство, он наткнулся на несколько помещений, от пола до потолка забитых коробками с киноплёнкой. Там были как

отечественные, так и трофейные картины, немало уникальных документальных съемок.

В то время киноплёнка изготавливалась на нитроцеллюлозной основе, которая нередко самовозгоралась. А уж если на нее попадала искра, то полыхала она не хуже пороха. Поскольку помещение театра не было приспособлено для хранения киноплёнки, директор отдал приказ уничтожить ее. Несколько дней на площадке перед театром горели костры, превращавшие в пепел уникальные ленты.

Кроме фильмов и спектаклей, были очень популярны детские программы, а также новости, которые во многом отличались от того, что мы видим сегодня. Диктор в кадре читала информацию с листа, изредка в выпуски включались кинокадры. Правда, с ними поначалу случались казусы. Так, при монтаже первого показанного по БТ парада 9 мая 1956 г. плёнку склеили таким образом, что армия на экране дружно маршировала назад. Время от времени из Москвы самолетом присылалась официальная хроника.

Самым передовым спецэффектом той поры было введение микшером титра на заставку или иную «картинку». Этот эфир вошел в историю белорусского телевидения. Новости читала Тамара Бастун, и в тот момент, когда на экране шли кинокадры официального визита Климента Ефремовича Ворошилова в Китай, на картинке медленно и от этого особенно торжественно проявилось название передачи, которая должна была следовать за новостями. И все бы ничего, если бы передача не называлась «Это не должно повториться». В те далекие партийные времена такая оплошность была чревата большими неприятностями.

Но оказалось, что это только начало. Далее диктор сообщила зрителям, что в 21.00 они увидят передачу о маршале Советского Союза Рокоссовском. В кадре появилось фото маршала в мундире при всех регалиях, поверх которых ошалевший от ужаса ассистент режиссера микшером завел название запланированного на вечер фильма «Шэры разбойнік». В этот день в первый и последний раз белорусское телевидение устами Тамары Бастун принесло зрителям извинение за политическую ошибку, допущенную в эфире.

Несколько позже на Коммунистической были оборудованы еще две студии, из которых началось регулярное вещание БТ. Редакции образовались несколько позднее, к сентябрю 1961 г. на минской студии их было уже 10.

Кто сегодня помнит, что вплоть до начала 80-х гг. в Беларуси не было собственной национальной телепрограммы? БТ со своими передачами «врезалось» в программы Центрального телевидения — так, как сейчас это делает ОНТ. Поскольку профессия была новой и учиться ей было негде, среди сотрудников телевидения того времени можно было встретить представителей самых разных специальностей — от театральных актеров до юристов, энергетиков и теплофизиков. Кстати, на

БТ во время своего пребывания в Минске в качестве подсобного рабочего некоторое время работал убийца Джона Кеннеди Ли Харви Освальд.

В эфире — как в забое

В те времена и на центральном, и на белорусском телевидении было принято, чтобы со зрителями общались не журналисты, а дикторы, которые не только читали новости, но и вели практически все передачи, а также читали в паузах программу: «А зараз я пазнаёмлю вас з праграмай перадач на заўтрашні дзень»... Появление комментаторов либо возникновение авторского телевидения, как правило, совпадало с немногочисленными периодами демократизации общества. Лишь только идеологические вожжи хоть ненадолго ослабевали, на экране вместо дикторов, озвучивавших с листа официальную точку зрения, сразу появлялись люди, говорившие нестандартным языком от первого лица. Впрочем, ненадолго.

Зинаида Бондаренко попала на телевидение случайно, как и большинство тогдашних сотрудников. Она училась в Гомельском медучилище и одновременно занималась в театральной студии Дворца культуры железнодорожников имени Ленина. Готовилась поступить в театральный институт, но неожиданно для себя самой в 1959 г. победила на конкурсе дикторов телевидения.

В Минск Зинаида Бондаренко переехала в 1961 г., тогда учить молодых теледикторов сюда приезжали легенды советского радио Ольга Высоцкая и Юрий Левитан, здесь была прекрасная школа дикторского мастерства, очень

грамотные редакторы, которые следили за произношением. Дикторы работали на выпусках новостей, которые выходили три раза в день: в 17.00, в 20.00 — «Панорама», и в 22.00 — итоговый выпуск «Рэха дня».

Поскольку прямой эфир неизбежно чреват сюрпризами и неожиданностями, дикторам волею неволей случалось выходить из роли «кукол», повторяющих чьи-то слова, и начинать импровизировать в кадре. Долгие годы на телевидении вспоминали, как пришедший на студию большой железнодорожный начальник, оказавшись в прямом эфире, испугался камеры и наглухо замолк минут на двадцать. А потом разговорился, да так, что его никто не мог остановить. Между тем время эфира подошло к концу, и

Зинаида Бондаренко — одна из легенд белорусского телевидения

перепуганный ассистент режиссера рисовал руками в воздухе круги, означавшие в его представлении просьбу закрутиться. Разошедшийся начальник радостно кивнул головой и с воодушевлением заявил: «А сейчас я расскажу вам о проблемах окружной железной дороги...»

Роковое платье

Телекамера диктует некоторую специфику в одежде. Так, приглашая выступающих на передачу, их просили избегать

ярко-белого и черного цветов, которые оставляли в кадре факела-«тянучки». Иногда человека, пришедшего на запись в черном костюме с белой рубашкой, приходилось быстренько переодевать в рубашку иного цвета, тут же сняв ее с режиссера или оператора. Кроме того, камера активно «не любила» тканей в мелкую полосочку, которая на экране начинала рябить. С появлением рир-проекции пришлось отказаться от голубого цвета. В противном случае от выступающего в кадре оставались лишь не покрытые платьем руки, ноги и лицо.

Официально студия выделяла диктору «на обмундирование» 150 рублей в год. Но быть прилично одетым на эти деньги целый год — задача невыполнимая, а потому приходилось искать выходы. Одеваться помогал Дом моделей (сейчас — Белорусский центр моды). Нередко костюмы там брали напрокат, денег за это никто не требовал, поскольку одевать дикторов БТ было престижно. Их всенародно любили, и Зинаиде Бондаренко, которая в конце 70-х стала художественным руководителем дикторской группы, не составило труда договориться о том, чтобы их одевали в самом престижном в ту пору ателье Дома правительства. Шили там быстро, красиво и безотказно из замечательных импортных тканей. Но оказалось, что эта ситуация таит в себе подвох.

Как-то Зинаида вела концерт во Дворце спорта, на котором в правительственной ложе присутствовали руководители страны. На следующее утро едва она переступила порог студии, ее позвали к телефону. Звонила директор правительственного ателье. Срывающимся голосом, в котором слышались слезы, она спросила: «Зина, во что вы вчера были одеты?» — «В ваше платье», — сказала диктор (модный в ту пору кримплен с люреком, строгий прямой наряд с высокой шлицей).

«За вами выслана машина, возьмите платье и срочно

приезжайте в ателье», — всхлипнула директриса. Все еще недоумевая, Бондаренко поехала. Причиной слез директора стала допущенная ею непростительная оплошность: платье Зинаиды было сшито из той же ткани, что и костюм второй дамы страны. Жена тогдашнего председателя Совмина, увидев на ней знакомый узорчик, вскочила со стула и, к немалой радости остальных высокопоставленных жен, пулей вылетела из правительственной ложи. Злосчастное платье было изъято, допустившая оплошность директор уволена, а дикторов после этого инцидента в ателье попросили не обращаться. (Говорят, что Галина Брежнева после того, как от большого рулона отрезалась ткань на ее костюм, требовала, чтобы на три ближайших года этот рулон «арестовывали» куда подальше.)

Курьезов было много. Как-то на студии поселился кот, быстро завоевавший общую любовь. Особенно подружился с ним Владимир Шелихин, на коленях у которого кот с удовольствием дремал. Зверь на правах общего любимца беспрепятственно разгуливал повсюду и однажды забрел в студию в то время, как прикормивший его диктор в прямом эфире читал новости. Увидев родную душу, кот несказанно обрадовался и тут же прыгнул на стол. Шелихин с профессиональной улыбкой легким движением руки смахнул кота на пол, но тот, не поняв намека, тут же прыгнул обратно. На следующий день кот был со скандалом уволен лично председателем Госкомитета.

Долгие годы на работавших в Москве Всесоюзных курсах повышения квалификации рассказывали историю о том, как диктор узбекского телевидения, знакомя зрителей с программой передач, допустила ошибку и прочла название популярного в ту пору фильма «Каин XVIII» как «Каин ХУШ», перепутав римские цифры с буквами. Говорят, председатель местного телерадиокомитета, узнав об этом, со вздохом поинтересовался, как

выглядела бы ошибка диктора, если бы Каин был семнадцатым.

Грим дикторы на заре телевизионной эры не накладывали, губы почти не красили. Да и чего стараться — телевидение-то было черно-белым (хотя с чьей-то легкой руки мутные сероватые экраны были поэтично названы голубыми, отсюда, кстати, и название самой знаменитой советской телепередачи «Голубой огонек»). Прически делали себе сами, только к концу 70-х на студии появился штатный парикмахер.

Социалистический реализм

В советские времена председателем Госкомитета по телевидению и радиовещанию назначало бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии. Статус телевидения и радиовещания со временем менялся — сначала это был Комитет при Совмине, потом — Госкомитет по телевидению и радиовещанию. В последние советские годы Госкомитет входил в состав Совмина, председатель комитета был членом правительства. Но, несмотря на то, что организационно БТ находилось в составе правительства, реальное, практическое руководство и телевидением, и радио осуществлял ЦК КПБ, который решал все идеологические вопросы и определял политику вещания. Довольно долго работники ЦК занимались телевидением наравне с газетами, журналами и обществом «Знание», но потом в отделе пропаганды и агитации ЦК появился специальный сектор телевидения и радиовещания, что явилось прямым признанием роста влияния ТВ.

Особое место, которое занимало телевидение в ряду прочих СМИ, обуславливала еще и личность Геннадия Буравкина, который на протяжении долгих лет занимал пост председателя Гостелерадиокомитета. Его назначал лично Петр Машеров, который рассматривал телевидение не только как идеологическую,

но и как творческую организацию. Тень Машерова, маячившая за спиной Буравкина, долгие годы определяла отношение к БТ на самом высоком уровне. Машеров вообще очень уважал телевидение, мог приехать туда неожиданно и без всякой охраны просто посмотреть, походить по коридорам.

Названия передач той поры впечатляли. Например, «Парт-организация: проблемы, планы, дела». Существовали «особо важные» — передачи, связанные с присутствием первых лиц или по указанию первых лиц делавшиеся, а также посвященные съездам комсомола и компартии, парадам и демонстрациям. На них выдавалась новая дефицитная киноплёнка и не менее дефицитные новые видеоленты.

Работать над «особо важными» должны были лишь члены партии и режиссеры высшей категории. Опыт приходил с возрастом. Помнится, во время записи одного из съездов ЛКСМБ главный режиссер молодежной редакции Анна Ивановна Пинигина в самом начале съемок твердила: «Снимайте лица! А то будет поздно». Смысл этого странного пожелания стал понятен примерно через час, когда почти весь зал клевал носом и найти план, на котором не было бы спящих здоровым сном комсомольцев, было очень трудно.

К «особо важным» также относились и «Народные чтения». Выглядело это так: из Москвы приезжал лектор и перед полным залом читал лекцию о наболевших проблемах марксизма-ленинизма. Данные передачи были настоятельно рекомендованы к просмотру как секретарям партячеек, так и широким массам сознательных трудящихся.

Кстати, съемка этих самых трудящихся тогда была весьма нелегкой работой. Телевидение было в новинку, и нормальный человек, только что смеявшийся и шутивший, в момент включения камеры мгновенно терял дар речи и впадал в ступор. Между тем рабочий класс, согласно

марксистско-ленинской теории, был неоспоримым гегемоном, и выставлять его дураком было по меньшей мере политически близоруко. Чего только не придумывали! Один из приемов — объявив выступающему, что сейчас состоится тракт (телевизионная репетиция), включить кнопку «запись». Человек, не успев испугаться, рассказывал все, что от него требовалось. После окончания съемок в колхозах телебригаду, как правило, ждал банкет. Не отпустить телевизионщиков домой трезвыми было делом чести, доблести и героизма для любого уважающего себя председателя колхоза.

Диктатура личности

Что такое БТ 70–80-х гг.? Если кратко — недостаток места при избытке энтузиазма. Новое дело вообще всегда притягивает к себе энтузиастов и таланты. В те времена люди, которые особенно остро ощущали нехватку свободы, искали ее в творческих профессиях, поскольку они позволяли если не быть, то хотя бы чувствовать себя вне идеологических рамок. Творчество позволяло пусть эзоповым языком, но все-таки говорить правду о том, что волновало и окружало. Поэтому личности шли в искусство, а новый вид искусства был для них лучшей приманкой. Очень многим из тех, кто тогда работал на телевидении, всегда хотелось говорить больше, чем было разрешено. Впрочем, дело даже не в особом свободолюбии работников БТ той поры. Просто на каком-то этапе там оказалась очень плотная концентрация личностей. Геннадий Буравкин, Юрий Хашеватский, Аркадий Рудерман, Виктор Шевелевич, Анна Пинигина, Александр Чуланов, Сергей Виноградов, Владимир Третьяков, Леонид Ларютин и многие другие были интересны не только себе и коллегам, но и зрителям.

Если кто-то считает, что телевидение брежневской поры сводилось только к ленинским чтениям и трансляциям съездов КПСС, то он ошибается. Коммунистическая риторика и требования делать передачи о людях при грамотном подходе позволяли показывать и существовавшие проблемы, и реальную жизнь. С начальством иногда можно было договориться — они ведь тоже люди... Вспоминает Юрий Хашеватский, который долгие годы работал режиссером редакции пропаганды: «Когда вышла книга Брежнева «Малая земля», меня послали в Толочинский район делать передачу, посвященную этому событию. Я сделал почти часовую программу, в которой не было ни одного портрета Брежнева и

ни одной его цитаты. И ничего, прошло. Начальство — неглупые люди — приняло этот фильм с удовольствием». На протяжении ряда лет в передаче «ТелеОТК», выходящей не где-то, а в редакции пропаганды, звучала острейшая критика министерств и ведомств, не справлявшихся с выпуском товаров народного потребления. Доходило до вызовов «на ковер» в самые высокие кабинеты, тем не менее передачу удавалось отстоять.

Свободомыслие в определенных, строго ограниченных дозах было вполне допустимо, несмотря на периодическое «завинчивание гаек». Остро выступать разрешалось, вопрос был лишь в том, какие обобщения ты при этом делал. Можно было критиковать колхоз, завод, министерство или даже конкретную отрасль, но нельзя было трогать систему в целом. Это не прощалось никому. Однако понятная нехватка объективной информации, да и, чего греха таить, недостаток образования мешали окончательно назвать вещи своими именами. Пусть даже про себя, а не вслух. Любимая тема кухонных споров той поры: коммунистическая идея хороша, вот только плохи искажившие ее конкретные исполнители. Сталин — мерзавец, а Ленин — хороший. Насколько мы тогда были свободны? Насколько могут быть свободными люди, не осознающие степени своей несвободы.

«Магнолия», «Лотос», «Лаванда»...

В 60–70-х гг. телевидение с подачи первого исследователя советского ТВ Владимира Сап-пака рассматривали не как СМИ, а как вид искусства. И большее внимание обращалось на художественное, а не на информационное вещание. Самой престижной считалась литературно-драматическая редакция.

БТ в те времена было чем гордиться. Школа белорусского телефильма, белорусской

кинодокументалистики и белорусского телевизионного спектакля была признана во всем Советском Союзе. Телефильмы и телеспектакли, сделанные на БТ, шли на «ура» на Интервидении. На БТ режиссером Александром Гутковичем был снят очень популярный в те годы фильм «Вся королевская рать» по роману Роберта Пенна Уоррена с Георгием Жженовым в главной роли. В фильме есть кадры, где «роль» Конгресса США «исполняет» здание телевидения на Коммунистической, 6. Придумывались оригинальные циклы, изобретались творческие приемы, которые спустя определенное время авторы с удивлением видели на Центральном телевидении.

И мало кто знает, что первая штатная должность комментатора на советском телевидении была введена именно в Беларуси в конце 60-х гг., а занял ее Леонид Ларютин.

Техника той поры — тема особая. Первые телекамеры напоминали сундуки на штативах, но, когда было очень надо, оператор снимал стационарную камеру со штатива, брал ее на плечи (а весила она десятки килограммов) и ходил по студии — так, как нынешние операторы работают с современными «Бетакамами». Перед эфиром камеры прогревались по четыре часа, еще несколько часов выставлялся свет.

На заре развития телевидения многое снималось на пленку кинокамерами «Пентафлекс» производства ГДР. Они были огромными, наверху торчали «рога» с кассетами, а в ручку был вмонтирован электромотор. Одной кинокассеты хватало на три минуты, в которые журналист должен был вместить все свои соображения и выводы. Это бодрило. Потом появились французские камеры «Эклер» с магнитофоном «Награ». Здесь пленки хватало уже на десять минут, что первое время представлялось роскошью на грани расточительства. Потом и их стало не хватать. Видеозапись появилась лишь в 70-х, до этого

передачи шли только в прямом эфире. Первые видеомонтажи осуществлялись механическим способом — видеоленту разрезали, а потом в нужном месте склеивали.

Техническое несовершенство компенсировалось чертовским желанием работать. Периодически до БТ доходила информация о последних достижениях инженерной телевизионной мысли. Например, ходили слухи, что где-то на Западе делают монтаж по меткам, т. е. кадр в кадр. Здесь об этом могли лишь мечтать. На студии стояли огромные видеоманитофоны «Кадр-3». На счет «раз, два, три» надо было одновременно запустить два магнитофона, а потом за 0,4 секунды до стыка нажать на кнопку «запись». Такая техника позволяла делать довольно грубый монтаж, а ведь порой приходилось монтировать не слова, а звуки. Мало кто сегодня помнит, что речи Брежнева последнего периода его правления практически никогда не шли прямо в эфир. Их записывали на видеоленту, а потом в рекордные сроки монтировали, чтобы уже через несколько часов его старческое шамканье и мычание мог разобрать рядовой телезритель. Был здесь и политический расчет: наши зарубежные враги не должны были догадаться, насколько был немогущ советский генсек. Впрочем, в Москве для таких передач, шедших под грифом «особо важные», закупалась самая последняя техника. У нас же режиссеру полагалось быть снайпером, ибо точный стык был доступен лишь профессионалу экстра-класса, да и то — с божьей помощью. Творческий процесс по сути сводился к борьбе с технической отсталостью.

Особый разговор — смерть генсеков и прочих членов правительства. Как правило, на протяжении нескольких дней граждане СССР имели возможность любоваться балетом «Лебединое озеро» и слушать концерты скорбной классической музыки. Все плановые программы,

независимо от их темы и направленности, «слетали» на неопределенный срок.

В начале 80-х на студию пришли передвижные телевизионные видеозаписывающие станции, сначала — «Лотос», потом — огромные «Магнолии», стоившие 1 млн. 300 тыс. советских рублей (цветочные названия на телевидении почему-то вообще были весьма популярны: способ обработки киноплёнки назывался «Лаванда»). Впервые качественную западногерманскую видеотехнику БТ получило к московской Олимпиаде 1980 г. В Минске шли отборочные матчи по футболу, а стандарт вещания на Олимпиаде предусматривал повтор с двух-трех камер забитых голов и острых моментов. Для этого были приобретены два телевизионных журналистских комплекта (ТЖК) и немецкий видеомagneфон «Бош Фарензее», к которому, как водится, забыли купить блок памяти. Пришлось за немалые деньги его докупать. Доставили недостающий блок в последний момент, а его установка и наладка были закончены всего за несколько часов до начала трансляции первого матча на Москву.

Теледекорации хранились в «кармане» — помещении на задворках студии, где были свалены фанерные щиты, деревянные рамы, осколки предыдущих передач, при виде которых невольно приходили на ум слова Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора...» Тогда не было компьютерной графики, современных спецэффектов. Были дерево, картон, фанера, краска, ткани и много фантазии. А еще — световые приборы, которые при грамотном применении позволяли «рисовать» светом и тенью на плоских поверхностях. Брели небольшой кусок фанеры с пропиленными в нем дырками, заводили за него свет и проецировали изображение на вертикальную поверхность. Добавьте сюда цветные светофильтры — и получите решение целой студийной

стены. Несколько позже на студии появился «электронный карандаш», который позволял рисовать прямо в кадре, а также добиваться потрясающих по тем временам спецэффектов, которые отсутствовали тогда даже в Москве.

В 80-х было наконец достроено здание по ул. Макаенка, 9, и теперь в городе было два телевидения — как их тогда называли, аппаратно-студийные комплексы, АСК-1 и АСК-2.

Молчание — золото

Кроме идеологических табу, в те годы свободу творчества ограничивала цензура. Сегодня трудно даже представить, что именно было запрещено снимать. Нельзя было показывать церкви с неснятыми крестами (из эфира пришлось убрать даже заставку с фотографией Красного костела), аэропорты, взлет самолета с привязкой к линии горизонта, железнодорожные узлы, мосты, планы, снятые выше чем с третьего этажа, здание штаба Белорусского военного округа и множество других объектов, перечень которых до конца был известен лишь одному человеку — студийному цензору Ольге Филимоновне. Она была бичом режиссеров и редакторов, поскольку по одному ее слову из уже готовой передачи мог быть изъят целый сюжет, да и саму передачу, если цензор углядела в ней крамолу, не мог спасти даже председатель Госкомитета.

Среди многочисленных табу встречались и совсем абсурдные. Например, как объяснить запрет на съемку районного партийно-хозяйственного актива? Оказывается, просто. На партхозактиве были представлены делегаты от всех партийных организаций, причем пропорционально их численному составу. И среди них, само собой, были военные. Так вот, подсчитав на общем плане количество сидящих в зале людей в военной форме, зная число жителей района и квоту

у военных на членство в партии, коварный враг мог вычислить количество войск, расположенных в данном районе. Цензор запросто мог потребовать вырезать из передачи упоминание о том, что какой-то торг неожиданно перевыполнил план в два с половиной раза, поскольку такое обыкновенное чудо могло произойти лишь в одном случае: если в район прибыла новая воинская часть.

О том, был ли смысл в этой цензуре, можно судить по рассказу Сергея Виноградова: «Как-то мне пришлось снимать Лидскую авиационную штурмовую дивизию. Во время предварительной беседы с цензором я подписал кучу бумаг, в которых обязался не разглашать государственной тайны, после чего цензор строго предупредил: «МИГи-15» снимать можно, но чтобы новых «МИГов-17» в кадре и близко не было». Приехал, снимаю на аэродроме и вдруг вижу, как летчики рассматривают роскошный цветной альбом. Подошел, спросил, что это, а они и отвечают: «Да вот, американский буклет об устройстве «МИГ-19»...»

Практически на каждом крупном промышленном предприятии существовал режимный отдел, в котором надо было получать разрешения на съемки. И не дай бог в кадр попадали номера военной техники — перед съемкой их от греха подальше замазывали грязью.

Однажды скандал разгорелся после того, как по БТ было показано панно на гостинице «Планета». Кто-то не в меру бдительный с богатой фантазией углядел в нем стилизованную иудейскую минору. В другой раз причиной недовольства начальства стали шестиконечные звезды, нечаянно попавшие в оформление музыкальной передачи вперемешку с пяти-, семи- и восьмиконечными.

Кроме того, была еще и военная цензура, которая строго наказывала за ошибки. Зинаида Бондаренко вспоминает, как вела в прямом эфире концерт

по заявкам воинов Советской Армии из, как говорили тогда, «энской» части, поскольку в те времена нельзя было упоминать ни номера части, ни рода войск, ни места их расположения. Перечисляя заявки, Зинаида Бондаренко имела неосторожность сказать, что «сейчас прозвучит песня по просьбе военнослужащего из Барановичей», тем самым раскрыв государственную тайну о дислокации войск. На телевидении ходила шутка: «Слово не воробей. Поймают — вылетит». Бондаренко за эту оговорку не только лишили премии, но и вызывали в политуправление штаба КБВО, где долго отчитывали за допущенный промах.

Это сладкое слово — свобода

Свобода приходила по частям. Но телевизионщики были готовы к ней, как никто. После того как генсеком стал Юрий Андропов, в стране развернулась кампания по наведению дисциплины на производстве, а также по пресечению использования служебного автотранспорта в личных целях. Съёмочная группа в составе Сергея Виноградова и Юрия Хашеватского возле универмага «Беларусь» сняла номера служебных автомобилей «Волга», на которых крупные и не очень начальники или их жены с шоферами в рабочее время приезжали на шопинг. В кадр попал управляющий делами ЦК КПБ, который средь бела дня с черного хода волок к машине сумки с дефицитом. Но, как оказалось, телевизионщики переоценили масштабы постигнувшей общество свободы, и к тому времени, когда съёмочная группа возвратилась в телецентр, руководство на самом высоком уровне уже было в курсе происшедшего и потребовало отдать злополучную кассету.

Перестройку ознаменовало повальное увлечение телемостами, когда телетехника связывала не только города и страны,

но и соседние комнаты одной студии. Созданная на Центральном телевидении программа «Взгляд» собирала у экранов всю страну. На национальных студиях стремительно возникали ее аналоги. На БТ им стал «Крок». Несколько раньше был запущен «Молодежный телевизионный центр» — передача, аналогов которой не было и нет до сих пор. Придумывал ее Сергей Виноградов, а делала вся редакция. «МТЦ» выходил в эфир, как правило, два дня, в субботу и воскресенье, по три часа. И два дня вся телестудия работала на одну программу. Одновременно были задействованы 600-метровая, 300-метровая и 100-метровая студии, фойе первого этажа и располагавшийся там бар. На различных площадках обсуждались актуальные темы — студенческая жизнь, цены, которые с началом перестройки стремительно рванули вверх, нехватка продуктов,

первые демократические выборы в Верховный Совет, введение талонов на водку и т. д.

Одновременно на других площадках шла дискотека, обсуждались картины молодых художников, работал кинозал, в котором показывались отрывки из новых фильмов. На «МТЦ» были задействованы четыре передвижные телевизионные видеозаписывающие станции — ПТВС, которые стояли в городе, и благодаря им любой желающий мог принять участие в проходившем на студии разговоре. Для передачи снимались десятки сюжетов. На следующий день «МТЦ» обсуждали в общественном транспорте, в очередях, да и просто на улице. Можно с уверенностью утверждать, что тогда белорусское телевидение смотрели. Подтверждением служит хотя бы тот факт, что в 80-е гг. и в начале 90-х БТ получало 50–60 тысяч писем в год. После

каждой серьезной передачи корреспонденцию в редакцию приносили мешками.

О чем писали? От заявок на исполнение любимой песни («Уважаемая «Теледискотека»! Послезавтра моей бабушке исполняется 70 лет, и я вас очень прошу исполнить для нее песню ансамбля «Чингиз-хан» «Казачок») до просьб о помощи — разобраться, добиться правды, починить крышу... На студии существовал отдел писем со своим штатом и картотекой, велся учет, осуществлялся контроль. В конце 80-х грянула беда — постановление ЦК КПСС «О работе с письмами трудящихся», согласно которому ни одно письмо, присланное трудящимися в СМИ, не должно было оставаться без ответа. А теперь представьте себе, что такое ответить на сотни писем озабоченных сограждан. Работать было уже некогда.

Перестройка шла своим чередом, и оказалось, что журналисты дожили до времени, когда начальство требовало от них не партийной сознательности, а остроты и смелости. Но теперь уже не Ольга Филимоновна, а взлелеянный за десятилетия запретов внутренний цензор мешал в полной мере воспользоваться навалившейся на нас свободой. Ее апофеозом стал захват в 1991 г. телевидения Белорусским народным фронтом.

Это было время митингов, после одного из которых Винцук Вячорка, Зенон Позняк и Алесь Марочкин приехали на телекомплекс и потребовали предоставить им 15 минут для выступления в прямом эфире БТ. Для надежности в заложники был захвачен заместитель председателя Госкомитета по телевидению Виталий Чанин. Эфир был предоставлен, и практически сразу после выступления раздался звонок из ЦК КПБ, руководство которого, посмотрев выступление бээнэфовцев, тоже попросилось (!) в прямой эфир. Полтора часа до приезда руководителей страны на белорусских экранах

красовалась заставка, играла неторопливая музыка, а все телефоны Гостелерадио обрывали зрители, горевшие желанием узнать, не случилось ли в стране государственного переворота. ЦК КПБ приехал на студию едва ли не в полном составе и выступал гораздо дольше 15 минут. Надо думать, что в этот день рейтинг БТ достиг рекордной за время его существования отметки.

Телевидение в те годы опережало время. В феврале 1991 г. «Крок» вышел в эфир с сюжетом, в котором шла речь о необходимости введения в стране многопартийной системы. Тут же последовал разнос «сверху» с напоминанием о том, что по Конституции в стране существует лишь одна партия — коммунистическая. Ровно через два дня был принят закон об отмене однопартийной системы.

По воспоминаниям работников БТ, пожелавших остаться неназванными, период демократизации БТ продолжался до пришлопомятого 1994 г., после чего всем снова пришлось вспомнить об идеологических установках и генеральной линии.

Ты помнишь, товарищ?

Но не одной работой жило телевидение в те далекие годы. Сколько азербайджанского портвейна по 2 руб. 02 коп. было выпито на расположенной перед студией набережной Свислочи и в прилегающих к ней зеленых насаждениях! Неподалеку от АСК располагалась кафе «Театральное» (в просторечье «Черные скалы»), которое студийцы считали «своим». И не зря, ибо сотрудников БТ там можно было встретить в любое время суток.

Пили и на самой студии. В арт-фойе, где обычно проходили репетиции, стоял хороший старый рояль. Одно время народ повадился туда распивать спиртные напитки. Охрана, представленная в то далекое время дедками с красными повязками на рукавах, бдительно следила за порядком,

и вынести пустую бутылку было так же трудно, как и внести полную. Находчивые сотрудники стали складывать бутылки под крышку рояля. Так продолжалось до тех пор, пока рояль не понадобился для съемок. Приглашенный музыкант ударил по клавишам, а в ответ раздалось глухое брэнчанье.

Старожилы припоминают, как в 60-е гг. буфетчица Дома радио по просьбам трудящихся наливала в обед коньяк в стакан с подстаканником, а чтобы начальство не догадалось, какой градус у этого «чая», не забывала бросать в стакан ложечку. Ну как сегодня поверить в то, что в страшные годы тоталитаризма в самом его идеологическом сердце — на телевидении! — в торце холла первого этажа был бар, в котором румяная барменша Таня лихо отмеряла мензуркой с делениями трехзвездочный грузинский коньяк, а также финский брусничный и клюквенный ликеры, с 11 утра до самого позднего вечера, причем в любых количествах.

Были у телевизионщиков и «свои» магазины. На первой студии, расположенной на Коммунистической, это был гастроном «под шпилем», а на второй студии — гастроном напротив киностудии, который назывался «У Юзика», хотя спиртным там испокон веку торговали дородные злые тетки. Понадобилось немало усилий для того, чтобы выяснить этимологию этого названия. Оказалось, что долгие годы в винном отделе работал продавец по имени Юзик, добрый человек, тяжело контуженный во время войны. У творческих работников далеко не всегда хватало денег до зарплаты, а выпить, как известно, хочется независимо от того, сколько у тебя брэнчит в кармане. Добрый Юзик давал спиртное сотрудникам киностудии и актерам в долг, фиксируя все в специальной тетрадке. Говорят, в ней было немало известных имен. Юзика уже давно не было, но в народе магазин еще долго называли его именем...

Про старшего сержанта Жору, Европейский суд по правам человека и свободу слова в Республике Молдова

Несомненно, Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) является самым эффективным наднациональным правовым инструментом из ныне существующих в Европе. Более того, эта инстанция рассматривается как последняя надежда для граждан нашей республики, не нашедших правды у молдавской Фемиды.

Оливия ПЫРЦАК

Евгений РЫБКА

Молдова присоединилась к Совету Европы в 1995 г., а Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в Риме 4 ноября 1950 г., действует у нас с 12 сентября 1997 г. Именно с этого дня для судебной системы страны начался новый период, когда злоупотребления, коррупция и самоуправство могли быть раскрыты, публично освещены, осознаны и даже могли быть приняты меры по устранению волнующих общество проблем. Все это стало возможным только благодаря усилиям граждан, обратившихся в ЕСПЧ.

Ратификация Конвенции, переориентировка юристов и граждан на юриспруденцию ЕСПЧ дали толчок к переосмыслению содержания и пределов многих основных прав и свобод человека. Эти перемены, разумеется, произошли не в одночасье, а в течение длительного периода времени. Этот процесс продолжается и сегодня.

Следует отметить, что самым трудным в осмыслении

деятельности ЕСПЧ для граждан нашей страны является отказ от мифа, что ЕСПЧ — панацея от бесправия и произвола судей. На самом деле Европейский Суд — инстанция «претенциозная» и с ограниченной компетенцией. Суд не разрешает все споры, с которыми к нему обращаются, но если все же считает себя компетентным по конкретному делу, то в вынесенном решении ссылается лишь на два положения: подтверждает или не подтверждает нарушение Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. И определяет, должно ли признанное виновным государство компенсировать ущерб, нанесенный просителю.

Что означает выигрыш дела в ЕСПЧ

Европейский Суд может вынести решение о взыскании морального и материального ущерба, а также судебных расходов. Однако Европейский Суд может и не взыскивать эти

суммы, если сочтет, что сама констатация нарушений приносит достаточное моральное удовлетворение просителю, а судебные расходы не посчитает необходимыми либо достаточно доказанными.

Чего не может ЕСПЧ

Европейский суд не может изменить законодательство или практику законоприменения государства, какое-либо официальное решение или документ. Государства суверенны, и потому решают сами, исполнять или нет решение ЕСПЧ и, если исполнять, то в какой мере. Зачастую государства выплачивают предъявленные суммы, не заботясь о мерах по полному исполнению решения и соблюдению европейских стандартов. Тем не менее Комитет Министров Совета Европы контролирует выполнение решений Европейского Суда и применяет различные формы давления на страны, игнорирующие их.

Photo.bymedia.net

Понятно, что любое решение — это не просто личный выигрыш. Оно должно привести к изменению некоторых законов, прекращению применения порочной практики, к реальному внедрению европейских стандартов в данной стране. Иначе это государство будет снова и снова осуждаться за аналогичные нарушения и выплачивать бесконечные компенсации. Как правило, выигранные в ЕСПЧ дела означают выплату потерпевшим немалых сумм из государственного бюджета. Однако важнее другое: подобные решения оказывают весьма положительное влияние на общество в целом. Люди вновь обретают веру в справедливость и верховенство закона.

Обвинительные решения в адрес Молдовы

Несмотря на то, что механизм защиты прав человека, предусмотренный ЕСПЧ, вошел в силу еще в сентябре 1997 г., первое решение против

Молдовы было вынесено только в конце 2001 г. (дело Бессарабской митрополии). А последующие — лишь начиная с 2004 г. Далее наблюдался рост санкций в геометрической прогрессии, что внушило чиновникам сомнения в способности государства выдержать дополнительную финансовую нагрузку. Ситуация объясняется большим количеством обращений, а решение ЕСПЧ выносит лишь через 4–5 лет после подачи иска.

По ст. 10 Конвенции, закрепляющей право на свободное выражение, наша страна впервые была осуждена по делу *Амихалакиоае* (решение от 20.04.2004 г.), которое касалось деятельности адвоката. Первые решения, относящиеся к деятельности журналистов, были вынесены по делам *Бусуйок* (21.12.2004 г.) и *Савицкой* (11.10.2005 г.). Примечательным является также дело *ХДНП* (14.02.2006 г.), когда Молдову осудили за нарушение свободы собраний и объединений.

1997–2006 гг. можно назвать «периодом помилования»,

учитывая относительно небольшое количество осуждений за нарушение ст. 10 Конвенции. По мнению молдавских экспертов, этого времени было вполне достаточно для реальных действий властей по устранению многочисленных нарушений основных прав и свобод человека в Республике Молдова (наиболее распространенными были нарушения свободы слова). Но этого, к сожалению, не произошло. Поэтому начиная с 2007 г. количество дел по осуждению Молдовы Европейским судом по ст. 10 резко увеличилось: к европейским судьям неоднократно обращались журналисты независимых печатных СМИ и медийные корпорации.

29 июля 2008 г. было опубликовано очередное решение по делу газеты «Флукс» против Молдовы. Однако на этот раз ЕСПЧ в нарушении ст. 10 Конвенции виновными признал журналистов.

Вообще за неполных минувших два года Республика Молдова

проиграла по ст. 10 более десятка судов. Учитывая многочисленность представленных в ЕСПЧ заявлений, можно с уверенностью сказать, что количество подобных решений будет расти.

Чему учат вынесенные решения

В первую очередь, учат демократии и осмыслению равновесия между обязанностями и правами. Наряду с интеллигенцией и новым поколением, которые легко и естественно воспринимают приоритеты западной демократической культуры, существует категория людей, не проявляющих какого-либо интереса к их изучению. Иначе чем объяснить столь стремительный количественный рост проигранных в Европейском Суде дел?

Некоторые решения ЕСПЧ в равной мере полезны и для журналистов, так как обозначают пределы свободы слова, за гранью которых начинаются злоупотребления. К примеру, Европейский Суд установил нарушение свободы слова Республикой Молдова по делу «Флюкс» против Молдовы и небрежность со стороны журналистов по делу Бусуйок против Молдовы.

Многие журналисты давно усвоили, что свобода слова предоставляет ряд возможностей и привилегий. Одновременно рядовые сотрудники и руководители СМИ должны проявлять ответственность, рассудительность в работе, тщательно проверять факты, не допускать беспочвенных высказываний и оскорбительных намеков. Журналист также должен быть добросовестным и предоставлять право на реплику, когда человек, чьи права были ущемлены, требует этого. В противном случае те, кто не соблюдает правила журналистской этики, проигрывают дела в ЕСПЧ.

Однако подавляющее большинство дел, основанных на ст. 10 Конвенции и рассмотренных в ЕСПЧ, за

исключением дела «Флюкс», указывают на грубые нарушения свободы слова в Республике Молдова. Европейский Суд обратил внимание на то, что молдавские судьи не видят различий между «фактами» и «суждениями». Подтверждая свою юрисдикцию, суд отметил, что «суждения» не могут быть объявлены «правдивыми» либо «неправдивыми», следовательно, журналиста нельзя обязать доказывать истинность своих суждений. Относительно многочисленных фрагментов из публикации журналиста Бусуйок суд «считает, что упомянутые отрывки из соответствующей статьи выра-

жают мнение или суждение, истинность которых не подлежит доказательству по определению. Хотя подобное мнение может быть чрезмерным, в частности, из-за отсутствия фактологической базы, однако это в данном случае не является выражением авторской позиции. Суд считает, что истец действовал добросовестно и в соответствии с журналистской этикой и что, как выяснилось, факты для сделанных выводов все-таки были».

В деле Савицкой против Молдовы Европейский Суд выявил ряд других нарушений, допускаемых национальными судьями при рассмотрении дел в области свободы слова.

В октябре 1999 г. русскоязычная газета «Новый порядок» опубликовала статью «ГАИ, ГАИ — моя звезда» за подписью Джульетты Савицкой. Полицейский Г. Р. счел себя оскорбленным и подал гражданский иск против газеты и журналистки. Автор и редакция заявили, что статья ограничивалась пересказом истории некоего Виктора, ставшего жертвой дорожного происшествия. Виктор дал свидетельские показания по этому делу. К тому же ответчики доказывали, что статья никак не могла ущемить репутацию г-на Г. Р., поскольку он был упомянут в статье лишь под уменьшительным именем Жора. Однако национальные судебные инстанции решили, что газета обязана опубликовать опровержение и выплатить г-ну Г. Р. деньги за моральный ущерб. Апелляционная палата определила, что оскорбительными и несоответствующими действительности являются следующие

фразы: «этот старший сержант Жора, который обращался с ним как с лицом из низшего сословия, почти как с ничтожеством», а также «он бросил Новаку водительские права в лицо, крича, как помешанный».

В своем решении ЕСПЧ обратил внимание на то, что наказание журналиста за содействие распространению заявления третьего лица в рамках беседы (интервью) может сильно подорвать вклад средств массовой информации в обсуждение значимых для общества проблем и недопустимо без очень серьезных причин. Принимая во внимание сдержанный тон журналистки и тот факт, что она действовала без злого умысла и без цели оскорбить Г. Р., суд определил, что для ее наказания не было серьезных мотивов.

Европейский Суд счел также, что первое из заявлений («этот старший сержант Жора, который обращался с ним как с лицом из низшего сословия, почти как с ничтожеством»), которое национальная инстанция считала оскорбительным, нельзя воспринимать иначе как суждение, а смысл второй фразы весьма туманен. Это предложение («он бросил Новаку водительские права в лицо, крича, как помешанный») в русском языке может иметь двоякий смысл, а именно: можно понять, что водительские права были брошены Виктору в лицо умышленно (это было бы

фактом), либо же, что права были ему возвращены невежливо (это считалось бы суждением). Тем не менее суд мог бы посчитать последнюю фразу сообщением о факте, достоверность которого должна быть доказана просителем. ЕСПЧ отметил, что журналистка пыталась привести в качестве доказательства свидетельские показания Виктора. Однако внутренние судебные органы не приняли во внимание показания последнего, посчитав их неадекватными. Тем самым судебная инстанция из Молдовы лишила заявителя возможности приводить доказательства в свою пользу. Таким образом, Европейский Суд посчитал, что судебные инстанции покушались на свободу выражения журналистки неподобающим для демократического общества образом. В результате ЕСПЧ сделал вывод, что положения ст. 10 были нарушены.

Дело *Гужа против РМ*, рассмотренное Большой Палатой Европейского Суда, представляет особенный интерес. Заявителя Якоба Гужу, пресс-секретаря Генеральной прокуратуры Республики Молдова, уволили после того, как он предоставил средствам массовой информации два письма,

В соответствии с официальными данными ЕСПЧ на 1 октября 2008 г. Молдова занимала двенадцатое место среди стран со значительным количеством обращений в Европейский Суд по правам человека (2350 жалоб). По количеству поданных в ЕСПЧ жалоб лидируют Россия (25 тыс. жалоб), Турция (10,75 тыс.), Румыния (9,5 тыс.), Украина (8,4 тыс.). Следует, однако, отметить, что Республика Молдова по соотношению числа жалоб к количеству населения страны занимает первое место.

С 1 ноября 1998 г. по 1 октября 2008 г. Европейский Суд принял 125 обвинительных решений против Республики Молдова и одно решение, которым ЕСПЧ признал отсутствие нарушения положений Конвенции.

подписанных высокими чиновниками. Впоследствии эти письма легли в основу доказательств якобы имевшей место попытки оказать давление на органы прокуратуры. Но Европейский Суд единогласно признал нарушение ст. 10 Конвенции и подчеркнул, что работник или государственный служащий при осуществлении своих должностных полномочий имеет доступ к информации внутреннего характера, в том числе и секретной, распространение или опубликование которой соответствует общественным интересам. Таким образом, информирование общественности государственным служащим о противоправных действиях или беззакониях при определенных обстоятельствах должно находиться под защитой. Такая защита должна предоставляться в том случае, если работник или государственный служащий является единственным лицом или членом немногочисленной группы, осознающей, что происходит в учреждении. Основываясь на значимости свободы слова в области проблем общественного характера, на праве государственных служащих и других работников информировать о противоправных действиях или беззакониях в своих учреждениях, на обязанности и ответственности работников перед работодателями, а также на полномочиях работодателей принимать решения по отношению к персоналу, взвешивая и другие интересы в этом деле, ЕСПЧ пришел к выводу, что вмешательство государства в область свободы слова и, в частности, ограничение права распространять информацию не были обоснованными.

Другое правило, постоянно отмечаемое Европейским Судом, особенно в серии дел «Флукс», относится к статусу публичных лиц. Публичные лица и, в первую очередь, политики являются персонами, которые за возможность играть более весомую роль в жизни и руководстве обществом расплачиваются тем,

что могут подвергаться критике в свой адрес и привлекать к себе пристальное внимание со стороны общественности. Соответственно, они должны проявлять более высокий уровень терпимости к диффамационным (ущемляющим честь и достоинство) выражениям, а судебные инстанции обязаны признать этот факт в своих решениях, где статус и репутация политика являются серьезным препятствием для того, чтобы выиграть диффамационный спор.

Перспективы

После осуждения страны на европейском уровне развитие ситуации признается позитивным тогда, когда на национальном уровне нарушения исчезают либо их количество значительно уменьшается.

Мы с удовлетворением наблюдаем, что и в Республике Молдова сразу же после первых обвинительных решений ЕСПЧ споры об оскорблении чести и достоинства стали разбираться намного внимательнее, чем прежде. А кое-кто уже заговорил о другой крайности: если несколько лет назад пресса проигрывала большинство дел, то ныне многие средства массовой информации выигрывают дела в молдавских судах даже после их поверхностного рассмотрения.

Сегодня ситуация со свободой слова в Республике Молдова меняется к лучшему. Однако обвинительные решения ЕСПЧ нельзя считать исключительно ударами по имиджу и бюджету страны, потому что они дают нам шанс стать частью открытого европейского общества и современной западной культуры.

Как дойти до Европейского Суда?

Около 90 процентов исков в ЕСПЧ объявляются неприемлемыми на начальном этапе. Условия приемлемости исков — тема сложная. Вот несколько существенных аспектов:

— суд рассматривает лишь те обращения, в которых проситель жалуется на нарушение прав, предусмотренных Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (материальная компетенция);

— истец может жаловаться на нарушения своих прав только государством, ратифицировавшим Конвенцию (территориальная компетенция), и если нарушение произошло после ратификации (временная компетенция);

— истец должен исчерпать все возможности обжалования судебных решений внутри страны и обратиться в ЕСПЧ в течение 6 месяцев с момента доведения до его сведения окончательного решения национальных судебных инстанций, не подлежащего дальнейшему обжалованию (в этом отношении Европейский Суд сделал несколько исключений из правил).

Для обращения в ЕСПЧ необходима также специализированная юридическая помощь, отсутствие которой может стать серьезным препятствием для выигрыша дела.

Суд не признает никаких отклонений от условий приемлемости и не терпит несоблюдения определенных формальностей, из-за чего, кстати, большинство заявлений снимается с повестки дня на начальном этапе.

Р. С. Беларусь не падпісала Еўрапейскую канвенцыю аб абароне праваў чалавека і асноўных свабод. З гэтай прычыны супрацоўнікі незалежных СМІ, як і іншыя беларускія грамадзяне, пазбаўлены магчымасці звяртацца ў Еўрапейскі Суд па правах чалавека.

Пакуль жа, браце-журналіст, чытай аналітыку і парады экспертаў на старонках «А», удасканальвай прававыя веды.

І трымайся праўды!

Бураўкін Генадзь Мікалаевіч — паэт, публіцыст, сцэнарыст, перакладчык. Нарадзіўся 28 жніўня 1936 г. на Полаччыне — у вёсцы Шуляціна Расонскага раёна. Першыя вершы надрукаваў у 1952 г. У 1959 г. скончыў аддзяленне журналістыкі філфака БДУ.

У 1972–1978 гг. працаваў галоўным рэдактарам часопіса «Малодосць». У 1978–1990 гг. — старшыня Дзяржаўнага камітэта Беларускай ССР па тэлебачанні і радыёвяшчанні. У першай палове 1990-х — пастаянны прадстаўнік БССР пры ААН, затым — намеснік міністра культуры і інфармацыі Рэспублікі Беларусь. Мае дыпламатычны ранг Надзвычайнага і Паўнамоцнага Пасла.

Лаўрэат Дзяржаўнай прэміі БССР імя Янкі Купалы (1980, за кнігу вершаў «Варта вернасці»). Сябра Саюза беларускіх пісьменнікаў і Беларускага ПЭН-цэнтра.

Генадзь Бураўкін:

«Адна справа — адчуваць сябе беларусамі, іншая — даказаць гэта»

— Генадзь Мікалаевіч, беларуская інтэлігенцыя ёсць?

— Ёсць, вядома.

— Але, наколькі я разумею, яна рознааблічная. Яскравы прыклад тут — хоць бы дзейнасць новаўтворанага Саюза пісьменнікаў Беларусі...

— Нават у адной сям'і розныя дзеці бываюць, дык што ўжо казаць пра інтэлігенцыю?! Але я хацеў бы адразу адзначыць, што гаворка ідзе, як я разумею, пра беларускую нацыянальную інтэлігенцыю, а не проста пра інтэлігенцыю ў Беларусі, бо інтэлігенты могуць быць і адарванымі ад нацыянальнай асновы, і нават антыбеларускія. Калі гаварыць пра інтэлігенцыю ў шырокім плане, дык можна толькі

пашкадаваць, што яе слой у нашым грамадстве не такі вялікі, як у многіх іншых краінах: у тых жа чэхай, палякаў ці прыбалтаў, урэшце, у расійцаў. Я памятаю, у часы так званай перабудовы мы гаварылі з Васілём Быкавым пра тое, чаго нестae беларусам, каб на поўную магутнасць правесці працэсы дэмакратызацыі і галоснасці, дык Васіль і сказаў, што бяда наша ў тым, што ў нас даволі тонкі слой інтэлігенцыі, і гэта гістарычна абумоўлена, а можа, і свядома зроблена той дзяржавай, у якой мы тады жылі. Успомнім і 1937 год, і Вялікую Айчынную вайну, і пасляваенныя часы, калі адраджаць Беларусь ехалі людзі практычна з усяго Савецкага

Саюза. Канешне, без прыезджых інтэлігентаў не з'явіліся б трактарны і аўтамабільны заводы, без іх немагчыма ўявіць і некаторыя навуковыя ўстановы, напрыклад, Інстытут матэматыкі. Але справа ў тым, што ўсё гэта была інтэлігенцыя савецкая, але не беларуская. Добра, калі сярод яе сустракаліся людзі, якія, прыехаўшы ў Беларусь, разумелі, што трэба не толькі прыняць характар беларускага народа, але хоць збольшага ўведаць яго гісторыю, з павагай паставіцца да яго культуры, вывучыць мову. Многія, на жаль, не хацелі рабіць гэтага. Таму і атрымалася, што ў той час, калі адбыліся падзеі, якія спрыялі духоўнаму Адраджэнню беларускай нацыі,

слой інтэлігенцыі, што засяваў нашы духоўныя нівы, аказаўся малалікі. І ў гэтым, паўтаруся, наша бяда.

— *Калі гаварыць пра прыездных інтэлігентаў, якія многае зрабілі для беларускай культуры, дык у шэрагу першых трэба, мяркую, назваць Уладзіміра Мулявіна.*

— Згодны. Па той ролі, якую ён адыграў у Беларусі, яго можна смела назваць сапраўдным інтэлігентам, бо, пачуўшы беларускія народныя песні, як геніяльны музыкант ён не мог не ўбачыць і не адчуць глыбіню і прыгажосць нашага фальклору і стаў не толькі адным з самых любімых і вядомых беларускіх музыкантаў, але і ўсяму свету паказаў непаўторнасць нашай песні — таго, што было душой беларускага народа, а пасля

Нехта з мудрацоў сказаў: жыццё кароткае, а мастацтва вечнае. Дык вось, кожны народ хоча быць вечным і застаецца ў памяці чалавецтва часцей за ўсё выдатнымі з'явамі культуры і мастацтва.

стала і часткай таленавітай душы самога Мулявіна.

І гэта не адзіны прыклад. Немагчыма ўявіць Купалаўскі тэатр без геніяльнага Глеба Паўлавіча Глебава. Карыфей акадэмічнага тэатра быў настолькі натуральна беларускі, што практычна ніхто і не задумваўся, што нарадзіўся ён не на нашай зямлі. Гэта прыклад сапраўднага інтэлігента, калі быццам бы чужое робіцца тваім і ты ўжо неаддзельны ад таго, што нейкі час таму было яшчэ не тваім...

Разам з тым можна гаварыць і пра абсалютна супрацьлеглыя прыклады. Вось ты кажаш пра два саюзы пісьменнікаў. На чым грунтуецца іх размежаванне? Калі адкінуць усялякія дыпламатычныя ці палітычныя хітрыкі, дык уся справа ў розным стаўленні да гісторыі і незалежнасці Беларусі, да беларускай мовы, наогул да беларушчыны. Вось у чым соль! А не ў тым, што нехта больш любіць уладу і рвецца служыць цяперашнім дзяржаўным інстытутам, а нехта — менш.

Хіба не смешна, што на чале Саюза пісьменнікаў Беларусі стаіць чалавек, які, практычна ўсё сваё жыццё жывучы на беларускай зямлі і прэтэндуючы на прыкметную ролю ў яе духоўным развіцці, дэманструе тыўна не хоча гаварыць на мове гэтай зямлі?! А інтэлігентнасць, апроч усяго іншага, гэта глыбокая павага да культуры і да выдатных людзей — і жывых, і мёртвых. У Расіі нехта з вялікіх з горыччу сказаў аднойчы, што ўлада любіць толькі мёртвых. Дык вось наша сучасная ўлада часта не любіць і мёртвых. Не любіць да гэтага часу Васіля Быкава, Алеся Адамовіча. Нават пахаваць не здолелі гэтак, як звычайна хаваюць паважаных людзей, Янку Брыля. Пры тым чыноўнікі прыкрываюцца намёкамі ці нават прамымі заявамі, што гэтыя пісьменнікі быццам бы не спрыялі росквіту Беларусі. Божачка ж ты мой!..

— *Тут, Генадзь Мікалаевіч, мы, здаецца, падышлі да адной з галоўных беларускіх праблем — праблемы культуры ўлады...*

— А гэта зноў жа звязана з інтэлігентнасцю. Калі ва ўладзе людзі інтэлігентныя, для якіх зразумелая розніца, скажам, паміж сур'ёзным музычным мастацтвам і безгалосай эстраднай папсой ці паміж глыбокім прэзіякамафілосафам і бяздумным павярхоўным «сачыніцелем», тады і грамадству будзе вялікая карысць.

Нехта з мудрацоў сказаў: жыццё кароткае, а мастацтва вечнае. Дык вось, кожны народ хоча быць вечным і застаецца ў памяці чалавецтва часцей за ўсё выдатнымі з'явамі культуры і мастацтва. Таму не толькі жадае, каб у яго былі таленты, але і разумее абавязак дапамагаць ім выказацца... Вельмі хацелася б, каб у чыноўнікаў, якія фарміруюць і ўтрымліваюць уладу, была інтэлігентнасць, бо ў дзяржавы заўсёды сілы больш магутныя, чым у нейкіх грамадскіх аб'яднанняў.

— *Думаю, не памылюся, калі скажу, што залаты час беларускай інтэлігенцыі прыпаў на пачатак 1990-х гадоў, бо менавіта*

тады і ўлада, і народ больш за ўсё прыслухоўваліся да інтэлігенцыі. І, мабыць, таксама не памылюся, калі скажу, што вось такога грэбліванага стаўлення ўлады да інтэлігенцыі, якое ёсць зараз, не было нават у савецкі час.

— Не было. Але я не зусім згодны, што пачатак 1990-х быў такім ужо «залатым часам». Тым не менш такога грэбліванага стаўлення з боку чынавенства, як цяпер, я сапраўды не прыгадваю.

Я добра памятаю, што ў савецкі час была, хай часам і фармальная, але афіцыйная ўвага і павага да інтэлекту і да таленту. Не хачу казаць, што ўсе чыноўнікі любілі Васіля Быкава і Алеся Адамовіча; не скажу, што яны ахвотна хадзілі на спектаклі Андрэя Макаёнка, разумеючы, якія гэта выдатныя з'явы тэатральнага мастацтва; не заўважаў я іх і на выставах, скажам, Леаніда Шчамялёва ці Гаўрылы Вашчанкі; не веру, што ўсе яны дацягваліся да разумення ўзроўню музыкі Яўгена Глебава, але ў іх была павага да гэтых талентаў. Зусім не падзяляючы поглядаў Быкава, яны тым не менш аддавалі належнае яго таленту, бо ўсведамлялі, што яго творчасць не сорамна паказаць свету. І таму давалі яму і ўзнагароды, і званні. Я сам асабіста ведаю, як тагачасныя кіраўнікі Беларусі цікавіліся беларускай літаратурай, чыталі яе. Будучы рэдактарам «Маладосці», я прымаў званкі з Масквы ад памочніка Кірылы Трафімавіча Мазурава, члена Палітбюро ЦК КПСС, з просьбай прыслаць часопіс з некаторымі творами, якія Мазураў хацеў прачытаць! А Пётр Міронавіч Машэраў, калі я кіраваў Дзяржтэлерадыё, сам тэлефанаваў пасля трансляцыі творчых вечароў выдатных нашых майстроў слова і захапляўся: «Якія вершы ў Барадуліна!.. Які глыбокі чалавек Быкаў!..» Не кажу ўжо пра закаханасць Машэрава ў асобы Петруся Броўкі і Аркадзя Куляшова... У гэтых людзей, нягледзячы на іх высокія і адказныя пасады, была патрэба духоўных стасункаў з талентамі. Многіх жа сённяшніх

чыноўнікаў я не бачу ні на прэм'ерах спектакляў, ні на выдатных выставах, ні на канцэртах славурых спевакоў і бліскучых музыкантаў. Іх там проста няма! Я не магу прыгадаць у прамовах кіраўнікоў ніводнай цытаты не толькі з сённяшніх вядомых пісьменнікаў, а нават з класікаў нашых. Такое ўражанне, што яны не вучыліся ў школе і проста не ўмеюць чытаць. І гэта вельмі трывожна, бо сведчыць, што «наверх» трапляюць людзі неінтэлігентныя, са слабой культурай і неглыбокай адукаванаасцю. Таму чыноўнікі Міністэрства культуры, Міністэрства адукацыі, Міністэрства інфармацыі так смела ўмешваюцца ў школьныя праграмы па літаратуры і мастацтве, у тэлевізійныя і іншыя перадачы... Раней тэлебачанне было часткай беларускай культуры, здымаліся тэлеспектаклі, тэлеоперы, тэлефільмы, нават тэлебалеты. Цяпер гэтага і блізка няма. Па тэлебачанні бясконца, аднастайна, надакучліва ідуць прымітыўныя плакатна-прапагандысцкія

інфармацыйныя праграмы і вельмі танная, часцей за ўсё рускамоўная, папсовая канцэртная «мяшанка». Гэта сведчыць не толькі пра нізкі ўзровень тэлебачання, але і пра адсутнасць сур'ёзнай дзяржаўнай палітыкі ў гэтай справе.

Зноў жа сёння ўлада ставіцца да беларускасці нават больш грэблівая, чым у савецкі час. Тады ж чыноўнікі з міністэрстваў культуры і адукацыі стараліся ўсё-такі паказваць сваю далучанасць да беларускасці. Можа, гэта было не надта шчыра, можа, вымушана, але да іх было патрабаванне: калі ты працуеш ва ўстановах культуры і адукацыі, ты павінен умець гаварыць па-беларуску і, калі будзе такая неабходнасць, павінен гэта прадэманстраваць. Цяпер жа чыноўнікі робяць наадварот: калі іх, скажам, вымушаюць гаварыць па-беларуску, яны падкрэслена гэтага не робяць не таму, што не ўмеюць, а таму, што лічаць гэта не «генеральнай лініяй». Думаю, гэта агромністая памылка чыноўнікаў, бо калі мы

гаворым пра станаўленне суверэннай нацыянальнай дзяржавы, дык адзін з галоўных паказчыкаў такой дзяржавы — мова. Калі б у нас на дзяржаўным узроўні гучала беларуская мова, не давялося б таму-сяму даказваць, што ў нас беларуская дзяржава, а не, скажам, Смаленская вобласць.

— *Прыгавдаеца, як Булат Шалвавіч Акуджава гаварыў, што ён марыць аб тым, каб дзяржаву ўзначаліў інтэлігент. Аднак ці змог бы інтэлігент прыйсці да ўлады ў сённяшняй Беларусі, а тым больш утрымацца «наверсе»? Прыклад Станіслава Шушкевіча сведчыць аб адваротным.*

— Ты не забывай, што ў такіх выпадках патрэбна спалучэнне інтэлігента і палітыка. У Гавэла, напрыклад, такое спалучэнне было, а ў Шушкевіча, на мой погляд, не заўсёды. Так, ён інтэлігент, шчыры беларус, але не самы мудры палітык. І ў гэтым таксама наша беларуская бяда.

— *Аднак у асобе Зянона Пазняка гэтае спалучэнне якраз было...*

Перанос помніка Максіму Багдановічу
ля мінскай Оперы

— Так, Зянон Пазыняк — бясспрэчна і інтэлігент, і палітык, аднак ён — палітык-стратэг, але не тактык. А наша эпоха вымагае вельмі дакладных і свечасовых тактычных рашэнняў.

Да таго ж, калі мы гаворым пра інтэлігенцыю, дык вельмі часта патрабуем ідэалу — інтэлігент павінен быць высокаадукаваным, павінен разумець і паважаць інтарэсы іншых, бачыць будучыню, быць разважлівым і добрым... А ці заўсёды так бывае? Я вось, чым больш жыву, тым лепей разумею і люблю Васіля Быкава, які ў сваіх поглядах быў песімістам, а ў побыце быў спакойным і нетаропкім, тое, што было ў яго ў душы, не спяшаўся выліць, і гэтыя душэўны спакой і ўраўнаважанасць трымалі яго на ўзроўні чалавечай мудрасці. Ён не спяшаўся нават асудзіць тых, каго не любіў. Васіль так сябе паводзіў, бо быў інтэлігентным чалавекам.

— Дарэчы, некалі гутарылі з Рыгорам Барадуліным пра мінулае, дык ён сказаў літаральна наступнае: «Усе былі як усе. Толькі адзінкі былі. Бескампраміснымі былі Васіль Быкаў і Алесь Адамовіч, астатнія... Хай яны не крыўдзяцца, але яны былі савецкімі, беларускімі савецкімі літаратарамі. Я не хачу сябе выламваць — я таксама быў такі, як усе». Канешне, у дадзеным выпадку можна гаварыць у прыцыце пра кожнага чалавека, але, калі такая тэма нашай размовы, чаму, на Ваш погляд, гэтак адносна лёгка купіць ці напалохаць інтэлігента? У звязку з тым прыгадаю паўжартоўнае вызначэнне Уладзіміра Някляева: «Інтэлігент — гэта гатовы здраднік».

— Я не згодны з гэтым. Для мяне інтэлігент — чалавек, у якога ёсць глыбокія перакананні — такія, якія, дапусцім, былі ў Быкава і Адамовіча. Але чаму толькі ў іх? Былі ж, напрыклад, і Пімен Панчанка, і Іван Мележ...

— А Аркадзь Куляшоў?

— У Куляшова была больш складаная сітуацыя. Ён, напэўна, пабойваўся ўлады, бо

ягоны бацька ў вайну быў старстам... Ці, дапусцім, яго дружба з драматургам, крытыкам, які ў час Вялікай Айчыннай быў пісьменнікам франтавых газет, — з Алесем Кучарам. У пачатку вайны, калі ніхто — ні прадстаўнікі ўлады, ні калегі не ўспомнілі пра сям'ю Куляшова, менавіта Кучар вывез з Мінска жонку Куляшова і іх малых дзяцей. Мы гаварылі на гэтую тэму з Аркадзем Аляксандравічам, і ён казаў: «Ну, я ж не сволач! Калі б не Кучар, у мяне магло б не быць сям'і! Не магу я яго цяпер адпыхнуць...»

— І ў гэтым таксама праяўляецца інтэлігентнасць — усё жыццё адчуваць сябе абавязаным чалавеку, які некалі цябе выратаваў, нават калі гэтага чалавека пачалі лічыць не самым лепшым...

— Вось таму я і распавёў гэтую гісторыю.

Што ж тычыцца твайго пытання, чаму таго-сяго з інтэлігентаў часам бывае лёгка купіць... Думаю, што адна з прычын у тым, што ў нас зазішне шмат беднасці, элементарнай бытавой і іншай. Калі чалавек хоча хоць трохачку прыстойна жыць, часта ён за даброты плаціць неадэкватна дарага.

— Мы неаднойчы, Генадзь Мікалаевіч, прыгавалі з Вамі Васіля Быкава, ды і сам я апошнім часам даволі часта ўзгадваю Васіля Уладзіміравіча, таму што не бачу больш нікога, каго б можна было параўнаць з ім — па літаратурным таленце, па аўтарытэце ў грамадстве, па маральных якасцях, па той жа інтэлігентнасці...

— Пра што гаворка! Чым больш праходзіць часу, тым больш задаешся пытаннем: як гэта было ў Васіля?! У гэтым сэнсе ён быў рэдкі чалавек, добры і стрыманы, але ніколі не беспрынцыпны, уважлівы і інтэлігентны.

У сваім жыцці я, на шчасце, сустракаў нямала слаўных людзей. Сапраўднымі інтэлігенткамі я лічу, напрыклад, трох не надта адукаваных, але надзвычай светлых і добрых

вясковых жанчын: бабку маёй Юлі (Юліі Якаўлеўны — жонкі Г. Бураўкіна. — С. III.) Васілісу, Рыгорува Куліну Андрэеўну (маці Р. Барадуліна. — С. III.) і маму Юрыя Гагарына Ганну Цімафееўну. Усе яны былі мяккія і спагадлівыя, вельмі добра разумелі людзей і жадалі ім толькі добра. Мілая і клапатлівая бабка Васа, стрыманая і мудрая Куліна Андрэеўна, ад якой Рыгор узяў і талент, і прыпеўкі, і ўшацкія слоўкі. І Ганна Цімафееўна, якая, калі пачынала гаварыць пра Юру, уся свяцілася, а чалавек, які, як ёй здавалася, разумее і цаніў Юру, адразу становіўся для яе родным. Для мяне ў гэтых трох жанчынах жыла глыбокая інтэлігентнасць. А мы часам шукаем нечага незвычайнага і надзвычайнага...

— Але, Генадзь Мікалаевіч, і Вы таксама — як асабіста я лічу — сапраўдны беларускі інтэлігент, які шмат што зрабіў для Беларусі і беларушчыны. Аднак з якімі думкамі сёння жывеце? На што, на каго спадзяецца? Хто, на Вашую думку, будзе працягваць справу Вашага накалення інтэлігентаў?

— Я лічу, што мы, нашае пакаленне, сваю справу зрабілі, цяпер уся надзея на моладзь. Таму што, па-першае, у яе значна больш магчымасцяў, чым было ў нас, для таго, каб ісці ў свет, набываць як мага больш ведаў, адчуваць сябе роўнымі між роўных, годнымі між годных. Па-другое, мы, самі таго не жадаючы, неслі яшчэ ў сабе нейкі страх — перад дзяржавай, перад будучыняй. У маладых, як мне здаецца, гэтага няма. Таму я веру ў іх. Веру, што тое, чаго мы не паспелі ці не змаглі зрабіць, здзейсняць яны. Не можа быць, каб яны не захачелі давесці беларускую справу да канца. Менавіта адчуванне сябе беларусамі прывядзе іх да таго, што яны захочуць даказаць, што яны — беларусы, бо адна справа — адчуваць сябе беларусамі, іншая — даказаць гэта. Тады і надыйдзе зусім іншы час. Таму маё спадзяванне, мая надзея, мая вера — у моладзь.

Размаўляў С. ШАПРАН

В минувшем году исполнилось 75 лет, как вышел на экраны фильм «Дважды рожденный», который стал большим событием в культурной жизни страны. «История белорусского кино», изданная в 1969 году, отмечала, что «это одно из наиболее удачных произведений белорусского киноискусства, посвященных современности», где авторы «довольно успешно справились с задачей раскрытия национальных особенностей жизни и быта деревни», где «интересно и глубоко проанализирован внутренний мир героев». А ко всему фильм был звуковой, на белорусском языке, в нем было много музыки и песен, написанных Исааком Дунаевским. В нем был подобран прекрасный состав актеров. Все вместе взятое и принесло картине большой успех. Ее смотрела вся страна, о ней писали, говорили, спорили. И неспроста ее создатели были удостоены высоких званий.

Но у фильма «Дважды рожденный» печальная и трагичная судьба, как и у Григория Кобеца, автора сценария. У него, кстати, в минувшем году тоже была знаменательная дата: 110 лет со дня рождения. К сожалению, об этом вспомнила только одна белорусская газета, напечатав небольшую заметку.

Евгений КАЗЮКИН

Две судьбы сценариста

*Без оглядки в бурю и ненастье
Шел по жизни, не жалея сил.
Людям отдал все искатель счастья,
Лишь себя он счастьем обделил.*

Так напишет Григорий Кобец о себе. Да, он, как и герои большинства его фильмов, был искателем счастья. А еще это был певец и мученик эпохи. Мятущийся, ищущий свет и тот берег, к которому надо плыть, чтобы стать на твердую землю. Его возносило на волне, и солнце казалось близким. Но потом волна падала вниз, волокла его по камням и гальке, и человеку, жизнь которого подобна легенде, порой не хотелось жить.

Участник Первой мировой войны, деникинец и буденовец, анархист и романтик, рабкор и поэт, драматург и писатель, заслуженный деятель искусств БССР и гулаговец, который в тюрьмах, лагерях и ссылке пробыл в общей сложности 22 года.

Его, реабилитированного, не простили, клеймили дальше и не печатали, лишили персональной пенсии республиканского значения. И он, написавший душераздирающую повесть «Ноев ковчег», уплыл на нем в иной мир, к неведомым берегам.

Я встречался с Григорием Яковлевичем. Мы беседовали с ним всего около двух часов. Но эта встреча осталась в моей памяти на всю жизнь.

... В 1968 году страна готовилась широко отметить столетие со дня рождения Максима Горького. Готовились к юбилею и мы, журналисты Белорусского радио. Нам велели даже планы составить и наметить темы. Я взял за основу информацию, которую увидел в газете «Советская Белоруссия». Речь шла о том, что в далеком 1928 году, когда великий пролетарский писатель возвращался в Москву после долгого пребывания за рубежом, на станции Негорелое его встречало множество людей, партийные и государственные деятели, писатели, журналисты, местные жители. Но что больше всего меня заинтересовало, так это последняя фраза: к Алексею Максимовичу с яркой приветственной речью обратился кочегар дрожжевого завода, рабкор Григорий Кобец. Я сразу загорелся идеей: а вдруг этот человек жив! Пусть столько лет прошло, война бушевала,

но бывают же чудеса. Вот бы с ним встретиться!

В тот же день я позвонил в редакцию. Коллеги не обрадовали: увы, ничем помочь не можем. Тогда я обратился в Союз писателей Беларуси. И там я не получил нужных сведений, в ответ просто буркнули и бросили трубку. Думал, на дрожжевом заводе есть хоть какая-нибудь информация о бывшем кочегаре, все-таки не простым рабочим был Кобец, если встречал самого Горького. Но и там развели руками.

Я уже хотел отказаться от бесполезной затеи. И вдруг мой взгляд остановился на телефонном справочнике. Сразу мелькнула мысль: а может, там есть абоненты с фамилией Кобец? Начал листать. Есть. Даже пятеро. Стал обзванивать каждого, объяснять. И здесь разочарование: не знаем, первый раз слышим. Остался последний номер, который упорно молчал, две недели в телефонной трубке гудки. И только однажды, когда я поздно вечером зашел в кабинет после командировки, мне повезло.

— Вы Кобеца ищете? — спросил женский голос. — Так он в Королищевичах в Доме литератора отдыхает.

Утром я дозвонился до Королищевичей, а в обед уже встречал Григория Яковлевича у входа в Дом радио.

Широко распахнув дверь, вошел невысокого роста человек, плечистый, с седой бородой, в синем прорезиненном плаще. Пожал руку — я чуть не присел. А закурил — дым от той папиросы несколько дней не улетучивался из студии.

— Да, мне выпала честь встречать Горького, — начал свой рассказ Григорий Яковлевич. — Почему? Во-первых, я был на хорошем счету как рабочий. А во-вторых, писал статьи в газеты, стихи. Между прочим, мой «Паровоз» вся страна распевала. Я и в литературных кружках состоял. Короче, был на виду.

И вот утром 27 мая, когда я сменялся, в котельную пришли

незнакомые люди и без предисловия приказали: десять минут на сборы, вы будете встречать Горького на станции Негорелое и выступите с приветствием от лица минских рабочих! Я остолбенел. Горький был и остался для меня кумиром, любимым писателем, с которого я делал жизнь. И вот такая честь! А у меня ни приличных штанов, ни свежей рубашки. Кто на завод ходит в хорошей одежде? Но выход из затруднительного положения нашли. Всем предприятием меня одевали.

Что помню? Море народа. Среди встречающих большие люди из Москвы, фоторепортеры, кинохроника. Много писателей: Головач, Гартны, Александрович... И вот прибывает поезд. Все кинулись к Горькому, подхватили Алексея Максимовича на руки и понесли к другому составу, советскому, который стоял рядом. Крики «ура!», «Пусть живет Горький!», пение «Интернационала». Писатель поднялся в тамбур, начался митинг. И вот я вскакиваю на первую подножку, машу рукой и говорю: «Меня прислали минские рабочие узнать, соскучился ли по нам Алексей Максимович, а мы очень скучали без него. Нам надо посоветоваться с вами по многим вопросам. А еще мы хотим знать, как ваше здоровье, можете ли вы остаться с нами навсегда?»

Горький наклонился, обнял меня и поцеловал. Этот снимок обошел тогда все газеты. Но на нем не было видно, что из глаз писателя катились слезы. И я, опечаленный, что расстроил такого человека, пошел в буфет станции и попросил налить мне сто граммов. Но выпить не дали. Вбежали чекисты искомандовали: «Срочно в вагон, тебя разыскивает Горький!»

Алексей Максимович действительно ждал меня. Улыбаясь, он поднялся навстречу: «А, вот ты... Я, знаешь, просто хочу пожать твою лапу. Очень хорошо ты говорил». С ним я ехал до самого Минска, беседовал, рассказывал о своей работе, о своих

литературных планах. А когда прощались, писатель сказал: «Пиши мне в Москву. И приезжай, рад буду».

— Выходит, Горький благословил вас на творчество, Григорий Яковлевич? И что вы создали? — поинтересовался я у Кобеца.

— А создал я, молодой человек, пьесу «Гута», которая в 1930 году на Первой Всесоюзной олимпиаде театрального искусства в Москве заняла первое место. Она была переведена на языки ряда европейских стран, опубликована и поставлена там. Я автор сценариев многих кинокартин, в том числе первого белорусского звукового фильма и первого фильма на белорусском языке «Дважды рожденный». Ну и, надеюсь, кинокомедию «Искатели счастья» вы все-таки смотрели? Я к ней тоже имею самое непосредственное отношение.

Мне стало стыдно перед собеседником. О пьесе «Гута» я ничего не слышал. Но фильм «Искатели счастья» смотрел. Да и в БГУ, когда учился, о нем вспоминали мельком. Однако о Кобеце наши лекторы словом не обмолвились. Стараясь уйти от неприятного разговора, я задал Григорию Яковлевичу неуклюжий вопрос:

— А как революцию вы встретили, чем она стала для вас?

И услышал неожиданное:

— Выключите микрофон. Перед вами сидит правая рука Махно.

Правда, о Махно он мне ничего не поведал. Больше рассказывал о том, как метался по Украине в поисках правды, как жилось ему в родном Елисаветграде, ныне это Кировоград. В 14 лет удрал на фронт, был ранен в руку. Его вылечили, но учиться дальше в реальном училище задиристу пацану Мише Драчу (это его настоящая фамилия) не дали. А здесь отчим с матерью начали поучать чуть ли не каждый день. Ушел от них на свои хлеба. За первое напечатанное в газете стихотворение «Лавочка», в

котором высмеял немецкого ставленника, гетмана Скоропадского, попал в тюрьму. Но когда солдата Михаила Сандыгу (таков был его псевдоним) переводили из острога в острог, местные ребята отбили его от конвоя. Все они, как потом выяснилось, были анархистами. Предложили вступить в эту организацию и Мише Драчу, и тот, по натуре бунтарь, с радостью согласился. С тех пор началась бурная жизнь, полная бед и тревог. Он был и денкинецем, и буденовцем, но душой оставался с другими. И когда анархисты вместе с националистами стали готовить мятеж против Советов, Григорий не остался в стороне, занялся вербовкой кадров. Но до восстания дело не дошло. Как бывает в таких случаях, нашелся предатель, и всех организаторов «повязали». Кобец ареста избежал, но знал: настанет и его черед, если останется на родине. И он подался в сторону Беларуси, думая, что там легче уйти за кордон. Не получилось. В одной из приграничных деревень Григория Яковлевича арестовали как бродягу, у которого нет документов, доставили в Минск и посадили в тюремный подвал НКВД. Там он сильно заболел, долго лечился в инфекционной больнице на Кропоткина, где его выходила медсестра, ставшая потом его первой женой...

— Ну а что было дальше, вы знаете, — закончил свой рассказ Григорий Яковлевич. — Первая пьеса, первые фильмы, триумфальный успех. А на душе вместо радости жуткие переживания. Все время подспудно точила мысль о делах бурной молодости. Не выдержал, написал письмо в ЦК КПБ, рассказал о своих грехах. Руководство было в шоке, но простило. Тем более что таким как я давно была объявлена амнистия. Однако простили до поры до времени. Несколько раз арестовывали по доносу своих же братьев-писателей, приговорили даже к расстрелу, но заменили казнь каторгой. Так что я в некоторой степени, как и герой

моего фильма Гриша Лопух, тоже дважды рожденный.

Конечно, это интервью запретили давать по Белорусскому радио. Как выяснилось, партийное руководство БССР было о Григории Кобце плохого мнения. Хотя он и реабилитирован, считали партийные боссы, однако такие не перевоспитываются: он плохо отзывался о товарище Сталине, о нашем строе, он, дескать, был и остался анархистом-уголовником, которого сейчас поднимают на щит западные радиостанции.

Вот такой был приговор. Вот такая судьба человека. Да и почти всех его произведений.

Судьба фильма

Обратимся к Белорусской энциклопедии, изданной в 1999 году. В восьмом томе написано: «Кобец Григорий Яковлевич... Сделал значительный вклад в становление белорусской кинематографии. Автор сценариев кинофильмов «Ураган» (1931, с Б. Бродяжским), «Дважды рожденный» (1933, первый звуковой фильм на белорусском языке)»...

А вот что говорил об этой ленте доктор искусствоведения А. Красинский в статье «Среди зачинателей», опубликованной в журнале «Неман» в 1986 году: «Фильм имел большой успех. Он стал самой значительной удачей Белгоскино. Как много лет назад, так и сегодня искусствоведы пишут, что «Дважды рожденный» положил начало целому ряду белорусских кинопроизведений, посвященных современности. Если вспомнить, что «Дважды рожденный» еще и первый звуковой фильм на современную тему, и первый фильм, который вышел на экраны на белорусском языке, то будет понятней, почему он стал этапным в белорусском киноискусстве».

И еще одна цитата из московской газеты «Кино» за 16 марта 1935 года: «В картине есть нечто необыкновенно привлекательное и красивое. Эта привлекательность напоминает мягкую

улыбку, освещающую лицо хорошего человека».

Необыкновенно привлекательное — прежде всего в сюжете фильма. А он не замысловат, не богат на острые коллизии. Ставка сделана на глубинную драматургию, на сцены и диалоги, которые говорят о многом. В центре повествования батрак Григорий Лопух, волею судьбы ставший конокрадом. Отбыв наказание, он возвращается из гомельской колонии домой. Он поет, радуется, он полон желания начать новую жизнь, новое дело — дело одиночника. В колхоз он не ходок, Григорию хочется дышать волей. Он не скрывает этого. Но мечтам его не суждено было сбыться. Только миновал Лопух соседнюю деревню, в которой помог укротить норовистую лошадь, и прилег отдохнуть в придорожных кустах, как его нагнали всадники. Это были колхозники из той самой деревни, где он был. У них украли лучшего жеребца, того самого, на котором гарцевал Лопух. Кто, как не он, бывший конокрад, мог это сделать? Разъяренные колхозники хотят избить Григория. Но тут вмешивается председатель сельсовета

и предотвращает самосуд. Лопуха арестовывают, держат под стражей. За время ареста и происходят главные события: его знакомство и поучительная беседа с охранником Лешкой, когда Григорий демонстрирует свое мастерство рымара, после чего арестованный и охранник вместе поют и ремонтируют конскую сбрую. Ночь, проведенная в доме председателя сельсовета, пожар, во время которого Григорий ловит поджигателей и разоблачает конокрада. Но, пожалуй, главное — девушка Марина. Ее Лопух встретил, как только попал в деревню, она приглянулась ему, а он — ей. Марина и провожает Лопуха, когда его увозят на суд. Вот так, кадр за кадром, событие за событием — и чувствуется, что в душе парня что-то изменилось. Ему становятся почти родными люди, встретившиеся на пути, ему нравится то, что они делают. Он понимает, что ему, мастеру по ремонту конской сбруи, человеку, умеющему лечить лошадей, тоже найдется здесь место. И пусть автор этого не говорит, но из финальной сцены ясно, что Лопух будет оправдан, что он вернется сюда, в колхоз, к своей

«Дважды рожденный».
Рыгор Лопух — засл. арт. БССР В. Крылович

Марине. Да и фильм не зря называется «Дважды рожденный».

Материалы к нему Григорий Кобец собирал с 1929 года, когда ездил «на коллективизацию» по белорусским деревням вместе с Голодедом и Червяковым, ездил как журналист, заведующий

сельским отделом газеты «Рабочий» (первое название «Советской Белоруссии»). Воспоминания об этой трехнедельной командировке напечатаны в журнале «Мастацтва Беларусі» в 1988 году, в шестом номере.

«Время было тревожное, — вспоминал Григорий Яковлевич, — ломка была, ломка всего. Тяжелые, напряженные собрания... и бандитизм. Все объясняют, убеждают. А у людей тысячи жалоб: там перегнули, там бедняк не пошел в колхоз, а его детей за это со школы выгнали. В основном народ шел в колхозы, но было много и тех, кто сопротивлялся».

Все это видел молодой журналист, записывал в блокнот. И за основу сценария взял достоверные факты, с которыми познакомился в колхозе под Борисовом. А факты были не из радужных и плакатных, не из помпезных, которыми грешило тогда большинство кинокартин.

Григорий Кобец в своих воспоминаниях пишет о том, как однажды на художественном совете киностудии зашел разговор о фильмах про коллективизацию. Немые фильмы выходили один за другим, и все об одном и том же. Колхозники живут прекрасно, а единоличники с голоду пухнут. Слушал коллег Григорий Яковлевич и не выдержал:

— Вранье все это. Один фильм посмотришь, второй смотреть не хочется. Все фильмы на один копыл сделаны. Так о колхозах снимать нельзя.

— А ты покажи, как снимать надо, — зашумели коллеги. Руководство тут же подсуло Кобцу договор.

«Я и подписал его, снова по горячности, — вспоминал Григорий Яковлевич. — Молодой был, что поделаешь».

Прошло какое-то время — надо уж за сценарий браться. Съездил в деревню, посмотрел все свои блокноты с записями о коллективизации... Начались творческие муки. Необходимо, думаю, с иного ракурса, с иной точки зрения показать эту коллективизацию. Правду показать.

И вот какую: в колхозах сразу особенного «меда» не было, люди и голодали, и сомневались, и кони дохли...

А на то время прошло уже три месяца после подписания договора. И вот как-то утром я решительно направился вниз. Театр «Кривое зеркало», где мы размещались, был двухэтажным, на первом этаже киностудия (студия «Советская Беларусь», которая в то время была в Ленинграде. — *Авт.*), на втором квартиры. Жена спрашивает:

— Ты куда?

— Сценарий диктовать.

— Ты что, с ума сошел? Люди более образованные — и те заранее пишут, а ты — диктовать?

— Ну и что? — отвечаю. — Если я сам буду писать, много орфографических ошибок наделаю, могут и сценарий забраковать. А так — хоть малая гарантия.

И пошел. Внизу о своем намерении сказал Володе Вайнштоку. Тот тоже меня высмеял, даже на спор пошел, что у меня ничего не получится. Чтобы поиздеваться надо мной, позвал Бориса Бродянского, режиссера Эдуарда Аршанского — целая толпа собралась. Вместе двинулись к машинистке Белле Бешу.

И началось. Шесть часов я ходил по кабинету и диктовал. Сначала надо мной смеялись, а потом стихли. И за все шесть часов никто из кабинета не вышел.

Здесь, на месте, я и вручил сценарий директору студии. А через пару дней худсовет. К тому времени еще несколько заявок было подано, но повезло мне. Там же было решено, что ставить фильм будет Эдуард Аршанский».

Как вспоминают ветераны кино, сценарий фильма «Дважды рожденный» был принят в производство без единой поправки. Но потом изменения все-таки были. Сам автор признается в этом: «Я снова прочитал кинодраму, и захотелось чего-то лучшего. Маловато драматургического напряжения. Таким образом, мне три раза пришлось работать над этой кинодрамой, совершенствовать

ее, проверять, снова переделывать».

А тем временем к сценарию начали сильно придирааться. Драматургу Кобецу пришлось даже писать заявление Секретарю ЦК КП(б) Б товарищу Гикало: «Прошу вашей защиты, содействия, помощи и совета по следующему делу: мною написан первый белорусский художественный звуковой киносценарий «Дважды рожденный», который в настоящее время претворяется вот уже несколько месяцев в кинокартину на нашей фабрике «Советская Беларусь».

В свое время, перед постановкой картины, сценарий был тщательно профильтрован Главреперткомом, Главлитом, художественным отделом кинофабрики, Союзкино, а также Правлением Белгоскино и общим собранием писателей совместно с работниками кинематографии. Картина снимается. Работа в разгаре. Несмотря на несколько переделок по требованию разных организаций, сценарий снимается в картину, действительно переделан в сторону улучшения и, по отзывам всех организаций, ожидается хорошая картина.

Не так давно я отдал этот сценарий печатать в журнал «Беларусь калгасная». Работа была утверждена и одобрена Главлитом. Вдруг почему-то теперь узнаю, что Главлит протестует против сценария, считает, что он не соответствует своему назначению, что он якобы вреден. И потому Главлит пытается запретить как печатание, так и съемку картины...

Прошу вашего содействия по разбору этого дела. Прошу вашего распоряжения назначить группу компетентных товарищей и прочесть вновь эту работу, разобрать ее по косточкам и дать оценку. Убедительно прошу вас самого прочесть мою работу и сделать соответствующий вывод».

И соответствующий вывод был сделан через день политредактором Гарбузом: «С политической точки зрения эту вещь печатать нельзя». Политредактор не поверил в «перерождение» главного героя фильма Григория Лопуха.

«Кобецу нужно было показать, кто такой конокрад Лопух, что его толкнуло на это и т. д., чтобы обнаружить перед массами, что Лопухи выполняют дело классового врага, являются врагами народа, и этим мобилизовать массы на выявление Лопухов. Этого требует данный этап классовой борьбы в стране».

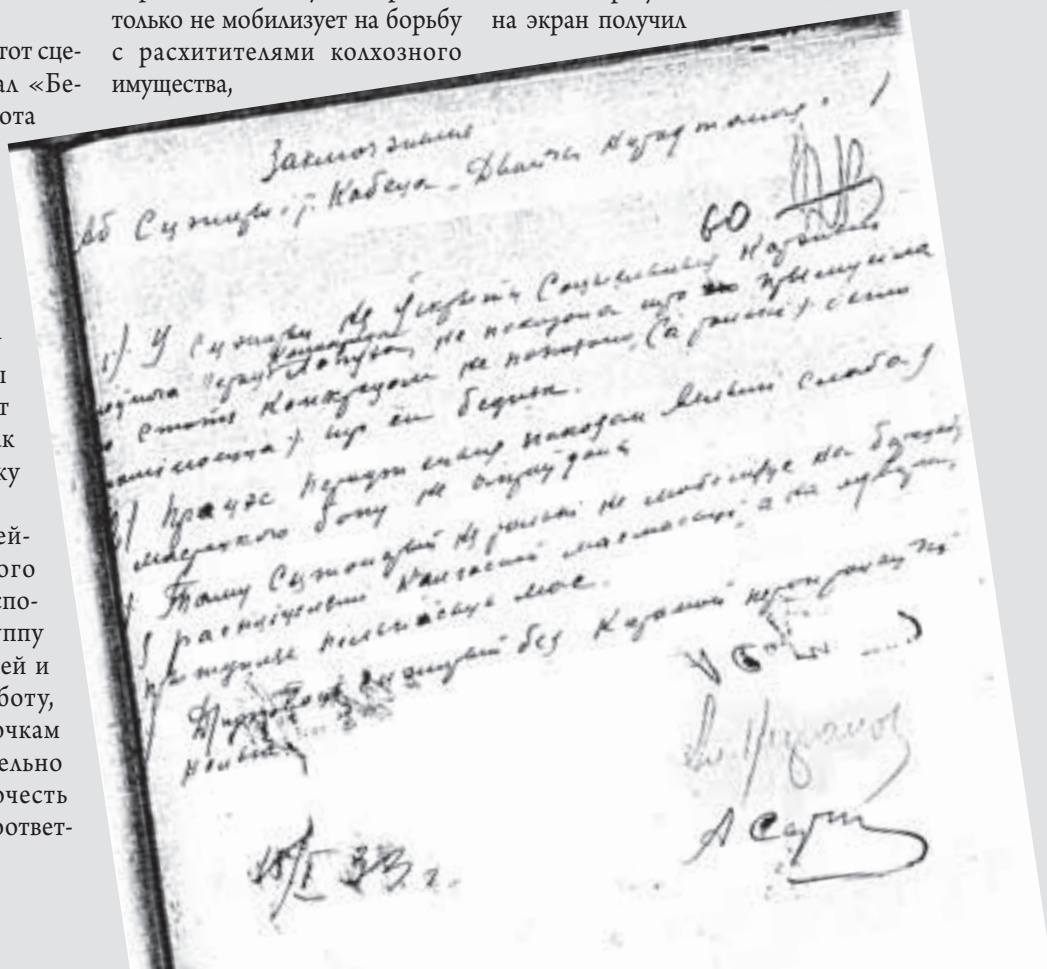
Не понравился политредактору и следующий момент: «Совершенно неправильно делает Кобец, показывая, что колхоз имеет винтовки и колхозники оперируют ими как средством защиты колхоза. Винтовки являются боевым оружием Красной Армии».

В таких же тонах выдержано и заключение Политконтроля о сценарии фильма «Дважды рожденный»: «Процесс перерождения показан очень слабо, с художественной стороны не оправдан. Поэтому сценарий не только не мобилизует на борьбу с расхитителями колхозного имущества,

а наоборот, притупляет бдительность масс. Печатать сценарий без коренной переработки нельзя».

Долгое время эти документы были засекречены. И о них нигде не упоминалось, молчал и сам автор. Хотя не скрывал, что правил сценарий. В первом варианте у него были цыгане, и Григорий Лопух влюблялся не в Марину, а в цыганку Зару. Скорее всего, сценарий правился и после вмешательства политредактора Гарбуза. Но переделывался незначительно, ведь съемки уже шли, менять что-то было сложно, и правки коснулись только концовки кинопроизведения. Может, потому сценарий и не появился на страницах журнала «Беларусь калгасная». А фильм все-таки был снят — вопреки мнению политредактора Гарбуза. И газета «Літаратура і мастацтва» в 31-м номере за 1933 год сообщила: «1 ноября бригада режиссера Э. Аршанского сдала дирекции кинофабрики «Советская Беларусь» большую звуковую художественную картину по сценарию Г. Кобеца «Дважды рожденный».

Фильм сразу же после выхода на экран получил

высокую оценку. А. Вырвич в газете «Известия» писала: «Это один из немногих у нас сценариев о колхозе, в котором чувствуется мастерская рука кинодраматурга. Действие разворачивается, нарастая, и некоторые моменты захватывают зрителя. Типы, выведенные в фильме, живые, сегодняшние люди».

А сценарист и режиссер П. Шамшур, который тоже принимал участие в съемках фильма, будучи ассистентом режиссера Э. Аршанского, отмечал: «В нем правдиво и умело показаны люди белорусской деревни, в нем было что играть актерам

«Дважды рожденный».
Бровка — М. Царев, Дубовик — Б. Бабочкин

В. Крыловичу, Б. Бабочкину, А. Кмиту, Т. Гурецкой».

Бабочкин позже сыграет Чапаева, а Кмит — незабываемого Петьку. Да и заслуженный артист республики Крылович, и Гурецкая были людьми талантливыми и одаренными.

Успех кинодраматурга Кобеца был настолько велик, что в 1935 году на десятилетнем юбилее белорусской кинематографии он в числе других работников Белгоскино был награжден почетным званием заслуженного деятеля искусств БССР.

Но прошли годы, и уже в наше время с фильмом «Дважды рожденный» начало твориться нечто невероятное. Дочь Кобеца Елена Григорьевна с обидой говорит:

— Искусствоведы издали новую историю белорусского кино, в которой Григорию Кобецу не нашлось достойного

места. Его кинопроизведения проанализированы по-новому, искаженно, его заслуги как кинодраматурга приписаны другим авторам. Больше всего пострадал сценарий кинофильма «Дважды рожденный». В «Истории киноискусства Беларуси», которая издана в 2001 году, картина уже не названа этапной, первой звуковой и первой на белорусском языке. Пальма первенства отдана фильму «Первый взвод», снятому режиссером Корш-Саблиным. Но картину «Первый взвод» на белорусском языке я не видела. И вряд ли она есть. Да и снималась она первоначально как немая лента, а потом уже накладывался звук. А как сценарий «Дважды рожденного» исследовался? Знали ли авторы новой «Истории», что первоначальный вариант хранится в Национальном архиве Республики Беларусь? А последний вариант — в семейном архиве Кобеца. Сомневаюсь. Иначе бы не делали анализ по некоторым газетным публикациям. Основной вариант киносценария, к сожалению, не печатался все 75 лет. Автору его было отказано даже в публикации фрагмента.

Не повезло и самой киноленте. Она уничтожена в 1998 году. Мне сказали, что прорвало трубу в архиве и ленту залило водой, что восстановить ее невозможно. По сути, завершено черное дело, начатое еще в 30-е годы, когда неожиданно куда-то исчезла вторая часть картины, с драматической завязкой, без которой многого в фильме не понять. Поэтому он и был снят с кинопроката. А вот теперь и весь фильм «Дважды рожденный» умер, умер навсегда. Началась эра забвения и самого Кобеца, его произведений. И черное дело продолжается.

— Елена Григорьевна, а почему, как вы сказали, началась эра забвения Григория Яковлевича? Что повлияло? ГУЛАГ или какие-то другие события, обстоятельства?

— Здесь все перепелось. И зависть, и неприятие. Говорят: он не наш, он хохол. И лютая

ненависть за то, что Кобец клеймил советскую власть и лично товарища Сталина. Вот этого никак не могли и не могут простить ему некоторые деятели, стоявшие и стоящие у руля. Один из них заявил мне прямо: «Я читал его «Воспоминания», они пронизаны ненавистью к советской власти. А кто против советской власти, тот преступник на все времена». А второй еще дальше пошел, сказав мне: «Столько белорусских писателей безвинно расстреляны, а ваш отец — виноватый — живет».

Из письма Кобеца: «Доведенный до отчаяния, хотел покончить жизнь самоубийством. Но удержали жена, дети. И все же не выдержал мучений, свалил меня тяжелый инсульт. Был парализован, был на грани смерти. Меня поставил на ноги главный врач литфонда Н. Д. Ладуценко. Жена меня выходила, но сама умерла от инфаркта. Начал жить с дочерью Еленой и внуком Дмитрием. Получал пенсию по старости, писать уже ничего не мог. Да и все равно меня не печатали, мое имя замалчивалось все застойные годы. Так и жил, забытый всеми. Дождался перестройки. Ожил душой — вот, думаю, пришло избавление от деспотизма и несправедливости. Еще до перестройки я пытался издать сборник своих произведений (единственный за всю жизнь) в белорусском издательстве «Беларуская літаратура». Руководство по приказу каких-то невидимок пустило в ход все: фальсификацию, подлость, обман, грубое нарушение авторских прав, чтобы только не издать книгу. Затем расторгли договор».

*Похоронят, ошельмуют хлестко,
Сплетней — клеветой помянут,
На литературном перекрестке
Имя остракизму предадут.*

(Из стихотворения Кобеца)

Так и случилось. И, дважды рожденный, в третий раз не восстал. Он ушел, но все еще слышится голос одного из его очернителей:

— Неужели обиделся? А за что?

Ала КАЖЭРА

Жыццё спяшаецца, абганяе дні і ночы, гады і стагоддзі.

У яго хуткаплыннасці няма калі спыніцца, азірнуцца, нестае часу паду-маць пра будучыню. Магчыма, таму, што будучыня сёння шмат каго палюхае сваёй жорсткасцю і безнадзейнасцю. Мітусня, штодзённая ба-рацьба за больш-менш сытае жыццё, абьякаваець людзей і бязвер'е кры-шаць рэшткі надзей...

Але чакае паклічу дабрыні душа твая. І прыходзяць на памяць малюнкi дзяцінства, каб ты, ужо дарослы і сталы, ізноў адчуў любоў і надзею, спа-чванне і спагаду.

Сцежкі

*У сховы нямыя
Хаваецца час.
Мае дарагія,
Я помню пра вас.
Вось ноч пасцяляла
Радно напаказ,
Нястомная сіла
Пакліча да вас.
І з вашым святлом
Не канчаецца час,
Мае дарагія,
Хінуся да вас.*

Толькі прайшоўшы значны жыццёвы шлях, пачынаеш разумець усю неабачлівасць маладосці — матыльковага часу, калі клопаты аб табе бралі на сябе блізкія. І далёка не заўсёды ўзнікала думка, як жа живеца ім, як зарабляецца штодзённы кавалачак хлеба.

І вось цяпер цяжкім грэхам здаецца тая маладая бяздумнасць, калі не было жадання глыбей зазірнуць у свае вытокі, зразумець, што менавіта адтуль твая сіла і нязломнасць. Але ж апраўданнем ёсць шчырая любоў да блізкіх, якая была заўсёды і не скончыцца, пакуль доўжыцца мой жыццёвы шлях.

Я ўзгадваю расказы маёй бабулі Шульга Лісаветы Арцёмаўны (у дзявоцтве Каржэнь). Яе лёс і лёс іншых маіх продкаў тыповы для многіх сем'яў беларусаў, чыё жыццё праходзіла ў трагічныя для Бацькаўшчыны часіны, у гады ліхалецця, крываваых рэпрэсій і здзекаў савецкай улады з уласнага народа.

Я даведалася ад бабулі, што мой прадзед Арцём Каржэнь быў заможным селянінам, меў 10 кароў і столькі ж коней, валодаў немалым надзелам зямлі, якую апрацоўвалі сваімі сіламі. Бабуля казала, што тады жалі зерне, пакуль месяц не ўзыдзе. Аднак пасля так званай рэвалюцыі

прыляпілі да прадзеда кляймо кулака, адабралі зямлю і гаспадарку. А сям'ю з яшчэ нежанатымі сынамі ды дачкой Маняй, якая была інвалідам з дзяцінства, саслалі ў Сібір.

Бабуля Лісавета часта паўтарала: «Гэта здарылася тады, як хапун быў». Ці ж ведала яна, непісьменная сялянка, што за гэтым «хапуном» стаяла зграя дзікуноў без розуму, без спагады. Яны руйнавалі ўсё святое на беларускай зямлі.

Дзед Марк Васільевіч Шульга быў па тых часах адукаваным, бо скончыў 4 класы вучэльні. Бацька выдзеліў яму зямлю каля вёскі Стайкі, што ля Багушэўска на Віцебшчыне. Тут і пабудаваў дзед хутар сярод палёў, лугоў ды кустоўя.

Неўзабаве сустрэў ён на кірмашы прыгажуню Лісавету Каржэнь. Восем разоў засылаў сватоў, але яе ўпарты бацька Арцём не хацеў аддаваць дачку за бяднейшага. І ўсё ж не менш упарты Марка дабіўся свайго.

— Ідзі ўжо, дачка. Надакучыў мне гэты чалавек. Як будзе табе дрэнна з ім, забяру назад, — здаўся ўрэшце суровы бацька.

Але шчасліва і ў любові жылі Марк з Лісаветай. Восем дзяцей выгадавалі, ажанілі старэйшага сына і дачок замуж паадавалі.

*Мой дзед усё ўмеў рабіць:
Араць, і хаты будаваць,
І печы класці адмыслова.
Была ў жыцці яго выснова —
Зрабіць, каб людзям паказаць.
Усё пыталася я ў маці:
— Калі найлепей мы жылі?
— Як пчолы ў садзе ў нас гулі,
а хутар поўны быў багацця...*

Парабкаў у дзеда не было, бо ён усіх дзяцей змалку прывучаў да працы. Увосень вёз Арцём сялянскія здабыткі ў горад і прадаваў. А з горада вяртаўся з цэлым возам рознага харчу на зіму: селядцоў, пернікаў, цукру, абаранкаў, розных прысмакаў для дзяцей.

Мой дзед — Шульга Марк Васільевіч.
Перадваенныя гады

Дзядзька Шульга Васіль Маркавіч з сям'ёй. 1962 г.

дзяцінства

Моладзь з вёскі ўзімку збіралася на хутары, спявалі, танчылі, дзеўкі пралі доўгімі вечарамі.

...У часы ліхалецця грамадзянскай вайны пачаўся голад. Тады дзед сабраў мужыкоў і павёз ва Украіну, каб здабыць зерне для сяўбы. І дабіўся свайго. Казалі, нават да Леніна пісаў і атрымаў дазвол на правоз вагона зерня да станцыі Стайкі.

Засеялі сяляне сваю зямлю-карміцельку, і ажыла вёска, а разам з ёй і хутары наўкол.

*Вясна зямліцу лашчыла ў абдымках,
Цяпла хапала на ўвесь абшар.
З лубянкай сейбіт мераў дзесяцінкі,
І быў у мужыка шчаслівы твар.
І так штогод: ледзь толькі засвітала,
Дзед песьціў сваю ўласную раллю.
Зямля надзейна ў жыцці трымала,
Бо гаспадар трымаўся за зямлю.*

Гэтак у цяжкасцях і турботах, але і ў радасці ішло сялянскае жыццё. Ды як было не радавацца, калі сыны ўсе прыгожыя, працавітыя ды вясёлыя. Адзін Кастусь чаго варты!

Летась на Радаўніцу, калі сабраліся на вясковых могілках, доўгажыхарка баба Ісачыха распавядала:

— Ах, які быў твой дзядзька Кастусь! Граў на ўсіх музычных інструментах, асабліва прыгожа на скрыпцы і гармоніку. Такі вяселун, такі разумнік. І такога чалавека струшчылі... Ведаеш, неяк на вечарынцы ўзнікла бойка, а ён разбараняў моладзь. Падчас гэтай бойкі загінуў адзін з беднякоў. А твой дзед тады серадняком лічыўся, вось і прыпісалі Косцю ўсё, што толькі магчыма. Саслаі ў Сібір разам са сваяком Трахімам. Там Кастусь працаваў на лесанарыхтоўках, потым кіраваў духавым аркестрам. Ды вось бяда, захварэў на запаленне лёгкіх і памёр.

Сяброўкі ў час працы ў Аршанскім аддзяленні чыгункі. 1947 г. Маці Марыя ў цэнтры

Пахавалі яго ў тайзе. Сябра Трахім паставіў яму бярозавы крыж.

Трахіму пашанцавала вярнуцца на Радзіму. Памятаю, што потым, як толькі ўспаміналі пра Кастуся, ён выходзіў у сенцы, доўга паліў, на вачах былі слёзы.

Пякучым болем для сям'і была вестка пра смерць любімага сына, першынца. Засталася ўдавой маладая жонка з дачкой Зосай.

Аднойчы другі сын, Піліп, сказаў: «Шкада мне Ніну, буду браць яе за жонку». Пажаніліся, паехалі ў Ленінград, дзе ў той час набіралі рабочых на Кіраўскі завод.

Тады многія тысячы беларусаў перажылі чорнае ліхалецце сталінскіх рэпрэсій. Людажэрная зайздасць памагатых НКВД не ведала межаў. Яе ахвярамі сталі самыя руплівыя гаспадары, якіх запісалі ў кулакі і ворагі народа.

Што такое рэвалюцыйны бандытызм, напоўніцу спазнаў і мой дзед: у яго адабравалі зямлю, разрабавалі і разбурылі хату.

*Былі то проста ліхадзеі,
З чужога працы жыць хацелі.
З ляноты, бо свайго не мелі...*

Забраў Марка сям'ю і перабраўся ў Оршу, дзе ўладкаваўся на будоўлю дзесятнікам. Зноў паставіў вялікі дом, пасадзіў сад, выкапаў сажалку.

Толькі глынулі спакою, як Другая сусветная вайна, развязаная двума д'ябламі — Гітлерам і Сталіным, — абрынулася на Беларусь.

На трэці дзень пасля нямецкай бамбёжкі запалаў дом Марка Шульгі. Ледзь паспелі выхапіць нейкія пажыткі.

Наняў дзед падводу і вывез сям'ю на сваю радзіму, дзе калісьці быў хутар, у вёску Чарняўскія, што на Віцебшчыне. Сваякі прытулілі нас у тую чорную часіну. Асабліваю цеплыню мы адчулі ад дваюроднага брата нашага дзеда Марціна Шульгі і яго жонкі Арыны. Дом іх стаяў на ўскрайку, а далей пачыналася

зямля, якую Марцін, нягледзячы на пагрозы, не аддаў новай уладзе і адзін з усёй вёскі не пайшоў у калгас.

Мы адчувалі спагаду ўсіх сялян. Мілыя мае беларусы! Якія багатыя вашыя сэрцы на спачуванне. У час смяротнай небяспекі вы дзяліліся апошнім кавалкам хлеба, давалі прытулак усім бежанцам, не толькі беларусам, але і ўкраінцам, расейцам, яўрэям...

Так і блукалі мы з хаты ў хату, пакуль дзед са сваімі малалетнімі сынамі Эдуардам і Васілём не пабудоваў невялікае жылло. Надрываўся з апошніх сіл. Але мужным і нязломным чалавекам ён быў, ахвяраваў здароўем дзеля дзяцей і ўнукаў. Я адчувала незвычайную ласку дзеда і таксама моцна любіла яго.

Толькі засяліліся мы ў новую хаціну, дзе мая маці Марыя ўсё чыста прыбрала, як з'явіліся немцы. Забралі яны нашу хату пад штаб, бо спадабаліся ім чысціня і ўтульнасць. Ізноў хадзілі мы па людзях і толькі напрыканцы вайны вярнуліся ў сваю хату.

У 1944 годзе, адразу пасля вызвалення Беларусі, дзед падаўся на заробкі ў Оршу, дзе рамантаваў разбураныя бамбёжкамі дамы. І збіраў грошы на будоўлю ўласнага жылга. У халодныя лістападаўскія дні ён застудзіўся і захварэў на запаленне лёгкіх. Якое тады было лячэнне? Памёр дзядуля ў 70 гадоў, прайшоўшы свой пакутніцкі шлях.

Пасля вайны бяды і слёзы таксама не абміналі нашу ю сям'ю. Прыйшлі чорныя звесткі пра Піліпа і Мікалая: у першыя дні вайны на Салаўёвай пераправе пад Смаленскам загінуў дзядзька Мікола, а ў час блакады Ленінграда памёр з голаду Піліп, якога не ўзялі на фронт, а пакінулі на знакамітым Кіраўскім заводзе вырабляць снарады. Хутка атрымала паведамленне і мая маці, што наш тата згінуў на фронце без вестак.

Чорная карта выпала і малодшым братам. Калі фашысты забіралі моладзь для адпраўкі ў Германію, Эдуарду ўдалося ўцячы. Колькі дзён ён хаваўся з іншымі хлопцамі ў балотных купінах. Тым часам малодшы Васіль, якому было толькі 15 гадоў, заставаўся дома, ніхто і не думаў, што такога малаго могуць забраць. Але нехта з мясцовых паліцаяў падказаў немцам пра старэйшага сына-ўцекача, і яны схапілі падлетка. Як вытрымала ўсё гэта іх маці, мая бабуля Лісавета?! Дагэтуль я здзіўляюся яе мужнасці і жыццёвай трываласці. Нягледзячы на ўсе бядоты, бабуля заставалася добрай і спагадлівай да людзей. Дзялілася з суседкамі чым магла, бо маці мая ўжо тады працавала ў горадзе і па картках здабывала такі-сякі харч.

*На ўспамін мне слова гэта,
У сэрцы, у памяці жыве.
Мая бабуля Лісавета
Усё кубак квартаю заве.
Я ведаю, не з лёгкай долі
Бабулі нашай дабрыва,
Па кварту цукру альбо солі
Суседкі ішлі да нас штодня.*

(Верш «Кварта»)

Малодшы сын Васіль прайшоў у Нямецчыне праз усе пакуты. Але, кемлівы і спрытны, ён праз некаторы час уцёк

з сябрамі з палону. Перайшлі яны мяжу, трапілі ў Бельгію, дзе змагаліся супраць фашыстаў разам з тамтэйшымі партызанамі. Нават бельгійскім медалём Васіля ўзнагародзілі як байца супраціўлення.

Нарэшце, ужо ў 1945 годзе, у родную хату прыйшоў доўгачаканы трохкутнічак. Ледзь бачныя літары, напісаныя алоўкам, прынеслі радасную вестку: жывы Васілёк і прыедзе хутка дадому. Стаяла перад абразом на калянях Марк і Лісавета, маліліся шчыра, са слязьмі і паклонамі, дзякавалі Богу за такую вялікую міласць.

Але не хуткім было вяртанне Васіля да родных. Перахапілі яго на мяжы агенты НКВД і саслалі на сахалінскія шахты. Тады шмат каго з тых, хто пабываў у палоне, зрабілі здраднікамі.

Толькі пасля смерці Сталіна вярнуўся Васіль дадому. Пайшоў у вчэрнюю школу,

скончыў тэхнікум, стаў машыністам на чыгунцы. Ажانیўся з добрай жанчынай, дачок узгадаваў. Любіў людзей, і яго любілі за дабрыву, за шчырыя песні пад гітару.

Але сэрца яго, спакутаванае цяжкім лёсам, аднойчы не вытрымала. Паспеў вяселле дачкам справіць, а ўнукаў не дачакаўся — раптоўна памёр у 62 гады...

Вельмі перажываў старэйшы брат Эдуарда, былы франтавік, кавалер двух ордэнаў Славы. Моцна любілі адзін аднаго браты, ніхто ніколі не чуў, каб пасварыліся ці абразілі адзін аднаго словам. І схілялася над помнікам сівая галава Эдуарда, які часта хадзіў да дарагой магілкі, нягледзячы на хворыя ногі. А ў Дзень Перамогі апранаў ён святочны касцюм, чапляў ордэнскія планкі і медалі і ішоў на плошчу. Урачыста было ў хаце, з'язджаліся тры яго сыны, каб павіншаваць бацьку. Гэта быў яго Дзень, гэта быў Дзень горада Оршы, Дзень усёй шматпакутнай Беларусі.

Гэты ж дзень, 9 мая 1992 года, стаў апошнім днём жыцця Эдуарда. Нечакана для ўсіх памёр ён на руках у сына і жонкі. Пахавальная працэсія расцягнулася на ўсю вуліцу. Начальнік Аршанскага дэпо загадаў спыніць цягнікі, каб прапусціць працэсію праз чыгуначныя пераезды. Моцна загулі развітальныя гудкі цеплавозаў, каб пачуў іх машыніст Шульга ў апошні раз.

Не, не дарэмна жылі браты Шульга на гэтай зямлі, хаця надта кароткім быў іх шлях. Аднак ці толькі колькасцю гадоў вымяраецца вартасць жыцця?

Кажуць, што душы дарагіх нам людзей, якія пакінулі гэты свет, жывуць, пакуль мы іх помнім. Памяць лётае нябачнай птушкай Фенікс, і жыццё адраджаецца — у дзецях, унуках, праўнуках.

...Зіма. Наведала родную хату, сваякоў, вясковыя могілкі. Сустрэлася з мілымі і па-ранейшаму шчырымі суседзямі.

Вяртаюся ў Мінск. За вокнамі вагона мільгаюць такія знаёмыя краявіды. Вось і знакамітыя Ліпкі. Кожны раз яны сустракаюць мяне і праводзяць. Праз іх ляжыць дарога да рэчкі майго дзяцінства Аршанкі.

Я заплюшчваю вочы і хаваю гэтыя дзівосныя малюнкi ў самы патаемны, самы трапяткі куточак сваёй душы. І адчуваю непераадольнае жаданне раскідаць па гэтых заснежаных сцежках бэльга ружы.

Ярослав РОМАНЧУК,
<http://liberty-belarus.info>

Белорусские власти взахлеб хвалят принятую программу либерализации. Первая ее часть называется «План первоочередных мероприятий по либерализации условий осуществления экономической деятельности в 2009 году». В нем 52 пункта, отсюда и название — План-52. Его согласовали Совмин (13.01.09 № 11/4) и Администрация президента (13.01.09 № 09/5). Нацбанк для визирования почему-то не пригласили. Очевидно, наказали за шоковую девальвацию. Документ вызывает смешанные чувства. После его реализации экономической свободы действительно станет больше, но не для всех, не везде и не намного. Чиновники в своем стиле отчитались о проделанной работе, аккуратно обойдя все острые углы и сложные вопросы.

Фальстарт либерализации

Регуляторный позитив

Больше свободы в любом случае лучше, чем меньше. С этой точки зрения План-52 лучше, чем все предыдущие программы пятилеток. По крайней мере, в нем признается факт забюрократизированности и зарегулированности экономики, чрезмерной налоговой нагрузки и наличием ущербного инвестиционного климата. Данная констатация не является оригинальной и новой. Достаточно проанализировать выступления высших должностных лиц Беларуси за последние шесть месяцев, чтобы найти там эти же выводы.

Экономический смысл дерегулирования понятен. Меньше бюрократии — меньше затрат бизнеса, больше шансов увеличить конкурентоспособность — больше бюджетных ресурсов на более важные цели. Если снять с органов госуправления обязанность регулировать и контролировать цены, ежегодно утверждать и переоформлять лицензии и разрешения, доводить планы по росту производства и отслеживать их выполнение, принауждать к «добровольному»

финансированию национальных и местных мероприятий, программ и строек, если перестать направлять производство, рекламу, продажи, платежи в номенклатурную матрицу, то белорусский бизнес и государство могли бы сэкономить порядка \$5 млрд. Это те ресурсы, которые сегодня тратятся на содержание около 25 тысяч чиновников (зарплаты, премиальные, здания и их обслуживание, транспорт, оборудование рабочих мест и т. д.). Их пребывание в органах власти противоречит либеральной парадигме развития страны. К издержкам относятся

затраты предприятий (бухгалтерия, юристы, время руководителей и персонала, средства на подготовку необходимых отчетов, выполнение приказов исполнительной власти).

План-52 далек от того, чтобы обеспечить такого рода регуляторную встряску. Тем не менее курс на «сокращение количества и упрощение административных процедур, совершаемых государственными органами и организациями», декларирован. Предлагается в феврале исключить выдачу лицензионных карточек на транспортное средство, сократить количество процедур

в сфере санитарного надзора не менее чем в два раза (с 17 до 8).

Транспортникам приятно было узнать, что намечается «сокращение срока рассмотрения заявки на сертификацию услуг с 10 до 5 дней органом сертификации услуг по подготовке, переподготовке и повышению квалификации водителей механических транспортных средств».

Отдельным промышленным предприятиям тепло на душе от того, что до 2 марта будут увеличены сроки «действия до 3-х лет межповерочных интервалов испытательного оборудования, надежных измерительных инструментов и нестандартного оборудования». Длительность процедур согласования и утверждения технических условий на продукцию собственного производства обещают сократить с 3 до 1 месяца. До пяти лет будут увеличены сроки действия «удостоверения о государственной гигиенической регистрации на серийно выпускаемую продукцию (после проведения инспекционного контроля)». Строители и турфирмы поражаются тому, что до 20 марта будет осуществлен «переход от обязательной к добровольной сертификации строительных и туристических услуг». Приближенных к нефтехимическому лобби наверняка обрадует, что будет «проработан вопрос» об отмене ограничений на строительство и эксплуатацию автомобильных заправочных станций (до 27 июля).

Налоговый позитив

Предложенные налоговые изменения вызывают смешанные чувства. С одной стороны, надо приветствовать отмену целого ряда налогов. С другой стороны,стораживает то, что в утвержденном МВФ меморандуме, который был согласован с белорусскими властями, в 2009 г. предусмотрены расходы консолидированного бюджета в объеме 48,9% ВВП. Это немногим меньше, чем прогнозировалось в 2008 г.

Значит, цена всех обозначенных в Плане-52 налоговых сокращений будет минимальной, менее \$700 млн. Не исключено, что для наполнения бюджета могут быть увеличены ставки существующих налогов или введены некие особые антикризисные платежи.

Возможно, авторы Плана-52 не вникали в эти противоречия, когда обещали отменить налог с продаж и налог на услуги (до 31 июля), оборотный с/х налог (1%), налог на приобретение автомобильных транспортных средств, а также мелкие местные налоги. На этапе согласования проекта Плана было предложено отменить нормирование для целей налогообложения расходов на рекламно-маркетинговые, консультационные и информационные услуги, включаемые в состав затрат по производству и реализации отечественных товаров и услуг. Это давно надо было сделать, но столь либеральный порыв утонул в трясине согласований. В окончательном варианте нам обещали всего лишь «проработать вопрос» об этом.

Среди других предложений в данной сфере отметим обещание внести корректировку в Общую часть Налогового кодекса, чтобы все трактовки несоответствий законодательства были в пользу налогоплательщика (до 31 июля). Другие пункты плана выглядят как список рождественских пожеланий Деда Мороза, добрых и идиллических.

Законодательная пустота

План-52 пестрит привычными для белорусской законодательной практики клише: «совершенствовать», «упорядочить», «скорректировать» или «оптимизировать».

Например, нам обещают «совершенствование исчисления и уплаты таможенной пошлины». Процесс должен завершиться до 20 марта. Порядок «очередности осуществления платежей с текущих (расчетных) счетов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» следует

Photo.bymedia.net

усовершенствовать до 23 февраля.

«Совершенствование и усиление мер антимонопольного регулирования, направленных на создание для субъектов хозяйствования условий конкуренции на товарных рынках», будет проведено до 14 мая 2009 г. Как это стыкуется с реализацией жесткого лозунга «Покупайте белорусское» и агрессивной программой импортозамещения, понять сложно. До 2 апреля будет, очевидно, закончен процесс «совершенствования порядка осуществления деятельности на рынке ценных бумаг». Нет у нас этого рынка, и после такого пустого обещания он едва ли появится.

Аморфным и туманным выглядит одно из самых фундаментальных положений любой либерализации — по освобождению цен. Пункт 25 обещает до 10 июня «расширение сферы применения свободных цен (тарифов), торговых надбавок». Какие конкретно товарные группы будут отпущены в свободное плавание, мы из Плана-52 не узнали.

Непонятно, какое отношение к либерализации имеет пункт 27

о «совершенствовании порядка подготовки и рассмотрения инвестиционных договоров с Республикой Беларусь». Впечатляет пункт 30: «Переход к конкурсной форме размещения заданий по кредитованию банками проектов в рамках государственных программ». Вместо того чтобы декларировать курс на уход государства из финансовой, инвестиционной сферы и предоставление большей свободы банкам, власти предлагают, по сути дела, лотерею на определение того, кто будет обязан выполнять государственные инвестиционные программы. Туманно обещание упростить порядок «исчисления амортизационных отчислений и формирования амортизационных фондов».

Ремесленники спасут рынок труда

В ноябре 2008 г. по сравнению с октябрём численность работников, переведенных на неполный рабочий день по инициативе нанимателя, выросла в 2,4 раза и достигла 14,5 тыс. человек. В вынужденные отпуска по инициативе нанимателя в целом по промышленности в ноябре было направлено 13,5 тыс. человек, что в 3,3 раза больше по сравнению с октябрём. С учетом прогноза сокращения объема промышленного производства в первом квартале на 7–10%, под угрозой может оказаться более 100 тысяч рабочих мест.

Авторы Плана-52 видят спасение рынка труда в расширении «возможности samozанятости населения путем дополнения перечня видов ремесленной деятельности», а также в предоставлении «права физическому лицу привлекать для осуществления ремесленной деятельности не более одного физического лица в качестве помощников (подмастеров)» (до 3 марта). Осталось расширить перечень сфер деятельности ремесленников до уровня ИП, и их число к концу 2009 г. может резко увеличиться до 50 тысяч.

Директорат рулит, номенклатура создает себе ниши

В порыве либерализации авторы Плана-52 не обидели директорат. Документ предлагает «сокращение ограничений, влияющих на размеры премий, надбавок руководителям организаций (упрощение системы оплаты труда)» (до 12 марта). Руководители госпредприятий наверняка воспользуются и нормой, предусмотренной пунктом 39: «Расширение прав нанимателя по определению перечня и размера включаемых в себестоимость продукции (товаров, работ, услуг) выплат стимулирующего характера работникам коммерческих организаций независимо от формы собственности».

План-52 предусматривает также «совершенствование порядка командирования за границу руководителей государственных предприятий». На деле это касается, как было указано в проекте Плана, «разрешительного принципа командирования» директоров за границу. На фоне этих «важных» положений отсутствие права увольнять рабочих, если у предприятия нет заказов, денег или если оно проводит реструктуризацию, ставит под сомнение либерализацию рынка труда в целом.

Странным образом в Плана-52 оказалось положение о снятии до 20 марта 2009 г. «ограничений на импорт рыбы свежемороженой», а также морепродуктов (за исключением переработанных). Управление делами президента после неудачного эксперимента с монополизацией данного сегмента рынка решило впустить на него новых игроков. Почему на месте рыбы не оказались компьютеры, книги, автомобили или тысячи других товаров, понять сложно.

Далеко от либерализма положение пункта 43 о государственном финансировании программ

поддержки малого и среднего предпринимательства, в том числе в виде льготных кредитов банков и гарантирования возвратов таких кредитов. «Установление доли малых и средних предприятий в закупках товаров (работ, услуг) для государственных нужд» также может вылиться в кумовство, коррупцию и мошенничество. Никакого отношения к либерализации не имеет «законодательное закрепление правового статуса холдинга, порядка его создания и условий функционирования». Тем более что данный процесс, как указано в Плана-52, должен быть завершен до 31 (!) сентября 2009 г. Такими темпами мы скоро и юлианский календарь либерализуем.

До 27 сентября декларируется создание и функционирование белорусских венчурных «компаний» (орфография оригинала). Опять по приказу правительства будут создаваться так называемые структуры рыночной экономики. До 22 апреля планируется «разработка единого порядка проведения контрольной и надзорной деятельности... а также совершенствование механизма применения мер ответственности при осуществлении предпринимательской деятельности». Такая формулировка едва ли гарантирует защиту прав бизнесменов, сокращение полномочий и численности контролирующих органов.

План-52 — это программа мягких, градуалистских реформ под номенклатуру. За новым словом «либерализация» кроются старые механизмы, традиционная защита интересов распорядителей чужим (политиков и госслужащих), привычные способы распределения госресурсов. Во всем документе нет ни одного упоминания о приватизации. Он не гарантирует либерализацию цен и оставляет практически без изменений объем полномочий государства. Если белорусские власти поспешили назвать этот план началом либеральных реформ, то они явно совершили фальшстар.

Оксана РОМАНЕНКО

Земные корни философской проблемы

Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное — имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями — второстепенно.

А. Камю

Бытие против жития?

Статистика суицидов, как никакой иной показатель, четко фиксирует истинное значение экономических данных, но не в сухих цифрах роста ВВП, инфляции и зарплаты, а в человеческих жизнях. Эта статистика показывает, сколько людей не смогли приспособиться к переменам, сколько не увидели выхода в сложившейся экономической и политической ситуации. Заметили? Перечень стран (см. врезку) как будто помечен тенью известного

восточного проклятия: «Чтобы ты жил в эпоху перемен» ... Там, где «застойно» — привычно хорошо или привычно плохо, — люди как будто реже терпят в жизни катастрофу.

Однако свести подобное наблюдение только к материальному «бытию» — одно из распространенных житейских, да и журналистских заблуждений.

В свое время статистика суицидов в Советском Союзе была засекречена. Впервые о том, что такое явление все-таки есть,

народ узнал только в 1989 году, в перестроечную пору. До этого никто не осмеливался ставить под сомнение утверждение партии и правительства, что Советский Союз живет правильно и хорошо.

Между тем, по официальным, хотя и скрытым, данным, в 1926 году в Москве и Питере уровень самоубийств на 100 тысяч составлял 42 человека среди мужчин и 20 среди женщин. Высокий уровень суицидов был

надежду: уровень самоубийств в России снизился с 41 (в 1995 году) до 36 человек на 100 тыс. населения (в 2007 году). В течение этих лет экономика России встала на путь позитивного развития. Но одними экономическими показателями статистику самоубийств объяснить, конечно же, нельзя. Хотя экономические кризисы влияют не только на материальное, но и на психическое состояние человеческого сообщества.

К похожим выводам на основании исследования данных о суицидах в 1994 году в России пришел Г. Белоглазов. Он писал: «В первую очередь, 94-й год был ознаменован пиком инфляции, что означало понижение благосостояния и уровня жизни населения, но и не только это: с 1994-м годом было связано крушение надежд на возможность реформ во имя стабильности, надежд, которые еще теплились в самом начале девяностых. Наи-

По официальной статистике ВОЗ, каждый год кончают жизнь самоубийством 1 100 000 человек. По неофициальным данным, добровольно умирают более 4 000 000, и еще 19 000 000 совершают неудачные попытки расстаться с жизнью.

По количеству самоубийц на первом месте Поднебесная: 350 тыс. китайцев ежегодно сводят счеты с жизнью; на втором Индия — 110 тыс. человек; третье место у России — 55 тыс. человек; четвертое Америка делит с Японией — 31 и 30 тыс. человек соответственно; на пятом месте Украина — 12 тыс. человек.

Однако если количество самоубийц соотносить с численностью населения страны, получится иная статистика. По итогам 2007 года лидерами по числу суицидов (свыше 20 человек на 100 тыс. населения) являются страны бывшего СССР.

На первом месте в этой статистике совершенно независимая, маленькая и гордая Литва — 42 человека на 100 тысяч населения; на втором — «незалежная», устало гребущая против течения к миражу экономического чуда Беларусь — 37; на третьем — вроде бы уже выплывшая и твердо стоящая на сырьевых ногах Россия — 36; на четвертом месте еще один сырьевой гигант — Казахстан — 30; пятое делят уже прибившаяся к НАТО Латвия и стремящаяся в Альянс Украина — 26 и 25 человек на 100 тысяч населения. Замыкает рейтинг стран с высоким уровнем самоубийств излишне трудолюбивая Япония — 20.

Франция, Китай, Германия, США, Канада, Австралия относятся к странам со средним уровнем самоубийств — от 10 до 20 человек на 100 тысяч населения.

Наиболее благополучными (до 10 самоубийц в год на 100 тысяч населения) выглядят Италия, Англия, Израиль, Греция, Грузия, Армения и Азербайджан.

Меньше всего суицидов совершается в Египте, на Гаити и Ямайке — в этих странах результат предложенных расчетов близок к нулю.

отмечен в 1937 и 1947 годах. Во время хрущевской «оттепели» статистика зафиксировала спад — с последующим ростом вплоть до 1984 года (39 человек на 100 тысяч), когда страна занимала по числу самоубийств второе место в соцлагере, уступая только Венгрии. В начале перестройки уровень суицидов в СССР резко упал (до 23 человек на 100 тыс.), но, начиная с 1988 года, вновь стал расти. Ситуация последних лет на самой большой постсоветской территории дает

П. Ширихев, заведующий лабораторией психологии межгрупповых отношений Института психологии АН СССР, в свое время писал: «Основная причина суицида — ощущение человеком бессмысленности своего существования. Оно имеет связь с положением, в котором находится данное общество, в частности с экономической нестабильностью, идеологической неразберихой, переоценкой общественных норм морали».

более обделенные слои населения оказались в самом безнадежном положении, на первый план выходила животная борьба за существование. Менее бедный средний класс не в меньшей мере испытал на себе действие обесценивания денег — нельзя было надеяться даже на самих себя, ибо сбережения уже не могли помочь в случае кризиса, а желание трудиться и зарабатывать деньги оставалось далеко не у всех. Расстрел парламента в конце 1993 года вызвал негативный

общественный резонанс и, как следствие, понимание ничтожности демократических идеалов и принципов. Новые выборы, состоявшиеся также в 1993 году, не оправдали возлагаемых на них надежд. У обывателя вполне могло сложиться ощущение замкнувшегося круга — и света в конце туннеля видно не было. Ощущение безнадежности очень сильно давит на психику, способствуя суицидальным мыслям, и только постоянная необходимость бо-

Опасными с этой точки зрения оказываются определенные **профессии**: на первом месте среди суицидальных профессий музыкант (8,5 балла), далее — медсестра (8,2), зубной врач (8,2), финансист (7,2), психиатр (7,2). Замыкают список библиотекарь (3,2) и продавец (2,1).

Немаловажную роль играет и **семейное положение**. По статистике, состоящие в браке люди кончают с собой значительно реже, нежели холостые или разведенные. Высокий уровень самоубийств у тех, кто потерял партнера, — они сводят счеты с жизнью в три раза чаще, чем семейные.

Существует также прямая зависимость между суицидом и потерей социального статуса — это называют «комплексом короля Лира». Так, высокий уровень самоубийств среди демобилизованных офицеров, молодых солдат, людей, взятых под стражу, недавних пенсионеров. Самые высокие показатели суицидов отмечены среди наркоманов, инвалидов, психически больных, хронических алкоголиков. Алкоголикам в статистической сводке принадлежит около трети всех законченных самоубийств и четверть всех суицидальных попыток.

По данным исследований, которые проводились в США, геи совершают попытки самоубийства в 7 раз чаще, чем натуралы.

Есть стойкие поводы «молодежных» суицидов: неразделенная любовь, конфликты с родителями и сверстниками, страх перед будущим, одиночество. По российской статистике, ежегодно каждый двенадцатый подросток в возрасте 15–19 лет пытается совершить самоубийство. Кстати, по абсолютному количеству подростковых самоубийств Россия занимает первое место.

У «взрослого» суицида при различии поводов одна общая причина — депрессия. ВОЗ в

принципе считает, что **проблема самоубийств — это проблема депрессий**. Но такой ответ нельзя считать исчерпывающим, ведь есть масса факторов, способных стать причиной депрессии, и масса обстоятельств, усугубляющих или, наоборот, разгоняющих мрак на жизненном горизонте.

В результате изучения биографических данных самоубийц сотрудники ВОЗ сделали вывод: уровень жизни и количество суицидов напрямую не связаны между собой. Одна из самых высокоразвитых и богатых стран Европы — Швеция — на протяжении десяти лет была лидером по числу самоубийств.

Но вот общественные катаклизмы оказывают на число суицидов самое непосредственное влияние. Например, после возведения Берлинской стены уровень самоубийств в восточном секторе увеличился в 25 (!!!) раз.

Среди самоубийц немало интеллектуальных молодых людей, которые остро ощущают отсутствие перспектив профессионального роста, вызванное традициями геронтократии (правления стариков), приверженностью консервативным подходам в управлении, системой «распределения» перспективных и денежных должностей.

Еще больше среди самоубийц стариков: они не только пребывают в шоке от ломки ценностей, на которых воспитывались сами и растили детей, но и понимают, что до очередного «светлого будущего» им просто не дожить. Они унижены пренебрежением к ним общества, они не хотят и не могут смириться с тем, что жили неправильно и жертвовали собой напрасно.

В 60-е годы Морис Фарбер предложил интересную концепцию, которая сегодня называется Законом Фарбера и звучит так: частота самоубийств в популяции прямо пропорциональна количеству индивидов, отличающихся повышенной ранимостью, и масштабу лишений, характерных для этой популяции. Закон прост — а последствия его нынче так страшно очевидны!

роться за свое существование, за существование своей семьи могла выступить в роли некоего сдерживающего фактора».

Особая анкета

По мнению ученых, существует некоторая предрасположенность к суициду. Например, в определенной **этнической группе**: среди представителей угро-финской группы, будь то жители Удмуртии, Венгрии или Финляндии, очень высокий уровень самоубийств.

Юлия МИЦКЕВИЧ

**Гендерное
равноправие
через призму
белорусских
массмедиа**

Получив предложение написать в «Абазур» статью о гендере и гендерном равноправии на примере публикаций в белорусских массмедиа, я задумалась: с чего начать. Не хотелось бы читать лекций по гендерной теории, объясняя, что за «фрукт» такой этот гендер и с чем его едят. Посему начнем, пожалуй, с конкретных примеров.

В последнее время по телевидению крутятся два диаметрально противоположных рекламных ролика, если рассматривать их с точки зрения гендерного баланса. Причем реклама эта именно белорусского производства, а не скопированная с западных или российских аналогов. Первый ролик представляет одну из акций мобильного оператора. В нем используются как раз образы мужчины и женщины. Главным и показательным эпизодом этой рекламы является тот момент, когда женщина (ярко одетая, капризная) говорит мужчине, что ей все надоело и она собирается от него уходить. Но после его слов, что он выиграл машину, а потом и квартиру, ее мнение резко меняется, и она произносит: «Я передумала». Что демонстрирует эта реклама? В первую очередь, образ женщины, каким видит его производитель данного ролика. То есть женщина — это некое истеричное и капризное существо, жаждущее денег или других материальных благ, которые может дать ей только мужчина, способный их заработать или выиграть.

Если рассматривать детали этого ролика, то сразу бросается в глаза, как абсолютно равнодушно, с определенной долей презрения (он не удостоивает ее даже взгляда, все время смотрит на свой мобильный телефон) относится мужчина к «причитаниям» женщины и как быстро она меняет свое мнение о нем и их отношениях, когда узнает, что он по-крупному выиграл. Вообще, эта реклама — «классический» вариант демонстрации гендерных ролей в патриархальном обществе, где мужчина — добытчик и герой, а женщина — либо жена (хозяйка) или мать,

либо содержанка, как в обозначенном нами примере.

Хотите еще? Реклама муки «Гаспадар», где показана «нетипичная» семья, состоящая из папы и детей. Дело происходит

Гендер — социально конструируемый пол — те поведенческие роли, которые приписываются человеку в зависимости от его биологического пола в том или ином обществе. Гендерная теория охватывает проблемы разности отношения и наделения правами не только в зависимости от пола, но также от сексуальности, цвета кожи, нации (расы).

на кухне, где мужчина в роли отца семейства пытается что-то приготовить, говоря при этом, что мамы дома нет, но это не беда. «Помощником», чтобы справиться с задачей, как раз и служит эта мука. В этой рекламе, в отличие от первой, мужчина представлен не в типичной, традиционной роли, а в альтернативной, что позволяет продемонстрировать его образ с другой стороны. То есть мужчина в доме не обязательно должен лежать на диване и принимать исключительно символическое участие в воспитании детей, а наоборот, он вполне может справиться с ролью «домохозяйки» и выглядеть при этом весьма довольным и успешным.

Почему я говорю именно о рекламе? Потому что она, так же как и журналистский материал, является текстом, только визуальным.

Реклама сегодня не просто двигатель торговли, а элемент идеологии, который, может быть, не очень заметен, но при этом обладает огромным воздействием на человека, конструируя потребности и желания так, что

он или она будут уверены, будто это и есть их собственное мнение. Поэтому от того, какая реклама мелькает в нашем телевизоре и какие образы в ней преобладают, во многом зависит и уровень культуры и образования общества, его прогресса или наоборот.

Рекламный текст, так же как и тексты из газеты, журнала, интернет-издания или телевидения, попадает в наше подсознание и этим самым воздействует на то, какой мы видим и воспринимаем окружающую нас действительность.

Многие мои коллеги часто задают вопрос, почему важно знать и понимать, что такое гендерное равенство (равноправие) и, соответственно, использовать эти знания. Отвечаю. Потому что тексты, которые мы пишем (приносим), не только являются отражением новостей, событий (фактов), но и способны изменить или, наоборот, «законсервировать» ту или иную ситуацию — социальное явление, например, отношение в обществе к мужчине и женщине.

К сожалению, часто в белорусских СМИ журналист(ка) пишет свой текст, как по шаблону, не задумываясь о том, что таким образом репродуцирует определенные стереотипы. К примеру, статья на тему одиночества. Журналистка (не буду называть фамилии) начинает свой материал с описания того, что одинокая женщина обязательно несчастная, нервная, злая (варианты разные), жаждущая выйти замуж и постоянно

Наша реклама — «классический» вариант демонстрации гендерных ролей в патриархальном обществе, где мужчина — добытчик и герой, а женщина — либо жена (хозяйка) или мать, либо содержанка.

находящаяся в поиске «мужчины своей мечты». И даже когда женщина успешна в профессии (например, у нее свой бизнес), то она обязательно

несчастна, если у нее при этом нет того самого «сильного плеча», на которое можно опереться. Автор статьи приводит полезные советы от психолога, как с этим бороться. Важен и визуальный ряд. В одном углу — «сильная женщина у окна» со страдальческим видом, в другом — счастливая пара молодоженов. То есть даже не читая статью, глядя только на фотографии, можно сделать вывод: чтобы быть счастливой, нужно быть в паре. Мне этот текст с точки зрения информативности и пользы совершенно не интересен, таких — море. И везде одно и то же. Но важно в этой статье другое: то, как и в каком ракурсе подается образ одинокой женщины, — а именно как несчастной, которую обязательно нужно пожалеть и дать кучу советов, как снова стать счастливой. Оно и понятно: в

отношений в семье (паре) является зеркальным отражением общей системы власти в обществе (кто является зависимым, имеет меньше прав и почему).

Я неспроста говорю именно о женском одиночестве, потому что у мужчин оно другое. Не в том смысле, что мужчина как-то по-особенному одинок, а в том, что отношение окружающих к одинокому мужчине совсем не такое, как к женщине. Мужчину не принято жалеть, о нем часто отзываются даже в хвалебных тонах, к примеру, говорят: «Завидный жених». В этом и кроется главный смысл того, что принято называть гендером: мы наделяем людей некими характеристиками и приписываем им определенные функции, только исходя из биологических различий. Нет, конечно, их никто не отменяет, но и возведение в абсолюте приводит в итоге к неравенству.

К примеру, по статистике в Беларуси женщины зарабатывают только 80% от зарплаты мужчин. Почему? Женщины хуже или меньше работают? Нет. Более того, процент получивших высшее образование женщин гораздо больше, чем среди мужчин. Но мужчина, если следовать привычному представлению, — добытчик, тот, кто обеспечивает семью, поэтому ему положено платить больше. Однако если рассмотреть реальную ситуацию, то в нашей стране огромное количество женщин, которые одни воспитывают детей. И хорошо, если получают алименты, но это далеко не всегда случается. Вот и выходит, что теория с практикой не совпадает.

Другой пример — знакомый, наверное, большинству женщин. Представим себе семью, где муж и жена работают одинаковое количество часов. Мужчина зарабатывает больше по причинам ранее описанным. Но, приходя домой с работы, женщина идет на кухню и начинает выполнять то, что принято называть домашним трудом, который является по сути такой же работой, только неоплачиваемой. Почему в большинстве случаев

этим занимается женщина, а не мужчина? Потому что это как раз классический пример, когда биологический пол становится социальным. Когда я однажды в детстве спросила маму, почему именно я, а не брат, должна убирать, стирать, готовить, то услышала: «Потому что ты женщина, хозяйка и мать, так заложено в твоей природе».

Однако давайте порассуждаем. Да, то, что женщины физически в большинстве своем слабее мужчин и поэтому не заняты в тех профессиях, где требуется большая физическая сила, — это понятно. Но, как когда-то верно заметила моя преподавательница, разве мы моем посуду половыми органами? Нет, руками. А они есть как у женщин, так и у мужчин. Разделение домашних обязанностей — это тоже равноправие. В одной отдельно взятой семье.

То, что я описала, именуется наличием гендерной чувствительности, то есть умением рассматривать привычную ситуацию (явление, проблемы) под другим углом зрения, способностью видеть неравенство там, где оно многим кажется незаметным.

Именно наличие гендерной чувствительности у журналистов даст возможность конструировать реальность и влиять на сознание людей таким образом, чтобы избавлять их от стереотипов и давать им пищу для размышлений, заставляя их задуматься над тем, где и по какой причине существует неравенство и как от него можно освободиться.

Явление есть только тогда, когда оно отображено в дискурсе. Это значит, что решение той или иной проблемы возможно лишь при его вербализации или визуализации. Но для того, чтобы менять мир к лучшему, нужно для начала самому осмыслить и понять, что мы имеем одинаковые права, независимо от нашего пола, цвета кожи или сексуальности. Мы равные, несмотря на то, что разные.

Тексты, которые мы пишем (произносим), не только являются отражением новостей, событий (фактов), но способны изменить или, наоборот, «законсервировать» ту или иную ситуацию — например, отношение в обществе к мужчине и женщине.

патриархальном обществе женское одиночество — синоним ущербности. И позиция такая выгодна тем, в чьих руках находится власть, т. е. мужчинам. Потому что «ущербная» женщина, начитавшаяся подобных статей и уверенная в том, что так оно и есть (плюс — предположим — то же самое ей внушала с детства мама), будет «хвататься» за любого мужчину (к тому же их по статистике меньше), холить его и лелеять, считая, что это и есть счастье. А он будет чувствовать себя «королем», который уверен в своей правоте на том простом основании, что он мужчина. В любви и отношениях между двумя людьми, безусловно, ничего плохого нет. Вопрос в том, что выстраивание властных

Кто кого имеет?

Председатель Белорусской женской Лиги, кандидат исторических наук **НИНА СТУЖИНСКАЯ** считает, что подавляющее большинство журналистов не интересуется так называемыми «бабскими проблемами». Возможно, именно поэтому лишь 2 процента всех газетных площадей посвящено женской тематике...

Марина КОКТЫШ

Из личного дела

Нина Стужинская
Считает себя состоявшейся и счастливой женщиной. Замужем. Муж — менеджер в области сельского хозяйства. Имеет взрослых сына и дочь.

недавно на семинаре в Гомеле один такой продвинутый кадр из Европейской коалиции заявил: мол, дети и семья — это женские вопросы, вы с ними и разбирайтесь. Вот и думай после этого, что представляет собой главная ценность общества. Похоже, в понимании многих мужчин это точно не семья и не ребенок.

— Если продолжать разговор о гендерном равенстве, то с женским участием в политике у нас совсем плохо...

— Да. И люди часто путают женщин-чиновниц, чья карьера зависит от благосклонности первой особы государства, и женщин-политиков, которые предлагают свои программы или даже целую модель развития общества. В партиях, кстати, число женщин идет на убыль даже среди рядового состава, уж не говоря о том, что они исчезают из руководства. Какую-то известность может дать портфель заместителя председателя партии, но это не факт. В Беларуси политика очень персонифицирована: у нас названия партии могут и не помнить. Партия, как правило, является «клубом» имени такого-то политика...

— Как думаете, почему среди главных редакторов влиятельных белорусских газет, в том числе и государственных, практически нет женщин? Почему на телевидении все рейтинговые и серьезные программы, как правило, ведут мужчины?

— У меня встречный вопрос: а как часто женщины-журналистки пишут на женскую тематику или вообще о гендере?

— Мне кажется, редко.

— Не так давно в интернете прочитала информацию о том, что Беларусь в индексе гендерного неравенства, который составляет Всемирный экономический форум, за год опустилась аж на десять позиций и сегодня занимает не самое почетное 33-е место. Объясните популярно, что означает эта цифра.

— Когда составляется этот индекс, в расчет берутся, как правило, сразу несколько показателей: возможности мужчин и женщин в сфере экономической деятельности, в образовании, участие в политике.

Если говорить об экономике, то кто у нас сегодня занимает должности в самых денежных отраслях? Мужчины. Известно, что медицина и образование — традиционно женская сфера.

И не потому, что женщинам так нравится, — просто там не очень много денег платят. Если раньше, например, в сберкассах и банках нельзя было много заработать, то на кассах трудились женщины, а сейчас уже в этих окошечках и парни сидят...

Что касается образования, то в нашем обществе принято девочку учить. И девочки учатся, как правило, охотнее. Но на этом все и кончается. Женщина выходит замуж и посвящает себя семье, в то время как парни активно делают карьеру. Правда, сейчас ситуация немного изменилась: согласно нашему законодательству уже и отец может уйти в декретный отпуск. Но в обществе все равно существует стереотип, что ребенка должна растить мама. Зачем далеко ходить за примерами:

— Очень редко! К сожалению, журналисты не любопытны. Социологи подсчитали: лишь 2 процента газетных площадей посвящены женской тематике (я не имею в виду публикации в канун 8 Марта). И очень неохотно на женские темы пишут...

сами женщины. Почему-то считается, что это журналистика второго сорта. Готовить материалы о социальных проектах, которыми в основном занимаются женские организации, у нас немодно.

Зато престижно писать о большой политике, которую делают наши вечные харизмы.

— Журналисты всегда реагируют на сенсацию, громкий информационный повод...

— Ну а кому и когда были интересны «бабские» проблемы?.. Я помню одно из высказываний журналистки Ирины Халип, которая еще на заре перестройки заявила, что многие профессиональные вопросы решает с помощью длинных ног и красоты своей нетленной. Но ведь красота рано или поздно заканчивается. Годы проявляются, простите, даже на длинных ногах. И как дальше решать вопросы?..

В свое время мало кто не прикалывался над темой гендера, и представители СМИ в том числе. Но ведь гендер — это не только о женщинах. Это и о мужчинах. О взаимоотношениях полов и равных возможностях. Скажу просто: о том, кто кого имеет, кто над кем доминирует. Гендер — это равновесие. Например, у нас есть женские консультации, но нет мужских. Мы стесняемся говорить о проблемах, с которыми сталкиваются женщины и мужчины 40–50-летнего возраста. Если разобраться, то гендер — это замечательная штука.

— Бывали случаи, когда гендерную тему освещали тенденциозно?

— Конечно. Иногда это случается от непонимания. Есть статьи, которые призывают сохранить определенные патриархальные стереотипы, касающиеся семьи. И самое удивительное, что многие женщины активно подпевают этой теме, утверждая, что согласны быть только хранительницами домашнего очага. Но одно дело, когда есть муж, дети и есть что хранить. А если муж убежал к молодой? Если семья — это всегда усилие и старание двоих, то

почему хранить домашний очаг должна только жена?..

Есть люди с определенными религиозными предрассудками. Они тоже гендер не принимают. Например, православная религия — домостроевская по сути, она закрепляет четкие стереотипы в сознании

«В Беларуси не хватает качественных мужчин!»

Об этом Нина Стужинская сказала в интервью «Народной воле».
— Практически на всех наших встречах женщины уже буквально криком кричат, что не с кем заводить семью, не от кого рожать детей. Да и нормального, бритого и мытого бой-френда сложно найти. Увы, но это так...

людей. А вот я посмотрела публикации евангелистов, в которых они советуют мужчинам использовать этот самый гендер, перестраивая отношения со своей женой: где ей нужно внимание, а где — помощь, что у нее можно попросить, а что — потребовать. Так что гендер сегодня напоминает о себе все чаще и чаще. И наиболее патриархальными в вопросе равенства полов остаются те, которые считают себя очень прогрессивными.

— Сегодня во всем мире наблюдается тенденция снижения доверия к журналистам. Интересно: вы, когда читаете газеты, обращаете внимание на подпись, которая стоит под материалом?

— Нет. Я больше обращаю внимание на то, что это за газета, могу я доверять написанному или нет.

— Нина Ивановна, можете ли вы, как и героини известных сериалов, на всю страну заявить: «Все мужики — сво...»?

— Отношение женщины к мужчине — и это научно доказано — среди прочего зависит и от уровня гормонов. Есть период большого интереса, когда мужчина наделяется чертами, которых у него, наверное, и нет. Женщина его просто идеализирует в своем сознании. А потом наступает период семейной жизни, когда приходит отрезвление, поскольку

наш мужчина не привык справляться с ролью заботливого мужа и отца. Статистика разводов в Беларуси такова, что об этом и рассказывать не стоит... С возрастом семья уже больше воспринимается как хозяйственная структура. Хорошо, если у супругов есть взаимоуважение, есть понимание обязанностей по отношению друг к другу, к своим уже взрослым детям. А если нет?

Поэтому я бы строила свое отношение к мужчине от романтического до прагматического, в зависимости от возраста.

— В интервью «Народной воле» вы заявили, что сейчас в среднем на девять белорусских женщин приходится только один приличный мужчина. Знаю, что многим представителям сильного пола эта статистика пришла не по душе.

— Наверное, они просто отнесли себя к тем восьми, которые никуда не годятся. Если бы у них все было благополучно в отношениях с женщинами, такой реакции не было бы.

— Как бы вы охарактеризовали белорусских мужчин?

— У меня по отношению к ним слишком много скепсиса. Многие забыли про свою главную социальную роль — отца и мужа. Кто в этом виноват? Ситуация в стране, образование, неправильная идеология, распад СССР? Это вечный вопрос...

— Сейчас есть другой удобный повод, на который можно списать мужскую не-

состоятельность: финансовый кризис. Как думаете, наш сильный пол его переживет?

— Мне иногда кажется, что тему кризиса усиленно раздувают как раз мужчины — чтобы лишний раз не дать женщине денег на шубу, на машину, на бензин... Хотя я считаю, что белорусские женщины, которые носят дорогие шубы и ездят на хороших авто,

зарабатывают на них сами. За редким исключением. Существует, конечно, группа молодых девочек-бабочек, есть «папики», которые их содержат, но в Беларуси это не очень распространенное явление.

— **Вы не раз говорили о том, что семья — основа любой государственной системы. Как вы относитесь к тому, что в Беларуси фактически запрещено писать о личной жизни главы государства?**

— Мне кажется, в нашем обществе весьма терпимы к таким вещам, как супружеская измена, как, извините, многоженство первых особ. Мне врезалось в память, как в электричке зашла речь о том, что президент давно не живет со своей женой. И одна женщина говорит: мол, ему можно, он же президент. Я не выдержала: «А если бы вашу дочь муж бросил, чтобы вы тогда сказали? Что зять — сволочь?»

Я считаю, что у людей есть интерес к этой теме. И почти все ее обсуждают между собой. Ведь президент публичная персона, как и многие другие высокопоставленные чиновники. Однако они хотят быть кастой неприкасаемых.

— **Но ведь нет ничего плохого в том, что люди сходятся и расходятся, — это жизнь...**

— Конечно. Вспомните, сколько писали о новой жене президента Франции. Я считаю, это гораздо честнее по отношению к женщинам и пример тем же французам, что семья есть семья и что отношения рано или поздно требуют определенного законодательного оформления. Тем более что президент страны должен показывать пример моральности и нравственности.

Словарь

Гендер (gender — род) — специфический набор культурных характеристик, которые определяют социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой.

Поскольку «гендер» — понятие, включающее в себя взаимоотношения, то термин «гендер» должен распространяться и на женщин, и на мужчин.

Подобно представлениям о классах, расе и этничности, понятие «гендер» является аналитическим инструментом для осмысления социальных процессов. Гендер — часть социально-политического процесса, а не прибавка к нему.

Гендерные роли — усвоенное поведение, которое обуславливает деятельность, задачи и ответственность, воспринимаемые как мужские и как женские. Гендерные роли не постоянны, они изменчивы, многообразны как в пределах одной культуры, так и в различных культурах. Иными словами, роли в обществе не предопределены полом — они диктуются социальным устройством, которое либо пытается решить, либо, напротив, усугубляет проблему гендерной справедливости.

Гендерное равенство — это равная оценка обществом схожести и различия между женщинами и мужчинами, социальных ролей, которые они играют.

Равенство долгое время считалось в основном женской проблемой. На самом деле это мужская проблема. Большинство мужчин рассматривают себя не как представителей мужского рода, а как представителей рода человеческого. Гендерный, или мужской, шовинизм несовместим с демократией и цивилизованным обществом и государством.

Эдуард МЕЛЬНИКОВ

Литературное

Творческий человек имеет право на свободу от многих оков. Однако он никогда не будет свободен от материала своей профессии. Скульптор — от глины, гипса, камня... Художник — от холста, кисти, палитры. Музыкант — от инструмента. Танцовщица — от сцены, пуантов, эластичности и крепости мышц и связок, как это ни прозаично. А писатель, журналист — от слова.

Оно может быть неподатливым, как камень, даже если этих слов россыпи. Наиболее распространенный недостаток всех эссе, которые пишут абитуриенты и студенты первых курсов, — это абстрактное стремление сказать что-то выдающееся (если не гениальное), стремление, не считающееся ни с реальными возможностями автора, ни с темой, которая задана, ни с материалом, который требуется переработать и превратить в журналистское произведение.

На протяжении нескольких лет лекторы и тренеры Белорусской ассоциации журналистов, проводя анкетирование начинающих собратьев по перу, неизменно отмечали одну и ту же закономерность. Те, кто в ответах на вопросы анкеты о причинах, объясняющих желание связать свою жизнь с журналистикой, подчеркивал личные амбиции, во второй части тех же анкет неизменно жаловались на одни и те же «муки творчества» — неумение найти тему, выстроить композицию материала, создать образную структуру, найти свой, индивидуальный стиль.

Эта закономерность далеко не случайна. Молодые люди в первую очередь видели себя в журналистике, а не журналистику в себе. А в журналистике (как и в литературе) таланты невозможно раскрыть вне какого-то материала: фактов, характеров, образов. В этом состоит феномен мастерства: нужно уметь растворять себя в материале.

Литературное мастерство журналиста, как это ни «скучно» звучит, служит вполне определенной цели: тому, чтобы ваш текст был понят другими людьми, и понят правильно. Вместе с тем важно, чтобы информация или идеи, которые доносит журналист, надолго запечатлелись в памяти читателя (зрителя, слушателя).

мастерство журналиста

Вот здесь-то и происходят все драмы, над чистым листом бумаги (экраном компьютера) проливаются невидимые миру слезы.

Ничего нового мы здесь не открываем.

На двойственность природы творческого акта обращает наше внимание, например, великий русский философ Николай Бердяев. В его книге «О назначении человека» есть глава «Этика творчества», которая привлекает точным и исчерпывающим определением сути творческого процесса, его внутренней противоречивости.

Как пишет Н. Бердяев, «первичный творческий акт совсем не является искусством». Можно сказать, развивая эту мысль, что творческое вдохновение испытывают и молящийся в церкви человек, и влюбленная девушка (парень), и путник, покоренный красотой вечернего заката, но не умеющий выразить ее словами. Такие состояния переживает большинство людей, но их не называют творцами, художниками, мастерами.

Но потом, пишет Бердяев, наступает «вторичный творческий акт, связанный с тем, что человек есть существо социальное». «Пишется книга. И тут является то, что в творчестве называется мастерством, искусством».

Если принять во внимание особенности стиля речи Н. Бердяева — возвышенного, несколько, может быть, экзальтированного, то мысль, высказанная здесь, звучит довольно здраво: «Творческое произведение есть результат встречи идеального представления автора, некоей идеи, которую он хочет воплотить, с материалом, на котором эта идея раскрывается».

Далее — еще более важная мысль: о том, как этого добиваться.

«Искусство вторично, и в нем творческий огонь охлаждается» (выделено мной. — Э. М.). ...Люди называют творчеством создание охлажденных продуктов. И закон классического творчества требует максимальной охлажденности... В этом трагедия творчества и граница человеческого творчества.

В этом конце есть страшный суд над человеческим творчеством».

Как это ни поразительно, но от идей великого русского философа начала XX века о «замороженности» продуктов творчества один шаг до современных представлений практичных американцев о приемах письма как о «полке с инструментами» для «изготовления» текстов.

Вот рекомендации Пойнтеровского Института, которые уместно назвать алгоритмом творческого процесса:

«Готовый текст может казаться чудом читателю, но это продукт невидимого процесса, серии рациональных шагов, набор приемов...

Принюхивайтесь. Разведывайте. Собирайте. Фокусируйте. Выбирайте. Ранжируйте. Редактируйте.

Не думайте об описанном плане как об инструменте. Думайте о нем как о полке с инструментами. Подобным образом каждое из слов, описывающих процесс письма, содержит тип мышления и письма с полным набором своих приемов и инструментов».

В совокупности все эти инструменты «разложены» Роем Питером Кларком в знаменитых «50 приемах письма», переведенных на многие языки и ставших учебным пособием для тысяч журналистов в различных странах мира.

Вторая «необходимость», предназначение литературного мастерства — создание эмоционального потенциала вашей публикации.

Психологи утверждают, что возникновение (создание) эмоции — прямой путь в «шахты» подсознания. Эмоциональная память считается наиболее прочной, эмоция «нанизывает» на себя множество актуальных фактов и напрямую «доставляет» их к тем сферам сознания человека, где формируются духовные ценности.

Достижению этой цели служит образная структура материала, в основе которой лежит способность автора к широким и продуктивным ассоциациям.

Воображение и ассоциативность мышления — важнейшие показатели творческого потенциала автора.

Воображение

Бытует мнение, что наличие богатого творческого воображения необходимо только в художественном творчестве.

Нет ничего, более далекого от истины.

В психологии четко выделены функции воображения в процессе создания новых духовных ценностей. Прежде всего, его называют «королевской дорогой в подсознание». Это означает, что только воображение, подсказывающее нестандартные композиционные решения материала, оригинальную постановку проблемы и т. д., прокладывает путь не только к разуму читателя, но и к его «сердцу», то есть к тем глубинным слоям психики, где формируются базовые, ценностные установки любой личности.

Первейшей функцией воображения называют эмпатическое (сопереживающее) видение. Эмпатия, способность понимать и чувствовать состояние другого человека, свойственна всем без исключения людям. В творчестве она возникает, когда автор сознательно «входит» при помощи воображения в состояние другого человека, в воображаемое сознание животного и даже неодушевленного предмета. В истории мировой культуры таких примеров множество. Пожалуй, самый выдающийся из них — повесть Л. Н. Толстого «Холстомер», вся, от начала до конца, написанная «от лица» лошади.

Очень редко, но в прессе встречаются превосходные зарисовки, построенные в форме монологов (или размышлений) неодушевленных предметов. Например, обшарпанной трибуны, задвинутой в угол какого-то клуба. «Вспоминая» свою

«молодость», трибуна «слышит» речи, «бурные, продолжительные аплодисменты», которые звучали в зале, затем совсем другие выступления и «оголтелые» выкрики из зала. При помощи такого приема, продиктованного воображением, автору удается передать переменчивость нашей быстротекущей жизни, ежеминутно создающей и свергающей кумиров — идеи, людей.

Эмпатическое «видение» другого человека может иметь и более прозаические, чисто технические функции. Например, на основании информации, собранной о вашем будущем собеседнике, вы мысленно выстраиваете его внутренний облик, психологический портрет. Исходя из этого готовятся вопросы для будущего интервью. Конечно, не всегда воображаемое совпадает с реальным. Но при подготовке интервью планирование самых разнообразных, самых неожиданных и оригинальных вопросов считается обязательным требованием в профессии журналиста. Конечно же, воображение необходимо и при планировании эксперимента, при построении версий журналистского расследования.

Вторая функция воображения — хранение опыта в эмоционально-образной форме. Нетрудно убедиться, что «мысленное конструирование», прогнозирование событий (политических, экономических, социальных), предугадывание новых «очагов» рождения актуальной информации является одним из важнейших признаков профессионализма. Конечно, такое предвидение строится на основе досконального знания фактов и тенденций, но их экстраполяция без воображения просто невозможна.

Третья функция воображения — собственно творческая. Психологи подразделяют ее на три направляющие:

а) *Способность к мысленному изменению, преобразованию конкретных объектов и ситуаций.* Очевидно, эта способность воображения в наименьшей мере пригодна для журналистики. Впрочем, есть примеры, когда гротескное искажение реальных фактов помогало полнее и точнее выявить их потаенный смысл (вспомним хотя бы Салтыкова-Щедрина). Такой прием чаще всего используется в памфлетах, фельетонах. Правда, в последние годы примеры такого рода совсем редки. Но они есть.

б) *Воспроизведение объектов, событий, деталей* также невозможно без активизации воображения. Наиболее полно сохраняются в памяти эмоционально значимые события или яркие впечатления. На уровне подсознания они обобщаются и типизируются, но именно воображение способно извлечь их оттуда, воспроизвести в наибольшей полноте.

в) *Создание новых моделей желаемого или необходимого будущего.* В этой своей роли воображение, основанное на фактах и твердом знании, порождает такие жанры, как обзоры, политические, экономические и иные прогнозы, а то и просто реализуется в стремлении автора яркой публицистической статьи поделиться своими мыслями о ближайшем или отдаленном будущем своей страны. Именно такого рода прогнозами сейчас богата белорусская независимая пресса.

Ассоциации

Именно яркие, неожиданные и неповторимые ассоциации создают образную структуру литературного текста.

Нет ничего такого, что нельзя было бы соединить между собой. В теории творчества это означает, что потоки ассоциаций просто не знают берегов. Напротив, самые отдаленные ассоциации часто бывают самыми интересными — неожиданными и парадоксальными. Например, что общего между Шота Руставели и медициной катастроф? Да ничего, скажем мы и ... ошибемся. Вот начало заметки из газеты «Известия»:

«Если действовать не будешь, ни к чему ума палата. Эти слова Шота Руставели могли бы стать девизом закончившейся на днях в Москве международной конференции «Медицина катастроф».

Кстати (и это тоже ассоциация!), о Москве, о конференциях. Однажды мне довелось посетить в Москве выставку полицейской спецтехники, проходившую в рамках фестиваля «Правопорядок и общество». Насмотревшись различных револьверов, элетрошокеров и наручников, газовых ружей и бронжилетов, я вышел из павильона с ... тяжелым чувством. Жутковато было представлять, как это применяется и каковы те люди, против которых предназначено такое снаряжение. Можно было бы начать заметку об этой выставке с пространного и невразумительного описания такого чувства. А

можно начать с цитаты из моего любимого Андрея Платонова, которую я чуть позже увидел ... в своем же читательском дневнике: *«Неужели же человек так страшен другому человеку, что между ними государство должно стоять?»* Благодаря ассоциации немедленно возникает подтекст, который придаст заметке эмоциональность, глубину и многозначность.

Возможности ассоциаций как средства выражения идей практически неограниченны.

Вот пример образной структуры, возникшей не на почве литературно-исторического контекста, а на живой, оригинальной ассоциации.

Вилл Дюрант: *«Цивилизация — это река с берегами. Река иногда полна крови от убийств, воровства, криков и прочих действий, которые обычно записывают историки; в то время как на берегах реки незаметно люди строят дома, занимаются любовью, растят детей, поют песни, сочиняют стихи и даже вырезают фигурки. История цивилизации — это история берегов. Историки пессимисты, потому что игнорируют берега ради реки».*

Яркий, зримый образ помогает наглядно представить, визуализировать довольно абстрактную, но важную гуманитарную идею, сделать ее доступной для массового читателя.

Нет такого материала, который нельзя было бы осмыслить образно, ассоциативно. Даже в протокольном отчете о дипломатическом приеме можно проявить свою фантазию. И именно из-за этого отчет будет прочитан.

Вот примеры того, как при помощи ассоциации можно выразить сложные общественно-политические и экономические представления и идеи.

Л. Лопатников. Статья «Что найдем. Что потеряем» — о ценообразовании.

«А теперь, как говаривал Писарев, представим себе, что наши высокие чувства не омрачают нашего пронизательного ума... И обнаружим, что на самом деле есть обстоятельства, когда повышение цен — благо и когда снижение цен — зло».

Ф. Бурлацкий. «Брежнев и крушение оттепели».

«Брежнев считал нормальным и теневую экономику, и грабительство в сфере услуг, и взятки чиновников. Это стало едва ли не всеобщей нормой жизни. Вспомним слова Сен-Симона, давно уже заметившего, что нации, как и индивиды, могут жить двояко: либо воруя, либо производя».

Основное требование к использованию ассоциаций — их точность, прицельность, «работа» на тему.

И. Петровская. «Послушай «москаля» и сделай наоборот» (о деятельности российских телеканалов в период президентских выборов в Украине).

«Российские корреспонденты принялись из программы в программу «мочить» одного кандидата в президенты и до небес возносить другого, предполагая, очевидно, что «младший брат» — украинский зритель — пойдет за их дудочкой, как крысы за дудочкой сказочного Нильса».

«**Белорусский рынок**». «Можно ли приобрести улыбку чеширского кота, не покупая самого кота? Именно это руководство Беларуси и пытается сделать, стремясь перевести страну на путь инновационного развития. Оно хочет приблизиться к Западу по уровню технологий и уровню жизни, но в то же время не желает признавать частную собственность, рыночные отношения, не говоря уже о западных ценностях и образе жизни».

Далее следует довольно серьезный материал о путях возможного реформирования белорусской экономики. Думается, приведенная в начале статьи метафора знакома читателю, которому предназначена.

Подобными примерами переполнены хорошие, качественные газеты, дающие нам образцы настоящей, профессиональной журналистики.

В использовании ассоциаций есть и свои ограничения. Прежде всего, это их уместность, полное совпадение с контекстом того, что вы хотите сказать.

Вот примеры не совсем точных «попаданий»:

«Как известно, Петрарка 31 год писал о Лауре, но взаимопонимания не достиг. Иногда мне кажется, что самым неприступным красавицам далеко до бюрократических ведомств, — чтобы привлечь их внимание, не хватает усилий всей нашей прессы».

Заметим, чтобы впести ассоциацию в текст, автору потребовалось дополнительное усилие: «Иногда мне кажется...» Естественная ассоциация «легла» бы в текст легко и свободно.

Немаловажно и количество ассоциаций, присутствующих в тексте, пусть даже они уместны и точны. Здесь тоже нужна мера. Очевидно, как предельную следует расценить насыщенность ассоциациями следующего журналистского пассажа:

«У музеев свой кризис, своя тревожная ситуация. С каждым годом острее, как на ранней стадии капитализма, расслоение (выделено мной. — Э. М.): богатые становятся богаче, бедные — беднее. Конечно, Третьяковка и через сто лет будет Третьяковкой, а Эрмитаж, как старинная рукопись, со временем только наберет славу и ценность — подлинник Серова или Репина никогда ничем не заменить. Ясная Поляна, Михайловское, Тарханы, Спасское-Лутовиново — за их будущее если и нужно беспокоиться, то лишь в том плане, чтобы башмаки бесчисленных почитателей не стерли в пыль священные половицы. Но такие музеи наперечет, как линейные корабли. Ну а иные, не богатые и не знаменитые?..»

Этот пример указывает нам еще на одну неприменную черту плодотворной ассоциации: она должна происходить из широкого пласта литературных, исторических, бытовых и т. д. ассоциаций, понятных большинству читателей. Сравнение музеев с линкорами, конечно же, искусственно: ну не все обязаны знать, что на флоте их немного.

Очень часто непрерывная цепь авторских ассоциаций составляет сюжетный стержень публицистического текста. Эти ассоциации переходят одна

в другую и в совокупности представляют собой неповторимый узор авторского замысла, того сплава размышления и чувства, который и придает блеск журналистскому произведению.

Техника тренировки ассоциативного мышления

Прежде всего, ассоциативное мышление основывается на широкой эрудиции. Без знания истории, литературы, различных гуманитарных наук бессмысленно надеяться на то, что ассоциация сама собой придет к вам. Но есть и другая опасность: вы можете много знать и помнить, но в нужный момент, в процессе письма, это просто может не всплыть в вашем сознании. Существует такой профессиональный прием, как систематическое накопление и фиксация фактов и наблюдений, имеющих мало-мальски широкое содержание, которое позволяет употребить их в переносном значении, в другом контексте. Чаще всего инстинкт подсказывает нам: «Это интересно, следует запомнить». Но природная лень отбрасывает из ряда профессионалов того, кто не привык вести дневники или делать выписки из прочитанных книг.

Увидели, вычитали нечто оригинальное, что восхитило вас, понравилось, вызвало эмоцию, — запишите немедленно, не оставляйте на «потом». Даже если это сейчас вам и не нужно. Можете быть уверены: через весьма короткое время необходимость в этой детали, цитате, сравнении возникнет обязательно. Но память ненадежна, и вы мучительно вспоминаете: где я это видел, совсем недавно, ну где? Сейчас бы так пригодилось! Кроме того, многое просто тонет в подсознании и не спешит выйти на поверхность. Регулярные журналистские записи и их просмотр (а это здорово «разогревает», пробуждает воображение!) дают вам возможность всегда быть богатым на ассоциации, сравнения, метафоры. В телевизионной журналистике способность к широкому ассоциативному мышлению иногда приходится проявлять в прямом эфире, в доли секунды. Многие опытные журналисты, известные писатели говорили мне, что их блокноты переполнены заготовками, которые обязательно пригодятся в будущем. Этот творческий прием известен уже много веков: после смерти знаменитого древнегреческого оратора Демосфена в его личном архиве нашли множество зачинов для еще не написанных речей.

«Склады» ассоциаций журналиста должны быть переполнены не только словами, но и наблюдениями, деталями, сценками, описаниями. Кроме того, что это обогащает вас, ежедневная привычка записывать все интересное постоянно держит в творческой форме, устраняет психологический барьер, страх перед чистым листом, возникающий всегда, если вы достаточно долго не создавали оригинальных текстов.

(Продолжение в следующем номере)

Леонид МИНДЛИН

Пути журналистские, как известно, неисповедимы. Равно как и встречи на этих дорогах с людьми, которые стали персонажами репортажей, телепрограмм, видеофильмов. Всмотриваясь во фрагменты собственного бытия, сохраненные на видеопленке и дисках, я вспоминаю строки из «Планеты людей» Антуана де Сент-Экзюпери: «Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения». Сразу признаюсь: мои персонажи — не лучшие представители рода человеческого, грехов они накопили за свою жизнь немало. Но, как сказал еще один литератор: «Людей неинтересных в мире нет. Их судьбы, как истории планет...»

АПОЛИТИЧНЫЕ ИСТОРИИ

с р. с.

Боевик без финала

Третий день Геша П. гулял на воле. Третий день он был не только свободен, не только богат, но и знаменит. Возле ворот «зоны» его ждали репортеры и телегруппа, а в Минске, в издательстве — 10 тысяч «зеленых». Все это вместе — и пресса, и деньги — было гонораром за девять повестей, написанных в колонии строгого режима и ставших бестселлерами. В приватном издательстве вместе с деньгами Геше выдали авторские экземпляры его книг. Со всем этим богатством Геша отправился в магазин «Панорама» — за гардеробом, который он не обновлял лет эдак восемь. Он примерял «фирму» и подписывал девчонкам-продавицам свои боевики. Девичьи сердца трепетали от одних названий: «Взорвать Калининград», «Стрельба по скотам», «Пуля с Ваганьково» ...

Вот с ваганьковской пули все и началось.

Криминальная профессия Гешы П. — Аферист. Пишу с большой буквы, потому что его аферы были на грани гениальности. Аферист — это

одновременно сценарист, режиссер и актер. Сюжеты его афер не повторялись. Постановка соответствовала изобретательности содержания. Ну а перевоплощения... сам великий Станиславский при всем желании не смог бы крикнуть ему свое знаменитое: «Не верю!»

И ведь как верили! Губастый, с ясными голубыми глазами, неторопливыми движениями, он вызывал доверие сразу, в какой бы роли ни выступал. Он бывал милицейским опером, зампредисполкома по торговле, изобретателем, налоговым инспектором и т. д. и т. п. Он втюхивал, вешал лапшу на уши, лепил горбатого, брал на понт, разводил с вдохновением творца ...

Его школой был центр Минска 80-х годов. Здесь он оттачивал свой дар на «янкесах» и «бундесах» (гражданах США и ФРГ), которых разводил фарцовкой на доллары-марочки. Его клиентами были и «паны» (граждане Польши). За свою косметику и фирменные майки они получали

«куклу» — стопку нарезанной бумаги, спрятанную между советскими десятками!

В своем деле, повторю, он был гениален и... неудачлив. Охмутив очередного лоха, Геша в лучшем случае все прогуливал с веселыми подружками. Но был и второй вариант — «зона». Опера угрозыска вычисляли Гешу на раз. Его губил собственный талант, творческая натура. У него был неповторимый почерк, столь же уникальный, как отпечатки пальцев. И потому третий срок Геша отбывал в Глубоком, в колонии для рецидивистов.

Время было историческое — начало 90-х.

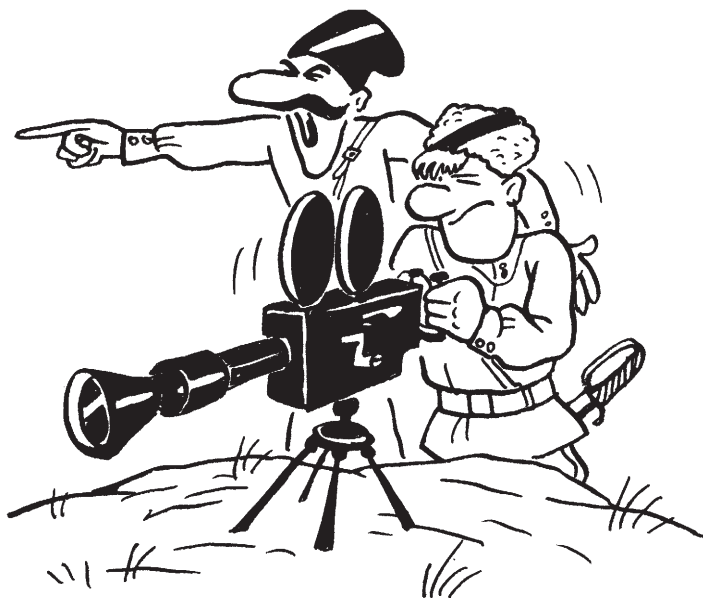
— У вас, блин, на воле путч ГКЧП, революция, братва в бизнес подалась, в рэкет. Сама гуляла и ментов кормила. А у нас — подъем, построение, шмон, ШИЗО. У вас хоть талоны на сахар, на водку, на сигареты, а у нас нищета, — обрисовывает Геша политическую и экономическую ситуацию на «зоне», заваривая под телекамеру классический лагерный чифир. Этот эпизод для телефильма предложил он сам.

Есть в криминальном мире такое понятие — общак. Что-то вроде банка или кассы взаимопомощи, куда братва отчисляет процент от доходов. Общак — это институт не только экономический, но и социальный. Он поддерживает ветеранов криминалитета, ушедших на заслуженный отдых. Он спонсирует уголовные таланты и инвестирует в профессиональную подготовку подрастающей смены. Братва на свободе не забывает и о братве на нарах. Это называется «греть зону» — легально и нелегально подбрасывать туда чай, сигареты, продукты, наркоту.

Геша был лишен даже самого скромного «грева». Он был художник. А художник всегда одинок, всегда в эмпиреях, новых замыслах. Такая проза воровской жизни, как общак, его не интересовала. Ну а если попроще, часть своих доходов он в общак не отчислял. Не из жадности. Просто деньги к нему легко приходили и легко уходили. Богема! Его личный бюджет был всегда дефицитным. Поэтому «греть» его было некому и не за что.

Но милостей ни от общака, ни от МВД он не ждал.

— В Нью-Йорке есть крутая тюрьма Синг-Синг. Очень знаменитая, — продолжает рассказ Геша. — Там чалятся три тысячи американских фраеров. И все у них есть. Обидно за нашу державу, за нашу голь. И подумал я: ну, американская братва, проверю я вас на вшивость. И написал открытое письмо. Под названием «Братве Синг-Синга». Так, мол, и так, обрисую нашу ситуацию. Вы чалитесь, и мы чалимся. Но у вас на эка дохрена в долларах положено, а у нас и в рублях почти ни хрена. Поэтому, американская братва, вас там, богатеньких буратин, три тысячи — скиньтесь, не жлобясь, каждый по 3 доллара. Это будет девять тысяч. Нам — чай, сигареты за ваши баксы. А вам — приятно: белорусским экам помогли в сложный для страны исторический период. Вы демократию построили, а мы только начинаем... А как же ее построить без

«грева»? Обсудите там на сходняке мою маляву и не тяните!

— Дошло письмо?

— Ага! До Кума дошло, главного чекиста «зоны».

— Наказал?

— Что ты, блин! Веселился. Я тебе, говорит, Геша П., дам еще адреса. В Англии, Франции, Норвегии. Там хорошо сидят, с удобствами. Пиши: эки всего мира, скидывайтесь! Может, откликнутся. А то скоро собак нечем кормить будет. Хоть конвой на охоту посылай. Но пишешь ты здорово, дерзай!

И тут Геша понял, что слово тоже может «греть». Особенно когда пришел первый гонорар из газеты «Знамя юности».

От малогонорарной журналистики он по настоятельному совету Хозяина, начальника колонии, вскоре перешел в литературу. У Хозяина свой резон. Мало ли чего в газету просочится. Потом отвечай. А литература — она безвредна. Так они нашли друг друга — Геша П. и приватное минское издательство. Ему дали хорошего редактора, подбросили сюжетов и писчей бумаги. И он, сидя на шконке, подложив под лист дощечку, писал по 10–12 часов ежедневно месяц за месяцем свои девять авантюрных повестей. И уже не только из-за «грева». Из мира лагерного он с помощью ручки и бумаги уходил в вольный мир, где дрались, любили, побеждали... Первую повесть он назвал «Пуля с Ваганьково». Это был автобиографический боевик.

Самое неблагоприятное занятие — пересказывать книгу. Поэтому — очень коротко о содержании.

Скрываясь от минских оперов, Геша П. оказывается в Москве. Здесь он находит новых друзей, хлебную работу, жилье и развлечения. И все это на знаменитом Ваганьковском кладбище. Но, как всегда, его сладкая жизнь заканчивается внезапно и драматически. Геша и К° совершенно невероятным путем оказываются свидетелями разборки между сотрудниками КГБ и МВД, все еще расследующими давнее убийство актрисы Зои Федоровой.

Убийство было связано с ее знаменитой коллекцией бриллиантов и с интересом к драгоценным камням высоких милицейских чинов. Лишних свидетелей в таких случаях убирают. Лишним оказался и Геша.

Но ваганьковский финал выбирали не менты и не чекисты. Недаром Геша был аферистом. А это, как вы помните, три в одном: сценарист, режиссер,

актер. И потому, чтобы не получить свою пулю с Ваганьково, Геша П. выдает сам себя минским операм. За ним приезжает в Москву белорусский спецконвой, и под его надежной охраной Геша попадает сначала в безопасное СИЗО на Володарке, получает свой третий срок и затем спасает жизнь за стенами колонии строгого режима. Оттуда Геша П. выходит в 1997 году богатым и знаменитым...

P.S.

Спустя неделю мы отправились в Москву снимать ваганьковскую историю.

Там Геша сначала возложил две звезды к памятнику знаменитой аферистки Соньки Золотой Ручки («Я дилетант по сравнению с ней. Основоположница!»). В той же стилистике — торжественно и с поминальным глотком из фляжки — две звезды к памятнику Зое Федоровой («Роковая женщина! Из-за нее меня хотели замочить!»).

А последний съемочный день Геша пригласил нас отметить в ресторанчике «У Тиграныча» возле Белорусского вокзала.

Опускаю детали и меню застолья, но в финале Геша небрежно взглянул на счет и бросил на стол пачечку российских. «Сдачи не надо!» — царским жестом остановил он официантку.

Мы с Гешей вышли на улицу, оператор задержался в гардеробе.

Вышел он из ресторанчика явно озадаченным.

— Геша, там у официантки к тебе вопросы, ну-ка вернись! Ты чем с ней рассчитался?!

Спустя несколько минут Геша вернулся. Лицо и поза были полны раскаяния.

— Опять «куклу» втюхал? Что там — цветная бумага?

— Жаль, ты не видел, — развел руками оператор. — Произведение искусства. Сверху купюры российские, а внутри, в масть, то ли старые советские, то ли еще какие-то. Где ты их нашел? Готовился заранее, что ли?

Голубые глаза Гешы были кристально чисты, губы обиженно надулись.

— Рефлекс, — грустно сказал он, — условный. По академику Павлову. Все-таки столько лет в профессии. У вас, у журналистов, ведь тоже рефлексы. (Пауза.) Nulla deis sine linea. Ни дня без строчки!

Больше мы его не встречали. Слово исчез из жизни. Куда? Кто знает... Это только в его боевиках все заканчивалось победой главного героя.

Полковник Икс и генерал Игрек

Полковник Икс пробирался по проспекту тогда еще Скорины, осторожно проверяя, нет ли за ним «хвоста» из контрразведки. Он периодически изучал содержимое киосков «Белсоюзпечати», топтался возле магазинных витрин, перешнуровывал туфли... Вот так не однажды он хаживал по земному шару, доставая из очередного тайника очередной секрет.

Телегруппа, снимавшая очередной выпуск общественно-политической программы «Рейтинг», была вполне удовлетворена, но консультант, генерал Игрек, недовольно бурчал:

— Лепит горбатого. Халтура. Насмотрелся голливудских боевиков. Тоже мне 007!

Отставной полковник военной разведки США Икс приехал в Минск на научную конференцию по приглашению экс-генерала советской военной разведки Игрека. К этому времени они уже были

руководителями аналитических центров, «фабрик мысли». И хотя впервые они встретились год назад в Вашингтоне, где в качестве экспертов участвовали в переговорах между Беларусью и США по ядерному разоружению и экспортному контролю, Икс и Игрек были знакомы уже лет пятнадцать.

В начале 70-х они могли пересечься во Вьетнаме — лейтенантами. В Афганистане они уже знали о существовании друг друга. Капитан Игрек внедрял своих агентов в отряды моджахедов, отлавливал со спецназом ГРУ караваны с оружием из Пакистана. Капитана Икс интересовали советские военные, их планы, вооружение, психология.

Но прежде всего они интересовались друг другом и прочими бойцами невидимого фронта. Досье на Икса хранилось в сейфе афганской резиденции ГРУ. Игрек был файлом в компьютерной базе РУМО, пентагоновской разведки.

В конце 80-х в ФРГ и ГДР они уже служили полковниками. Мир вокруг тоже менялся. Пала Берлинская стена. Расстрелян румынский диктатор Чаушеску. Советские войска в Восточной Европе сидят на чемоданах, ожидая высылки в Союз... Но Икс — Игрек по-прежнему собирали информацию о противнике, наполняя свежими данными стрелы на штабных картах. Стрелы эти все еще были устремлены друг на друга.

Их собственные досье тоже пополнялись регулярно.

...Телекамера сопровождала полковника Икс до Троицкого предместья. Здесь по сценарию и была телеявка, где Икс встречался с Глокой Куздрой. (Так любя прозвали рыжекудрую ведущую программы «Рейтинг». Имя — бракадабра из стихов ее любимого поэта-футуриста Крученых.) Кафе в Троицком выбрали по совету консультанта Игрека. «Там хоть кофе приличный, и братва не матерится!» Генерал умел выбирать явки...

— Что вы знали о своем коллеге, мистер Икс? — спросила ведущая, начиная интервью.

— В Афганистане капитан Игрек мог стать богатым человеком. Он вам не рассказывал? Во время операции в Кабуле его группа нашла на конспиративной квартире тайник с бриллиантами, изумрудами, золотыми украшениями. На миллионы! Насколько я знаю, они передали сокровища в афганскую милицию. Я располагал копией его рапорта. Как разделили сокровища офицеры Царандоя, не известно, но они в таких случаях обычно убивали лишних и делили все между оставшимися. Получив эту информацию, мое руководство решило, что разработка Игрека для дальнейшего сотрудничества невозможна.

— А что, были такие намерения?

— Нам стало известно, что в свое время курсант элитного военного училища Игрек, находясь в Ленинграде, посещал суд над поэтом Иосифом Бродским. Уже офицером, под шофе, любил читать его стихи. Насколько я знаю, до сих пор помнит. Согласитесь, невероятное явление для Советской Армии. Разведчик, военная элита. И поэт-диссидент! Кроме того, — тут полковник Икс подмигнул в телекамеру, — товарищ генерал Игрек любит ярких женщин. Такой информацией мы тоже располагали.

— Так почему отказались от разработки? Столько компромата! Просто шпионский боевик. Вы шантажируете Игрека, что подбросите компромат КГБ. А те, кажется, конкурировали с ГРУ. Такой подарок им!

— Офицер, который читает Бродского и не скрывает этого, который идет в одиночку на переговоры с полевыми командирами Шах-Ахмад-Масуда и который не привозит из Афганистана миллионы, как некоторые его начальники, — не объект для вербовки. Безнадежен! И для нас, и для КГБ. Не на чем сломать.

...Генерал Игрек в съемках участвовать отказался. Но за кадром присутствовал. («Синдром советского

генерала, — съязвил полковник Икс. — Нет вышестоящего начальника, чтобы приказ получить».)

— А что знало ГРУ об американском полковнике? Что у него в досье? — спросила у генерала Игрека наша Глокая Куздра, но уже во время совместного ужина. — Если, конечно, не секрет.

— Какой секрет! Мы уже списаны в тираж. По тестированию Пентагона полковник имел IQ на уровне гарвардского профессора. В Афганистане трижды уходил из наших ловушек. В РУМО имел оперативный псевдоним «Яйцеголовый». Но терпели... В центральном аппарате, уже полковником, изучал психологию советского Генштаба, моделировал его реакцию на события и конфликты, различные сценарии действий. В общем, ковырялся в мозгу Советской Армии. Да он и сейчас мозговед. Только цивилизный.

— А что в досье полковника про женщин?

— Полковнику никто не пишет, — ехидно сказал генерал. — Но писатель Маркес здесь ни при чем. Миссис Икс — дама ревнивая и решительная, как утверждали наши источники. Реагировала оперативно. Кажется, у тебя была какая-то заварушка не то в Берлине, не то в Риме... не помню. Ее звали, вроде, Мэгги или Пегги, секретарша из твоей конторы... Ходок еще тот был! — подытожил генерал.

Кстати, став после 1991 года гражданским человеком и экспертом, генерал Игрек любил временами вспоминать боевое прошлое. «В рамках возможного! — предвещал он свои истории. — Без ущерба для обороноспособности».

Вот одна из таких историй... Высокое разведначальство очень любило, чтобы в отчетах о вербовке вражеских источников противоположного пола было побольше интимных подробностей. Вербовку такого рода называли «медовой ловушкой». Секса в СССР, как помните, не было. Литературы, кроме затрепанной десятками рук ротапринтной «Камасутры», тоже. Поэтому младшие офицеры разведоргана, так называемые

читчики информации, дополняли отчеты «наверх» сценами из эротических англо-франко-немецкоязычных романов. Кто знает, может, в этих донесениях под грифом «совершенно секретно» начиналась русскоязычная эротическая беллетристика!

...Шел 1993 год. И будущее представлялось исключительно светлым. Экс-разведчики поднимали тост за женщин из нашей телегруппы. Подтянувшиеся к импровизированному банкету дипломаты из белорусского МИДа и американского посольства обсуждали предстоящий визит Билла Клинтона в Беларусь. Правда, в Москве только-только отгремели бои возле телецентра и Белого Дома. Но здесь, в Минске, это воспринималось как нечто далекое, чужое, несурзное.

«Возврата не может быть! Мир изменился! Мы не противники!» — пришли к консенсусу Икс с Игреком под звон фужеров. До стадии «Ты меня уважаешь?» оставалось фужеров пять-шесть.

Спустя двенадцать лет экс-генерал Игрек в формате любимого у нас «круглого стола» громил НАТО, комментируя карту-клип на большом видеоэкране. Анимационные синие стрелы рвались с Запада к беззащитной Москве, грохоча гусеницами по белорусским дорогам.

В том же году отставной полковник Икс в аналитическом докладе своей «фабрики мысли» описывал три возможных сценария постсоветской агрессии на Запад, Восток и Юг. Доклад назывался «Постсоветские угрозы западным ценностям».

P. S. — Знаешь, — несколько растерянно сказала назавтра Глокая Куздра, придя на монтаж, — этот мистер Икс, когда вы пошли покурить, предложил мне подняться к нему в номер. Как ты думаешь, он хотел меня завербовать?

— А что он тебе сказал?

— *Maybe we have the night?*

— И что ты ему ответила?

— *I don't understand you!*

— Ха! — ухмыльнулась редактор программы, дама прямая и недвусмысленная. — Несчастливая та разведка, которая с тобой свяжется. Вербовать! Дура, вспомни, для чего мужики в номер тащат!

Дорога к храму

Лама-Ключарь был пузатеньким, хорошо податым буддийским монахом. Разговорчивостью и упитанностью он напоминал персонажа «Декамерона», всегда готового малость согрешить. Выражение щелочек-глаз говорило, что, согласно буддийским канонам о прошлых жизнях, до последней реинкарнации ему жилось повеселее.

День назад и мы считали, что нынешняя жизнь не удалась.

...Нелетная погода вторые сутки прижимала самолеты к полосам Домодедово.

— Это карма! — сказала продюсер, отсыпавшаяся на кофре от телекамеры Betacam.

Буддийский мотив был не случаен. Мы летели в Бурятию — снимать фильм о здешней экзотике, в том числе буддистском монастыре, дацане. «Все в мире полно зла и страдания», — утверждает одна из четырех великих аксиом буддизма. В чем убеждало происходящее в набитом доверху аэровокзале.

Но оказалось, для счастья нужно совсем немного. Например, дыра в серой оболочке неба — голубой тоннель в манящий мир, где вечно светит солнце и летает даже «Аэрофлот». Продремав пол-Европы и пол-Азии, мы опустили в Улан-Уде.

И все следующие пять съемочных дней стали просто подарком судьбы! Вертолет прилетал за нами минута в минуту; над Байкалом вовсю расцвело бабье лето; невесть откуда возник английский профессор-байкалолюб и согласился принять участие в фильме; без взяток и блата нам разрешили снять молитвенный ритуал лам, до сих пор сокрытый от телекамер... Так не бывает, но каждый день складывался из множества удач.

Лама-Ключарь стал одной из них. Собственно, он был чем-то вроде секьюрити, контролировавшего вход в главный храм. Потому сразу получил у нас кличку «Ключарь» — ведь он исполнял ту же функцию, что и христианский Петр-Ключарь, только заведовал входом в местный рай.

Важно и нетвердо он втолковывал нам, время от времени обращаясь к огромному сверкающему Будде в конце молельни:

— Мне указания от руководства не давали. Где ваша резолюция? У меня, однако, есть инструкции. Ну, ты чё, не знаешь, что такое внутренний распорядок?

В предыдущей жизни Ключарь был явно местной номенклатурой. Впрочем, от него многообещающе пахло смесью водки и вина. А у нас с собой

было. И потому врата в буддийский рай были открыты.

И вот мы тарашимся на немудреную экзотику главного храма: десятки ярких, румяных, сверкающих мини-будд, желто-красные одеяния лам, дымок от благовоний... Пока телекамера запоминает эти прекрасные мгновения, старший лама неторопливо излагает:

— В старые времена ламаизм называли желтой верой. По цвету головных уборов лам. Это цвет школы Гелугпа, возникшей в XV веке как одно из течений буддизма. Основатель Гелугпа, наш великий учитель Цхонзава, пришел тогда из горной страны в Гималаях. Поэтому язык богослужения в наших храмах в Монголии, Бурятии, Туве и Калмыкии — тибетский.

Ударяет гонг. Лама-Ключарь замирает в смиренной позе. Что-то шепчут лакированным Буддам старушки, оставляя после долгих переговоров в дар собеседнику кто конфетку, кто хлеб, кто водку... Время утреннего ритуала. Долгий, с нарастающим ритмом речитатив двух дюжин лам, с помощью мантр ретранслирующих Творцу бранные людские просьбы, упрятанные в заңдя, шнуры с узелками.

— Начальник, — шепчет мне лама-Ключарь, — однако, учитель Цхонзава был из нашего рода. Мой дядя.

— Тише! Ламы слышат. Что ты несешь, какой дядя! Это ж пять веков назад было!

— Не слышат, однако. Они отключаются. Ты чё? Про медитацию не знаешь? Скажешь, пять веков назад! В той жизни, однако, он мне дядей был. Наши оттуда пришли, из Тибета. Китайцы заставили.

— Какие китайцы! Их армия зашла в Тибет лет 40 назад.

— Начальник, китайцы, однако, во всех наших жизнях приходили. Про реинкарнацию знаешь?

Дискуссию пора было прекращать, пока монахи не вышли из транс.

— Слушай, а кем ты был в прошлой жизни, до последней реинкарнации, — тоже ламой?

— Нет, — печально сказал он, — я партийным, однако, был. Тоже начальником. Возил секретаря обкома. Какой человек! Главный, как Далай-Лама! Уважали. Два дома подарили. Омуля с Байкала везли. И мне тоже.

Я вдруг вспомнил давний митинг БНФ на стадионе «Динамо» в Минске. Трибуны забиты разномастным народом, и только в центральном секторе сидят люди в номенклатурной форме 80-х — дефицитных дубленок и пыжиковых шапках. Чей-то веселый крик в мегафон: «Эй, пыжики, встаньте! Покажитесь народу». Смех, свист. И никакой злобы. Перестройка, ее романтическая фаза.

— Скажи, Ключарь, а пыжиковая шапка у тебя была? Ты же племянник Цхонзавы?

— Ну, ты чё, начальник? Я ж такого человека возил. Мне в обкоме выдали. Мне, однако, из нерпы было положено. Ему — пыжик, мне — нерпа. Чтобы нас не перепутали.

— Не горюй, Ключарь. В следующей жизни он тебя возить будет.

И мне показалось, что щелочки-глаза ламы застелились.

Такой вот был миг бытия в тот день осеннего равноденствия, оставшийся на пленке. Распахнутое до горизонта небо. Мальчишка привязывает ленточку-хурдэ к дереву. На ленточке — молитвы. Чем выше привяжет, тем больше шансов на внимание Всевышнего. Ветер перебирает тысячи ленточек — тысячи людских чаяний трепещут, рвутся в полет. А рядом — очередь на прием к ламе-лекару, ламе-астрологу. На крыльце старуха с лицом, похожим на иероглиф, курит трубку и перебирает четки. В монастырской школе ударяет гонг, и присмирившие ламчата принимаются за многовековую мудрость сутр... Целый мир разместился на одном или чуть поболее гектаре пространства, притормозил в нем вечно спешащее время. И мы тоже неторопливо бредем по дацану, раскручивая молитвенные барабанчики, в надежде быть услышанными и понятыми.

По дороге к дацану наша гид, коллега с бурятского телевидения, почти пропела: «Еще издали вы услышите голос природы, звук тысяч колокольчиков, увидите святой знак над храмом — восходящий поток света, нимб».

Мы хмыкнули не без иронии по поводу непрофессиональной восторженности молодой журналистки.

Спустя несколько минут в долине между сопками, оттененный контуром горного хребта, мы увидели дацан. Впрочем, не так — не увидели. Первым взглядом он был воспринят как часть ландшафта, какой-то яркий остаток июля или августа, сохраненный теплом бабьего лета.

— Однако, стану я здесь, когда назад поедем, — сказал водитель Павел, — колокольчики послушать. Только надо на сопку подняться. Так справнее будет.

Вот так сидели мы на сопке, слушали звук тысяч колокольчиков, не удивлялись свету, исходящему от дацана. И не суть важно было: феномен ли это, атмосферное явление, оптико-акустический мираж или вправду голос природы, аура святого места... Лежащий внизу мир невозможно было понять аналитически. Его нужно было принимать цельно, без сомнений. Или поворачивать нашу «Тойоту» в сторону аэропорта и улетать. Экзотики везде хватает...

P.S.

Собирая сценарный материал, я выписал слова Будды Гаутамы, обращенные ко всем идущим по Пути Истины к Реке Времени: «Немногие достигают противоположного берега. Остальные же люди только суетятся на здешнем берегу».

Мы были пока на здешнем берегу.

— Гэта ўжо чацвёртая мая кніга за апошнія два з паловай гады. Тры з іх маюць англамоўныя аналагі.

Кніга «Будзіцелі» — пра жыццёвы выбар маіх герояў. Як напісана на вокладцы, «прозвішчы некаторых з іх невядомыя для шырокай грамадскасці. Часта ў інфармацыйным фокусе аказваюцца не яны, а іх дзеці і бацькі, жонкі і мужы, браты і сёстры. Між тым многія з іх пакутуюць не менш, чым тыя, чые прозвішчы ўсе ведаюць».

Я не лічу сябе пісьменнікам, я — журналіст. І ўсе мае кнігі — гэта прыклад чыста журналісцкай работы. На кожную з іх спатрэбілася больш за год. Аднак прэтэндаваць на рэкорд за хуткапісанне не збіраюся.

Калі Бог дасць, то сёлета выйдуць адразу некалькі кніг з тых чатырох праектаў, над якімі зараз працую. Усе яны амаль гатовыя, усе для мяне важныя і дарагія.

Спачатку павінны выйсці «Лёсы». Калі хто памятае, першая частка кнігі з такой назвай з'явілася ў 2006 годзе. Хачу дадаць другую частку і зрабіць «Агульны сямейны альбом», які аздобяць больш як сто ўнікальных фотаздымкаў. Нагадаю, што «Лёсы» — гэта каля сарака інтэрв'ю-маналагаў, у якіх вядомыя ўсёй краіне (і не толькі) людзі распавядаюць пра свой жыццёвы шлях.

Выйшла ў свет чарговая кніга Аляксандра Тамковіча

Кніга «Без палітыкі» ўключае размовы менавіта з палітыкамі, «Невядомае пра вядомых» — гэта размовы з амбасадарамі, якія раней працавалі ў Беларусі, і з тымі, хто працуе зараз. Тут таксама амаль нічога не будзе пра палітыку альбо эканоміку, бо таго вымагае прафесійная карэктнасць маіх суразмоўцаў.

І ўрэшце, яшчэ адна важная задумка на 2009 год, калі пройдзе чарговы з'езд Беларускай асацыяцыі журналістаў. Да гэтай падзеі я пачаў працу над кнігай «Інтэрв'ю, якіх не было». Сапраўды, іх насамрэч не было. Гэта віртуальныя інтэрв'ю, якія пішуць мае калегі-журналісты. Я толькі падрыхтаваў для іх агульныя пытанні.

